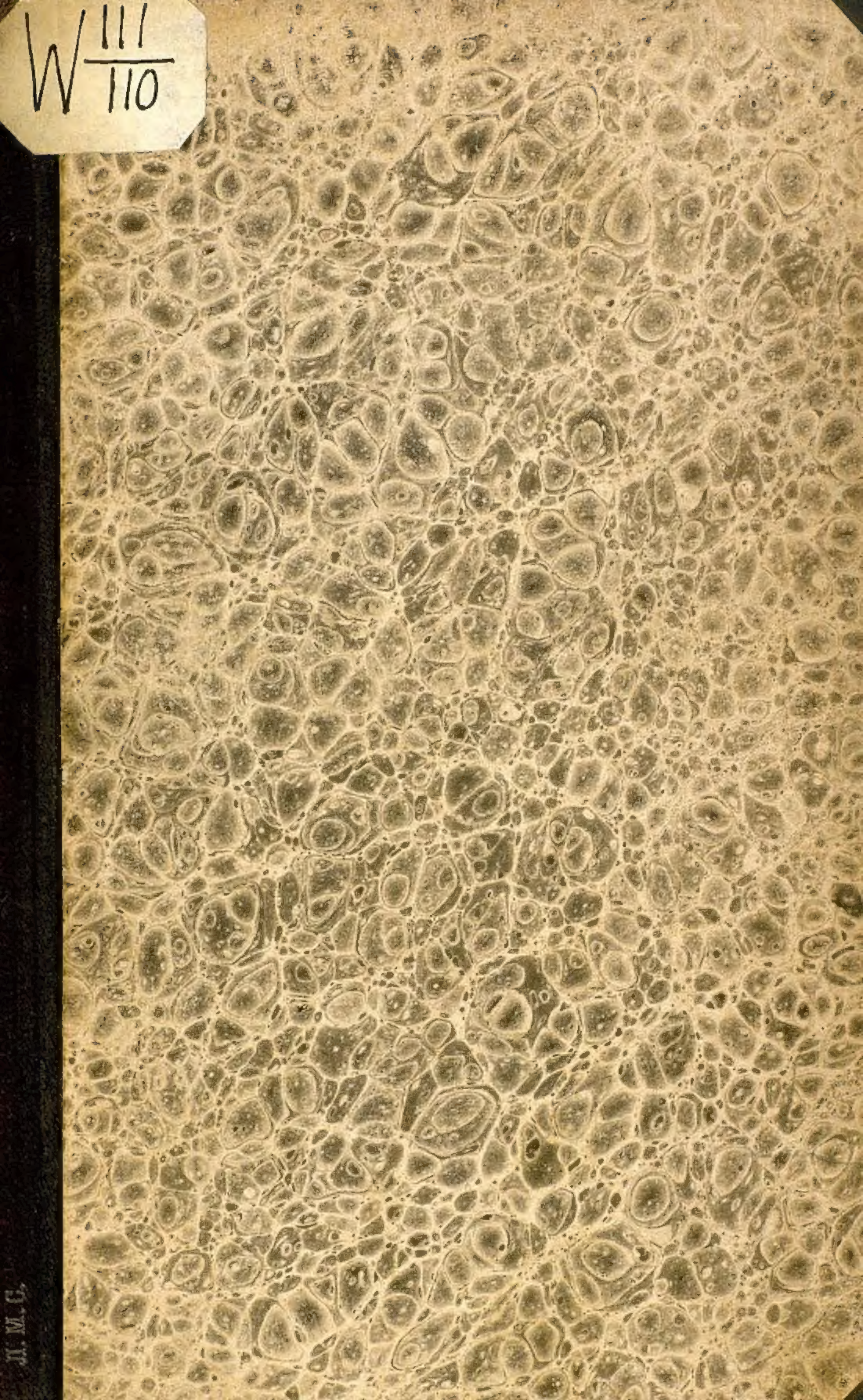

W 111/110
Л. М. С.

СОБРАНІЕ КНИГЪ
Отд. IV
№ 391
ЛЕОНИДА МИХАЙЛОВИЧА САВЕЛОВА

ИСТОРІЯ ХАРЬКОВСКАГО СЛОБОДСКАГО КОЗАЧЬЯГО ПОЛКА.

(1651—1765 гг.)

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЫ СЛОБОДСКИХЪ ПОЛКОВЪ.

ПО АРХИВНЫМЪ МАТЕРІАЛАМЪ СОСТАВИЛЪ

Евгеній Альбовскій.

ЦѢНА 2 РУБ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., д. Шахова № 17.

1895.

ИСТОРІЯ

ХАРЬКОВСКАГО СЛОБОДСКАГО КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА.

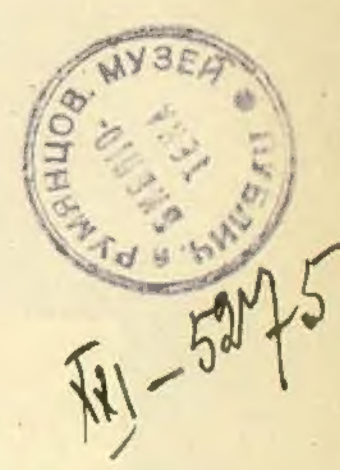
(1651—1765 гг.)

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЫ СЛОБОДСКИХЪ ПОЛКОВЪ.

ПО АРХИВНЫМЪ МАТЕРІАЛАМЪ СОСТАВИЛЪ

Евгеній Альбовскій.

ЦѢНА 2 РУБ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., д. Шахова № 17.
1895.

Печатано по разрѣшенію Военно-Учебнаго Комитета Главнаго Штаба.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Дорогимъ товарищамъ-офицерамъ Харьковскаго полка—свой трудъ посвящаетъ

Авторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОЧНИКИ.

1. *Д. И. Багалѣй.* Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Харьк. 1888 г. Т. I.
2. *Его-же.* Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и сосѣднихъ Курской и Воронежской губ. Томъ II. Харьк. 1890 г.
3. *Его-же.* Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Моск. 1887 г.
4. *Его-же.* Путешествіе академика Гильденштедта по Слободской Украинской губ. Харьк. 1892 г.
5. *Его-же.* Извлеченіе Пр. Филарета Харьковскаго изъ фамильныхъ записокъ Квитокъ.
6. *Его-же.* Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Харьк. 1889 г.
7. *Его-же.* Харьковъ въ XVII столѣтіи и основаніе г. Харькова. Харьковскій Календарь 1885 и 1886 гг.
8. *Бантышъ-Каменскій.* Исторія Малой Россіи. Моск. 1842 г.
9. *А. Т. Болотовъ.* Записки (1738—1795 гг.). Спб. 1875 г.
10. *Бѣляевъ.* О сторожевой, станичной и полевой службѣ на польской Украйнѣ Московскаго государства до царя Алексѣя Михайловича. Моск. 1848 г.
11. *Л. Вейдемейеръ.* Обзоръ главнѣйшихъ происшествій съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны. Спб. 1848 г.
12. *Висковатовъ.* Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ. Спб. 1841 г.
13. *Н. Гербель.* Изюмскій слободской козачій полкъ. Спб. 1852 г.
14. *П. Головинскій.* Слободскіе козачіе полки. Спб. 1865 г.
15. *В. В. Гуровъ.* Сборникъ судебныхъ рѣшеній, состязательныхъ бумагъ, грамотъ, указовъ и друг. документовъ. Харьк. 1884 г.

16. Дѣла Харьковской полковой канцеляріи (съ 1736 по 1765 г.), хранящіяся въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ.
17. Дѣла военной коллегіи, хранящіяся въ Московскомъ отдѣленіи архива главнаго штаба.
18. Записки фельдмаршала Миниха. Рус. Стар. 1874 г.
19. *Карцевъ*. Военно-историческій обзоръ Сѣверной войны. Спб. 1851 г.
20. *Г. Квитка*. Записки о слободскихъ полкахъ съ начала ихъ поселенія до 1766 г. Харьк. 1883 г.
21. *С. И. Кованько*. Историко-статистическое описаніе г. Харькова. Харьк. Губ. Вѣд. 1859 г.
22. «Книга, глаголемая большой чертежъ». Издан. Спасскаго. Моск. 1846 г.
23. *Г. Конискій*. Исторія Руссовъ, или Малой Россіи. Моск. 1848.
24. *Н. Костомаровъ*. Мазепа и мазепинцы. Спб. 1885 г.
25. *Его-же*. Богданъ Хмельницкій. 3-е изд. 1870 г.
26. *П. А. Кулишъ*. Исторія возсоединенія Руси. Спб. 1874 г.
27. *Лазаревскій*. Павелъ Полуботокъ. Рус. Арх. 1880 г.
28. *И. П. Ламбинъ*. Исторія Петра Великаго. Спб. 1843 г.
29. *Ген.-Лейт. Лееръ*. Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. Спб. 1889 г. Том. I—VI.
30. Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878 г.
31. *Маркевичъ*. Исторія Малороссіи. Моск. 1842 г.
32. *Метлинскій*. Матеріалы для исторіи Малороссіи. Хар. Губ. Вѣд. 1840 г.
33. *Пассекъ*. Очерки Харьковской губерніи.
34. Полное собраніе Россійскихъ законовъ. Спб. 1830 г.
35. *Ригельманъ*. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Моск. 1847 г.
36. *М. Салтыкова*. Дневникъ генерала Патрика Гордона. Часть 2-я. Моск. 1892 г.
37. *П. Семеновъ*. Географическо-статистическій словарь. Спб. 1873 г.
38. Слово о полку Игоревѣ. Вельтманъ. Изд. 2-е. Моск. 1866 г.
39. *С. М. Соловьевъ*. Исторія Россіи. Изд. 1870 г.
40. *И. И. Срезневскій*. Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны во время ея заселенія до преобразованія въ Харьковскую губернію. Харьк. 1883 г.
41. *М. Судіенко*. Матеріалы для отечественной исторіи. Кіевъ. 1855 г.

42. *И. Теличенко.* Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. Кіевская Старина, т. XX.
43. Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества. Харьк. 1883 г.
44. Уложеніе Алексѣя Михайловича. Изд. 1737 г.
45. *И. А. Устиновъ.* Описаніе г. Харькова. Харьк. 1881 г.
46. *Г. Успенскій.* Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ. Харьк. 1818 г.
47. *Н. Устряловъ.* Исторія царствованія Петра Великаго. Спб. 1863 г.
48. *Пр. Филаретъ.* Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи. Отд. I-е, изд. 1852 г.; отд. II—V, изд. Моск. 1857 г.
49. *Харьковскій Сборникъ,* выпускъ 1-й. Харьк. 1887 г.
50. *Н. Чижевскій.* Старозаимочныя земли. Харьк. 1883 г.
51. *А. Л. Шимановъ.* Главнѣйшіе моменты землевладѣнія Харьковской губерніи. Кіевъ. 1883 г.
52. *К. П. Щелковъ.* Харьковъ. Историко-статистическій опытъ. Харьк. 1880 г.
53. *Его-же.* Историческая хронологія Харьковской губ. Харьк. 1882 г.
54. *M. Gleszczynski.* Znaczenie i wewnetrzne zycie Zaporoza podlug Skalkowskiego oraz Hetmani Malorossyjscy i kozacy do czasów unii. Warszawa. 1852. г.

ИСТОРІЯ

Харьковскаго Слободскаго козачьяго полка.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ мѣстности, гдѣ теперь находится Харьковская губернія съ богатымъ и цвѣтущимъ городомъ Харьковомъ, въ былыя времена кочевали дикія орды разныхъ народовъ. Служа широкою дорогою, край этотъ видѣлъ въ теченіе долгихъ столѣтій много племенъ, смѣнявшихъ другъ друга и являвшихся изъ многолюдной Азіи. Были здѣсь Готы и Гуны въ IV вѣкѣ, Авары и Обры въ VI. Слѣдуя другъ за другомъ, они оставляли по себѣ разные памятники, сохранившіеся до нашего времени:—это „могилы“ (майданы)—большіе земляные курганы, во множествѣ разбросанные по всему необъятному югу Россіи; истуканы каменные, очень грубой работы, извѣстные у народа подъ именемъ „бабъ“, разставленные по высокимъ могиламъ, будто для стражи; лёхи—какія-то подземелья, соединяющіяся между собою, и городища. Въ этихъ могилахъ и лёхахъ находили различныя старинныя металлическія вещи—оружіе и женскія украшенія, а также и римскія монеты съ изображеніемъ императоровъ первыхъ вѣковъ, свидѣтельствующія, что этотъ край былъ заселенъ уже въ то время.

Затѣмъ здѣсь были Хозары, о которыхъ имѣется уже болѣе извѣстій, какъ жившихъ позднѣе,—въ IX вѣкѣ; ихъ, въ свою очередь, смѣнили Печенѣги, потомъ Торки и Половцы.

Нѣкоторыя названія населенныхъ мѣстъ въ предѣлахъ Харьковской губерніи и нынѣ свидѣтельствуютъ о пребываніи здѣсь этихъ народовъ. Такъ, напр., Хозарское городище, Хозарское поле, близъ г. Валокъ, Коганово городище, Кагановъ перевозъ, м. Печенѣги, въ 23-хъ верстахъ отъ г. Чугуева, и др. Городищами назывались мѣста, на которыхъ прежде существовали какіе-то города, остатки которыхъ сохранились. Предполагаютъ, что время существованія этихъ городовъ относится къ до-татарскому нашествію, т. е. къ XII вѣку; такъ были: Коломацкое городище, Донецкое городище и множество другихъ.

Половцы вели постоянныя войны съ славянскими племенами и долгое время опустошали ихъ земли. Извѣстны два похода въ половецкую землю, одинъ въ 1111 и другой въ 1185-мъ году—походъ Игоря Святославовича, кончившійся пораженіемъ русскихъ князей. Походъ этотъ описанъ въ высоко-поэтическомъ произведеніи „Слово о полку Игоревѣ", въ которомъ неизвѣстный авторъ воздаетъ хвалу тому Донцу. по берегамъ котораго селились впослѣдствіи Харьковскіе козаки[1]).

„О Донче! не мало ти величія. лелеявшу князя на волнахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мглами подъ сѣнію зелену древу; строжаше е гоголемъ на водѣ. чайкамъ на струяхъ, чрьнядьми (особенный родъ черныхъ утокъ) на вѣтрѣхъ"[2]).

И какъ было не селиться людямъ въ этой благословенной Господомъ землѣ! Здѣсь было все: непроходимые лѣса, въ которыхъ въ изобиліи водились звѣри и разнаго рода дичь, рѣки, кишащія рыбою, рядомъ съ густымъ лѣсомъ,—луга, покрытые чудною травою, и привольныя необъятныя степи, въ которыхъ водились даже дикія лошади.

Климатъ этой мѣстности прекрасный, умѣренный; почва плодородна, съ избыткомъ вознаградившая-бы трудъ человѣка, если-бы онъ захотѣлъ ее обработывать.

---

[1]) По малороссійскому выговору произносится *козакъ*. Такъ какъ во всѣхъ документахъ и подлинныхъ бумагахъ полка это слово пишется чрезъ о, то мы поэтому вездѣ и удержали эту орѳографію.

[2]) Слово о полку Игоревѣ. Изд. 2. Вельтмана. Москва. 1866 г.

И вотъ, начала появляться здѣсь понемногу осѣдлость.

Губительнымъ, всесокрушающимъ ураганомъ пронеслись татары Чингисъ-Хана и Батыя по этому краю, превращая на пути своемъ все въ пепелъ и кучи развалинъ, дѣлая изъ городовъ—городища, и покорили своей власти всю страну. Даже Кіевъ, гдѣ сидѣлъ когда-то Олегъ, наводившій страхъ на могучій Цареградъ, былъ разрушенъ до основанія и долго не могъ оправиться отъ такого погрома. Жители, которымъ удалось избѣжать смерти или неволи, ушли въ болѣе безопасныя мѣста; „набѣги татарскіе однимъ только звѣрямъ, птицамъ и пресмыкающимся не могли воспрепятствовать обиталища" [1]).

Нападенія дикихъ татаръ обезлюдили эту мѣстность въ XIII вѣкѣ, а притѣсненія и несправедливости другаго народа, почитавшаго себя цивилизованнымъ, въ XVII населили ее снова.

Край этотъ, подвергавшійся постояннымъ нашествіямъ татаръ, чрезъ который проходили такъ называемые шляхи и сакмы—степныя дороги (Муравскій. мурава—трава, и др.) ведущіе въ Московское государство, заселенъ ими также не былъ, хотя нѣкоторыя названія бродовъ и перелазовъ и другихъ мѣстъ говорятъ объ ихъ тамъ пребываніи: Ахтырка-Акты-Яръ [2])—татарскій юртъ, гдѣ татары загоняли свои стада. Изюмская Сакма—чисто татарскія названія.

Южными пограничными русскими городами, „глядѣвшими прямо въ степь", въ XVI вѣкѣ были: Алатырь, Мценскъ, Орелъ. Новгородъ-Сѣверскъ. Путивль и другіе. Открытость границъ. незащищенныхъ природою, внезапность и опустошительность татарскихъ нападеній побудили московское правительство еще въ XIV вѣкѣ завести сторожевую службу. Въ царствованіе Іоанна Грознаго (1571 г.) было для нея составлено кн. Воротынскимъ общее уложеніе, и въ немъ были собраны тѣ правила, которыми должны были руководствоваться станичники [3]).

Пограничные города высылали въ степь разъѣзды, на обязанности которыхъ лежало зорко слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что

---

[1]) Топограф. опис. Харьк. Намѣст. Хар. 83 г., стр. 8.

[2]) Пр. Филаретъ. Истор.-стат. оп. Харьк. епар. Мос. 57 г., отд. 3, стр. 1.

[3]) Бѣляевъ. О сторож., стан. и полев. службѣ.

дѣлалось въ степи, и предупреждать воеводъ о возможности непріятельскаго нападенія. Служба эта была до крайности трудная. Вотъ что говорится въ уложеніи: „А стояти сторожемъ на сторожахъ съ коней не съсѣдая перемѣняясь, и ѣздити по урочищамъ перемѣняясь-же на право и на лѣво по два человѣка по наказамъ, каковы имъ наказы дадутъ воеводы. А становъ имъ не дѣлати, а огни класти не водномъ мѣстѣ, коли каша сварити и тогды огня водномъ мѣстѣ некласти дважды, а вкоемъ мѣстѣ кто полдневалъ а въ томъ мѣстѣ не почевати, а въ лѣсѣхъ имъ не ставится.... и того беречи па крѣпко, на которые Государевы Украйны воинскіе люди пойдутъ... а которые сторожи, не дождався собѣ обмѣны съ сторожи сойдутъ... и тѣмъ... быти казненымъ смертью“ [1]).

Отъ сторожей, на обязанности которыхъ лежало предупреждать о появленіи татаръ, требовалось много внимательности и тонкаго знанія степной жизни: иногда малѣйшіе признаки служили предзнаменованіемъ появленія шакаловъ—степныхъ татаръ; — крики птицъ и звѣрей, убѣгавшихъ предъ ордою, уже были ясными предвѣстниками хищниковъ, несущихъ съ собою гибель и разореніе [2]). „Сторожи“—это мѣсто въ степи, гдѣ останавливались сторожа, но останавливались, какъ видно изъ приведеннаго, очень не надолго, такъ что ихъ обитаемыми пунктами назвать нельзя.

Въ 1593 году были основаны гг. Бѣлгородъ, Осколъ и Валуйки; граница Московскаго государства, такимъ образомъ, отодвинулась на югъ, отодвинулись и сторожи. Въ росписаніи сторожей этого времени упоминаются уже рѣчки и урочища, находящіяся на территоріи Слободской Украйны, заселенной въ XVII столѣтіи. Край этотъ, прилегавшій къ южнымъ границамъ Московскаго государства, не принадлежалъ ему; не принадлежалъ онъ собственно никому, хотя частое появленіе здѣсь татаръ дѣлало его какъ-бы татарскимъ. Москва-же продолжала стремиться расширить свои границы далѣе на югъ. Такъ, въ царствованіе Бориса Годунова, въ

---

1) Бѣляевъ. О сторожевой, станич. и полк. службѣ, стр. 12—13.

2) Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи, 42 г., часть I, стр. 122.

1598 г. былъ построенъ г. Царево-Борисовъ [1]), далеко лежащій за рубежомъ; но этотъ городъ, выдвинутый одиноко въ степь, продержался недолго, и уже въ 1644 г. въ царскихъ грамотахъ (отъ 14 апрѣля и 4 декабря) встрѣчается только „Царево-Городище" и „Борисово-Городище" [2]).

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича (въ 1636—40 гг.) построенъ былъ цѣлый рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ—„Бѣлгородская Черта" на протяженіи 300 верстъ между рѣками Ворсклой и Дономъ. Эта черта охранялась двѣнадцатью крѣпостями (Вольное, Хотмыжскъ, Карповъ, Бѣлгородъ, Нижегольскъ, Короча, Яблоновъ, Новый Осколъ, Верхососенскъ, Ольшанскъ и Коротоякъ). Пространство между этими городами защищалось землянымъ валомъ. Вокругъ этихъ крѣпостей, подъ ихъ защитою, и вдоль вала были поселены служилые московскіе люди. Укрѣпленная черта эта не вполнѣ достигала своего назначенія, ибо нападенія были такъ внезапны, что татары легко прорывались черезъ нее.

Какъ мы уже говорили, уцѣлѣвшіе остатки жителей мѣстностей, сильно пострадавшихъ отъ татарскихъ нашествій, ушли за Днѣпръ. Край этотъ, по разрушеніи Кіева монголами, пересталъ быть центромъ Руси, ибо великокняжескій престолъ былъ перенесенъ во Владиміръ. Подверженный постояннымъ нападеніямъ татаръ и терзаемый междоусобіями русскихъ князей, Кіевъ не могъ оставаться самостоятельнымъ, и въ 1320 г. со всѣми землями по Днѣпру былъ покоренъ Ольгердомъ. Покореніе это для южно-русскаго населенія было благодѣтельно, ибо Литва, въ то время почти уже христіанская держава, присоединила къ себѣ этотъ край, даровавъ жителямъ совершенную равноправность и свободу вѣроисповѣданія. Пробывъ недолго во власти Литвы, южноруссы были подчинены Польшѣ при Владиславѣ-Ягеллѣ, женившемся на королевѣ Ядвигѣ и соединившемъ владѣнія Литвы и Польши въ одно государство. Отъ этого для жителей поднѣпровскихъ не произошло никакихъ перемѣнъ въ первое время, ибо и къ Польшѣ они были присоединены на тѣхъ-же

[1]) Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 49.
[2]) Ibidem, отд. V, стр. 56.

правахъ, т. е., какъ равные къ равнымъ. Съ теченіемъ времени эти отношенія начали измѣняться, и русское населеніе подверглось разнымъ притѣсненіямъ. Желая отъ нихъ избавиться, многіе уходили въ никѣмъ незанятыя пустынныя, недоступныя и поэтому непривлекательныя для наѣздниковъ мѣста, лежащія при днѣпровскихъ порогахъ, мѣста болотистыя, густо заросшія тростникомъ,—и селились тамъ вольными ватагами, которыя, по мѣрѣ того, какъ численность ихъ увеличивалась, составили цѣлую общину, получившую впослѣдствіи правильное устройство, которое имъ далъ Евстафій Дашкевичъ (+1535), староста черкасскій и каневскій, въ продолженіе пяти лѣтъ (съ 1503 г.) находившійся также на службѣ у московскаго царя [1]). Община, имъ устроенная, получила названіе Коша (съ татарскаго—станъ) и раздѣлялась на курени. Главнымъ начальникомъ запорожскихъ козаковъ былъ кошевой атаманъ, и первымъ изъ нихъ—Евстафій Дашкевичъ, этотъ бичъ Божій для татаръ.

Такимъ образомъ образовалось „славное запорожское низовое войско". Живя въ странѣ, постоянно подвергавшейся нападеніямъ татаръ, жители, естественно, должны были всегда быть готовыми къ отраженію непріятеля. Мирно заниматься хлѣбопашествомъ они не могли, ибо труды ихъ въ одинъ день часто бывали уничтожаемы. Эти условія жизни выработали у нихъ особенный строй воинскій, а постоянная боевая обстановка—лихость и отвагу. Они не ограничивались уже пассивною дѣятельностью наблюденія за непріятелемъ, но и сами стали иногда на него нападать; такъ въ 1515 году кошевой Евстафій Дашкевичъ и первый малороссійскій гетманъ Предиславъ Ланцкоронскій (+1531), введшій воинское устройство среди малороссійскихъ жителей, опустошили Буджакскую орду (между устьями рр. Днѣпра и Дуная). Образованіе такого воинственнаго народа на южныхъ границахъ государства полякамъ было очень выгодно, такъ какъ они могли не держать здѣсь своего постояннаго войска, предоставляя защиту края козакамъ.

Это отлично понималъ Сигизмундъ I и, желая поддержать

[1]) П. А. Кулишъ. Исторія возсоединенія Руси. 74 г. Томъ I, стр. 45.

дальнѣйшее развитіе козаковъ, даровалъ имъ права, равныя съ правами польскаго шляхетства,—позволилъ селиться хуторами выше пороговъ по обѣимъ сторонамъ р. Днѣпра.

Первый разъ южноруссы получили названіе козаковъ въ 1516 г.[1]). Слово „козакъ", по всей вѣроятности, происхожденія татарскаго и означаетъ вольнаго, свободнаго, легко вооруженнаго воина—всадника. Очень возможно, что поселившаяся по Днѣпру община получила свое названіе козаковъ отъ татаръ, съ которыми она вѣчно воевала и удержала его за собою, тѣмъ болѣе, что до того времени она не носила какого-либо самостоятельнаго названія. Главою малороссійскихъ козаковъ былъ гетманъ, жившій въ Черкасахъ.

Козацкая община росла, поощряемая правительствомъ, дѣлалась все сильнѣе такъ, что впослѣдствіи даже возбудила опасеніе королей. Козаки, нападая на границы польской сосѣдки—Турціи и грабя на Черномъ морѣ ея корабли, нерѣдко ссорили эти два правительства. Стефанъ Баторій, предвидя отъ козаковъ опасность для самого государства и для Польскаго господства въ Украинѣ, первый старался ихъ ослабить, но дѣлалъ это очень осторожно; онъ учредилъ реестровыхъ козаковъ, такъ сказать, „подъ ружьемъ", ограничилъ число ихъ шестью тысячами. Слѣдовательно всѣмъ козакамъ, не вошедшимъ въ число реестровыхъ, предлагалось, забывъ свою вольность и любезную или боевую жизнь, обратиться въ гречкосѣевъ и подчиниться власти помѣщиковъ. Къ неудовольствію, вызванному такимъ стѣсненіемъ ихъ вольностей, присоединилось еще раздраженіе, обусловленное преслѣдованіемъ за исповѣданіе православной вѣры, которую поляки презрительно называли „хлопскою", и козаки стали уходить на днѣпровскіе острова, гдѣ вскорѣ и образовалась запорожская сѣчь. Эта заставившая громко говорить о себѣ, сѣчь сдѣлалась сборнымъ пунктомъ всѣхъ недовольныхъ козаковъ, желавшихъ отомстить Рѣчи Посполитой за всѣ свои обиды; поводами для набѣговъ ихъ на Польшу были преимущественно религіозныя притѣсненія, слабыя вначалѣ, но ставшія нестерпи-

[1]) А. П. Кулишъ. Исторія возсоедин. Руси, т. I, стр. 44. Бантышъ-Каменскій. Истор. Малой Россіи. Москва. 42 г. Часть I, стр. 101.

мыми съ того времени, какъ, призванные въ Польшу Стефаномъ Баторіемъ для борьбы съ протестантизмомъ, іезуиты воздвигли, ad majorem Dei gloriam, жесточайшія гоненія на греко-россійскую вѣру.

Іезуиты, для подчиненія западно-русской церкви власти папъ придумали унію, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ: православные должны были признать главенство папы, какъ намѣстника Христа и главы вселенской церкви, обряды западной церкви—наравнѣ со своими; церковный языкъ оставался славянскій. Главная-же цѣль этой уніи, конечно, была въ подчиненіи русской церкви власти папъ, къ которой они постоянно, но неудачно, стремились.

На брестскомъ соборѣ (1596 г.) унія оффиціально была принята, узаконена и начала вводиться силою, жестокостями, вызвавшими рядъ козацкихъ возстаній, повлекшихъ за собою ототпаденіе Малороссіи отъ Польши и ослабленіе этого государства.

Каковъ былъ характеръ преслѣдованій и въ какомъ беззащитномъ состояніи находился народъ, можно видѣть изъ того, что, отдавая свои имѣнія въ аренду, польскіе помѣщики вмѣстѣ съ этимъ давали право жиду арендатору „казнить крестьянъ смертью“ за разные проступки, по ихъ усмотрѣнію [1]). Вмѣстѣ съ землею въ аренду попадали и храмы Божіи, изъ которыхъ жиды извлекали большую выгоду, ибо за всякую требу—за крещеніе ребенка, похороны, свадьбу, за право совершать это въ церкви, жидъ бралъ деньги; ни одинъ попъ безъ квитка, взятаго отъ „рендаря“ (арендатора), не имѣлъ права крестить или вѣнчать [2]).

„Во власти Іуды былъ храмъ Господень, Іуда продавалъ причастіе Духа святаго, Іуда продавалъ Крестъ спасенія“.

Храмы иные были запечатаны, другіе обращены въ синагоги, иконы и церковные сосуды переливались на монеты.

Притѣсненіе православной вѣры и, главнымъ образомъ, отнятіе вольностей, заставило козаковъ—этихъ „religionis nullius“, о которыхъ поляки говорили, что „nie ludzie“, а просто сволочь,

---

[1]) Рус. Ист. Соловьева, стр. 196; П. А. Кулишъ. Ист. возс. Руси, томъ II, стр. 358.

[2]) Ibidem, томъ II, стр. 357.

скопище разбойниковъ,—возстать открыто. Къ нимъ присоединялись и крестьяне, изнемогавшіе подъ гнетомъ жидовъ, этихъ вампировъ, высасывавшихъ у нихъ последніе гроши. Первое возстаніе было поднято при гетманѣ Косинскомъ. Хотя этотъ Косинскій кончилъ жизнь свою во время попойки въ Черкасахъ, гдѣ былъ убитъ однимъ шляхтичемъ, но народная фантазія сочинила легенду, что онъ погибъ мученикомъ за вѣру православную, будучи замуравленъ живымъ въ каменномъ столбѣ поляками, схватившими его предательствомъ. Имя-же Косинскаго, Криштофъ,—заставляетъ болѣе предполагать, что и возстаніе, поднятое имъ, имѣло своею цѣлью ратовать за свои вольности козацкія, на которыя посягало польское правительство, а не за вѣру, такъ какъ даже гетманами у нихъ бывали нерѣдко католики—поляки знатнаго происхожденія.

Второе возстаніе поднялъ Наливайко (Гвоздичъ—дворянинъ бѣлорусскій). Дѣла козаковъ вначалѣ были удачны—они побили поляковъ подъ Чигириномъ, но, понеся пораженіе подъ Лубнами, исполняя требованія Жолкевскаго, сами выдали своего гетмана, который и былъ казненъ въ Варшавѣ въ 1597 году. Но и о немъ сложили легенду, будто онъ былъ сожженъ „у мідяному волу“, такъ ужасно погибнувъ за вѣру-же православную [1]).

Народъ изнывалъ также подъ тяжестью всевозможныхъ денежныхъ поборовъ и содержанія польскаго войска, которое введено было на Украйну поляками, предвидѣвшими возможность возстанія, но въ фанатическомъ ослѣпленіи своемъ шедшими по пути гнета и насилія все дальше и дальше. Не образумило поляковъ даже и такое проявленіе взрыва народной ненависти, какъ „тарасова нічь“ (1628 г.), знаменитая своею свирѣпостью и ясно показавшая, что терпѣніе украинскаго народа имѣетъ свои границы, перейдя которыя онъ превращается въ неумолимаго и не дающаго пощады мстителя.

Возстаніе слѣдовало за возстаніемъ; но всѣ они были неудачны, и вожди ихъ, обыкновенно, мучительною смертью платились за поднятіе оружія.

Сеймъ въ 1638 году сдѣлалъ слѣдующее энергичное поста-

[1]) П. А. Кулишъ. Ист. воз. Русп. Томъ II, стр. 54—55; 124, 143 и 147.

повленіе даже относительно запорожскихъ козаковъ, которые на самомъ дѣлѣ, были почти независимы отъ короны польской: „запорожскіе козаки за поднятіе возстанія утрачиваютъ навсегда всѣ свои права, привиллегіи, старшину и доходы и другія преимущества и обращаются въ хлоповъ“ [1]). О Малороссіи-же, гдѣ польское вліяніе было несравненно сильнѣе и гдѣ легче было приводить въ исполненіе сеймовыя постановленія, и говорить нечего,—народъ тамъ былъ лишенъ всего, чего только лишить было возможно.

Изнеможенный страданіями и доведенный жидами до крайняго разоренія, народъ, не вѣря въ возможность измѣненія обстоятельствъ къ лучшему у себя на родинѣ, сталъ прибѣгать къ переселеніямъ. Къ этому влекло его еще то, что по сосѣдству лежала земля одноплеменной и единовѣрной Россіи со своими обильными и никѣмъ незанятыми привольными пустошами.

Между тѣмъ среди Украинскаго народа появился вождь, своею энергіею, умомъ и воинскими дарованіями далеко превосходившій всѣхъ, бывшихъ раньше — это Богданъ Хмельницкій, „козакъ расторопній и въ дѣлахъ козацкихъ военныхъ, и у письмѣ бѣглій“ [2]); но не любовь къ родинѣ, къ несчастію, воодушевляла его, когда онъ брался за оружіе, а личная месть.

Не находя въ судѣ справедливости и защиты противъ своего оскорбителя Чаплинскаго, который силою занялъ его хуторъ Субботово, отнялъ у него любовницу и высѣкъ сына, послѣ чего тотъ и умеръ, Хмельницкій обратился съ жалобою къ королю; но слабый Владиславъ IV не могъ ему помочь ни въ чемъ, хотя и желалъ; что могъ онъ сдѣлать въ государствѣ, гдѣ его подданные магнаты, опираясь на свои колоссальныя богатства, пріобрѣтенныя поборами съ народа, платя деньги шляхтѣ, своевольной и безтолковой толпѣ, за которыя она готова была дѣлать, что угодно,—были далеко сильнѣе короля,

---

[1]) „Kozacy Zaporozcy pro rebellione wzrystkie swoje prawa, przywileje, starsryznę i dochody i inne decora in perpetuum utraca ją i w chlopów są obróceni“. M. Gliszcryński. Znacrenu i wew. zyc. Zaporoza, стр. 94.

[2]) Лѣтопись Самовидца. Кіевъ, 78 г., стр. 78.

выбраннаго ими-же съ условіемъ подтверждать и расширять ихъ вольности. Онъ только напомнилъ Хмельницкому, что у козаковъ есть сабли, чтобы мстить за свои обиды. Этимъ Владиславъ указывалъ путь къ возстанію противъ того правительства, представителемъ котораго былъ онъ самъ. Послѣ такого отвѣта самаго короля, Хмельницкому ничего не оставалось, какъ послушаться его и взяться за оружіе. По другимъ источникамъ, словъ этихъ Владиславъ не говорилъ Хмельницкому, но подобное писалъ Черкасскому полковнику Барабашу: „ежели-де жолнѣре есте добрыи, шаблю и силу имѣете, и кто вамъ за себе стать воспящаетъ“ [1]). Это будто-бы письмо Хмельницкій обманомъ добылъ и съ нимъ отправился въ обычное въ то время мѣсто для всѣхъ обиженныхъ и угнетенныхъ—въ Запорожье, гдѣ его козаки приняли съ радостью; оттуда онъ ушелъ въ Крымъ и склонилъ хана на войну противъ Польши. 21 апрѣля 1648 года Хмельницкій выступилъ изъ сѣчи въ походъ уже гетманомъ съ 8 тысячами козаковъ и отрядомъ татаръ, подъ предводительствомъ Тугай-бея, мурзы Перекопскаго.

Прежде всего Хмельницкій направился противъ Чигирина, чтобы отомстить своему врагу.

Рядъ одержанныхъ побѣдъ надъ польскими войсками: у Желтыхъ водъ, Корсуня, подъ Пилявой—высоко поставилъ его въ глазахъ украинскаго народа.

Хмельницкій универсаломъ (отъ 28 мая 1648 г.), въ которомъ именовалъ себя „гетманомъ войска запорожскаго и всея по обѣимъ сторонамъ сущей Украйны малороссійской,“ призывалъ народъ къ оружію, объясняя тѣ поводы, которые побудили его начать возстаніе; причемъ говорилъ, что поднялъ онъ его не противъ короля. Все, что только было способно на Украйнѣ носить оружіе, откликнулось на призывъ гетмана и устремилось къ Бѣлой Церкви, куда звалъ универсалъ. Народъ возсталъ и вооружился поголовно. Огонь запылалъ по всей Украйнѣ; война велась съ обѣихъ сторонъ съ такимъ ожесточеніемъ, что содрогаешься отъ ужаса, читая повѣствованія лѣтописцевъ, относящіяся ко времени этой истребитель-

---

[1]) Литопись Самовидца, стр. 219; Г. Успенскій. Опытъ повѣс. о древ. рус. стр. 709; Бантышъ-Каменскій. Ист. Мал. Р. 1 ч., стр. 206.

ной войны. Жители всѣхъ городовъ, которые брались непріятелемъ, подвергались обыкновенно поголовному избіенію; полъ и возрастъ не спасали никого отъ ножа разсвирѣпѣвшихъ убійцъ.

Послѣ одержанной козаками побѣды подъ Зборовымъ, заключенъ былъ договоръ, по которому число реестровыхъ козаковъ было увеличено до 40 тысячъ. Договоръ этотъ не обезпечивалъ мира: всѣ, невошедшіе въ число реестровыхъ, должны были, положивъ оружіе, приняться за мирныя занятія. Но трудно это было исполнить народу, у котораго война уничтожила все, трудно тѣмъ болѣе еще, что народъ испыталъ сладость побѣды, свободы. Это понималъ и самъ Хмельницкій, говоря: „поляки поддѣли меня,—я подписалъ договоръ, котораго исполнить нельзя. Только 40 тысячъ козаковъ! что-же мнѣ дѣлать съ остальнымъ народомъ!?"

Не умѣлъ Хмельницкій воспользоваться плодами побѣдъ своихъ. Думалъ-ли онъ, собираясь поднять возстаніе съ цѣлью только отомстить за себя, что событія такъ далеко заведутъ его? Послѣ пилевской побѣды Варшава была открыта, тѣмъ болѣе, что въ ней „чернь (католическая) готовилась подняться противъ шляхты по-козацки, и если-бы хотя одинъ козацкій полкъ появился на берегахъ Вислы, то вельможные паны бѣжали бы изъ Варшавы опрометью"[1]): а со взятіемъ ея Хмельницкій могъ-бы продиктовать полякамъ миръ, какой-бы пожелалъ, миръ, который могъ-бы принести и полное освобожденіе, и самостоятельность его родины. Но Хмельницкій, въ разсчеты котораго это, повидимому, не входило, колебался, не пошелъ дальше, не смотря на требованіе козаковъ—„веди насъ на Ляхивъ, кинчай Ляхивъ!" А вмѣсто того онъ, нѣсколько разъ побѣждавшій поляковъ, бравшій гетмановъ въ плѣнъ, „какъ вѣрноподданный", послушался приказанія вновь избраннаго короля, Яна Казиміра, слабаго изъ слабыхъ, отступить на Украйну. Съ этого момента дѣло козаковъ, начавшееся такъ удачно, было проиграно; результатомъ этихъ славныхъ побѣдъ— было полное разореніе края.

Хмельницкій разсылаетъ новые универсалы, народъ напря-

---

1) П. А. Кулишъ. Ист. воз. Руси, томъ I, стр. 11.

гаетъ свои послѣднія силы; пришли и татары подъ предводительствомъ самого хана—Исламъ-Гирея; армія союзниковъ простиралась до 300 тысячъ; правда у Хмельницкаго былъ всякій сбродъ, вооруженный чѣмъ попало.

Союзники осадили поляковъ въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Збаражемъ (1649 г.), на помощь которымъ двинулся король. Хмельницкій съ ханомъ поспѣшили къ нему на встрѣчу и снова одержали полную побѣду. Самъ король, защищаемый горстью храбрецовъ, едва держался. И въ этотъ моментъ Хмельницкій приказываетъ прекратить бой и отступить! Снова былъ упущенъ благопріятный случай и теперь уже навсегда. Заключенный договоръ былъ выгоденъ только для татаръ, да для гетмана съ его реестровыми. Хмельницкій не позаботился объ участи народа, думая только о себѣ; Хмельницкій преклонилъ колѣни, цѣловалъ королевскую руку и благодарилъ за этотъ договоръ, отдававшій несчастный украинскій народъ снова во власть его мучителей.

Миръ продолжался недолго, украинцы не хотѣли подчиниться его рѣшенію, и война вспыхнула снова. Въ битвѣ подъ Берестечкомъ (1651 г.) козаки понесли страшное пораженіе. Этимъ заключилось возстаніе, поднятое при такихъ, казалось, благопріятныхъ условіяхъ. По бѣлоцерковскому договору, число реестровыхъ козаковъ было ограничено 20 тысячами, гетманъ утверждался королемъ и обязывался не вступать ни въ какія сношенія съ сосѣдними странами; народъ оставался въ прежней зависимости у поляковъ и жидовъ.

Истощивъ всѣ силы въ безполезной борьбѣ, приведшей Украину въ полное разореніе, народъ понялъ, что ему собственными силами не избавиться отъ ига своихъ гонителей и, не надѣясь уже болѣе на своего гетмана, не съумѣвшаго воспользоваться плодами своихъ побѣдъ, видѣлъ все свое спасеніе только въ бѣгствѣ изъ этихъ неблагопріятныхъ для него мѣстъ. И вотъ, потянули они цѣлыми толпами, часто прокладывая себѣ путь вооруженною рукою, искать себѣ новаго отечества, гдѣ бы не было ни пановъ, ни жидовъ, ни уніи.

Глава I.

Переселеніе малороссіанъ въ земли, лежавшія южнѣе рубежа Московскаго государства.—Состояніе этихъ земель до переселенія.—Первое массовое переселеніе 1638 г. подъ предводительствомъ Якова Остряницы.—Грамота Московскаго царя по этому поводу.—Раздоръ между переселенцами, уходъ ихъ обратно въ Литву.—Переселенія послѣ Берестецкаго пораженія.—Разрѣшеніе на то Хмельницкаго.—Полтавщина.—Состояніе правобережной Украйны.—Борьба съ татарами изъ-за обладанія землями.—Причины противодѣйствій татаръ заселенію края.—Отношеніе Московскаго правительства къ черкасамъ.—Острогожскій полкъ.—Различіе между этимъ полкомъ и другими слободскими.—Основаніе полковыхъ городовъ Сумъ и Ахтырки.

Еще задолго до бѣлоцерковскаго договора, разочаровавшаго козаковъ въ ихъ надеждахъ избавиться отъ поляковъ, начались переселенія съ правой стороны Днѣпра въ дикія, никѣмъ незанятыя и собственно никому непринадлежащія мѣста, находившіяся къ югу отъ рубежа тогдашняго Московскаго государства, лежавшаго по мѣстности, гдѣ позднѣе была построена, такъ называемая, Бѣлгородская черта. Всѣ историки согласно повѣствуютъ о томъ, что земли, гдѣ впослѣдствіи возникли слободскіе полки, со времени нашествія татаръ и до половины XVII столѣтія „были пустыни, дики и не имѣли постоянныхъ жителей“ [1]). Квитка говоритъ, что „земля, на которой поселились слободскіе полки, была необитаема“[2]).

Первое извѣстное массовое переселеніе [3]) относится къ 1838 году, когда гетманъ Яковъ (Яцко) Остряница съ сотниками и съ 865 козаками явился на мѣсто Чугуева горо-

---

[1]) И. И. Срезневскій. Истор. обозр. граж. уст. Слоб. Укр. Хар. 1883 г., стр. I.

[2]) Квитка. Зап. о Слоб. пол. Хар. 1883 г., стр. 3.

[3]) Пр. Филаретъ говоритъ, что въ 1617 г. 10000 козаковъ вышли изъ Польши и отошли къ Донцу, но что иные изъ нихъ потомъ снова возвратились обратно. (Отд. I, стр. 3).

днища, „гдѣ они и построили городъ съ крѣпостью“ [1]). Въ грамотѣ отъ 14 мая 1641 года царь Михаилъ Ѳеодоровичъ по тому поводу пишетъ: „они (гетманъ и пришедшіе съ нимъ) изъ Литовскія стороны въ наше Московское государство пришли для того, что польскіе и литовскіе люди ихъ крестьянскую вѣру нарушили и церкви Божія разоряютъ и ихъ побиваютъ, и сосцы у женъ ихъ рѣзали, и дворы ихъ и всякое строеніе разорили и пограбили..... И мы, Великій Государь, жалѣя, что они, черкасы, православныя крестьянскія вѣры греческаго закона, и видя ихъ отъ поляковъ во изгнаніи и смертномъ посѣченіи, велѣли ихъ принять подъ свою царскую высокую руку и велѣли устроить на Чугуевѣ“ [2]).

Черкасами въ Московской Руси назывались днѣпровскіе козаки, по городу Черкасамъ, столицѣ днѣпровскаго козачества. Это названіе распространилось впослѣдствіи на весь южно-русскій народъ. Пришедшіе съ Остряницею черкасы были приведены къ присягѣ на вѣрность московскому государству; имъ велѣно было выдать денежное и хлѣбное жалованіе на первое время. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Чугуевъ былъ присланъ воевода Щетининъ и съ нимъ 200 человѣкъ русскихъ служилыхъ людей.

Продержались эти выходцы въ Чугуевѣ недолго, ибо въ 1641 году между ними произошли раздоры, кончившіеся тѣмъ, что гетманъ былъ убитъ, а украинцы ушли изъ этого города обратно въ Литву, а, вмѣсто нихъ, сюда были присланы дѣти боярскіе, стрѣльцы, пушкари и козаки [3]).

Со времени этого неудачнаго водворенія козаковъ въ Чугуевѣ, переселенія малороссіанъ, по словамъ писателей, продолжались; но извѣстія, приводимыя ими о времени выхода ихъ изъ-за Днѣпра и о мѣстахъ, гдѣ размѣщались эти поселенцы, расходятся между собою и часто одни другимъ противорѣчатъ. Эпоха козацкихъ войнъ Хмельницкаго, съ его побѣдами надъ поляками, подававшими козакамъ надежду избавиться отъ ненавистнаго имъ польскаго господства на Украй-

---

[1]) Пр. Филаретъ. Отд. I, стр. 3.

[2]) Ibidem, отд. I, стр. 2.

[3]) Ibidem, отд. IV, стр. 41.

нѣ, должно было остановить на время эти переселенія, такъ какъ малороссіянамъ не было основанія покидать свою родину въ этотъ періодъ, они разсчитывали добиться желаемой независимости у себя дома.

Послѣ-же берестецкой битвы и бѣлоцерковскаго договора, показавшаго всю несбыточность ихъ желаній, Богданъ Хмельницкій, противъ котораго былъ сильный ропотъ по всей Малороссіи, желая успокоить народъ, объявилъ универсаломъ о своемъ позволеніи, до прибытія на Украину польскаго войска, переходить куда ему угодно на новыя мѣста—въ Полтавщину, въ Крымъ и Россію.

„Тогда жъ Хмельницкій, ожидая угоднаго къ отомщенію времени, позволилъ утѣсняемому народу отъ Ляховъ вольно сходить изъ городовъ къ Полтавщинѣ и за границу въ Великую Россію на житье. Изъ того времени начали осѣдать: Сумы, Лебединъ, Харьковъ, Ахтырка и иныя слободскія мѣста ажъ до рѣки Дону козацкимъ народомъ“ [1]).

Событіе это въ лѣтописи Самовидца показано подъ 1651-мъ годомъ.

Полтавщиной назывались земли, принадлежавшія Полтавскому полку,—пустыя мѣста по теченію рр. Псла, Сулы и Ворсклы, гдѣ паслись стада и табуны гетманскіе и лошади козацкой артиллеріи, для надзора за которыми тамъ были хутора [2]).

Пользуясь позволеніемъ, народъ потянулъ цѣлыми толпами и селился по теченію рѣкъ Ахтырки, Сулы, Псла, при впаденіи р. Харькова въ Лопань, по Тихой Соснѣ и Сѣверскому Донцу [3]). Переселенія эти, начавшіяся съ 1651 года, продолжались безпрерывно до 1654. Украйна почти опустѣла, представляя изъ себя однѣ только развалины: „въ городахъ правобережныхъ счетомъ люди остались, толпами бѣгутъ пѣшіе на лѣвую сторону въ наши города“. „Изъ большихъ и малыхъ городовъ, селъ и деревень шли обозы съ возами, нагруженными прочанами (переселенцами) съ ихъ семьями и пожитками; на вѣки оставляя родину своихъ предковъ, они

[1]) Лѣтопись Самовидца. Изд. 78 г. Кіевъ, стр. 234.

[2]) П. Головинскій. Слоб. коз. пол. Прим. 21.

[3]) Д. И. Багалѣй. Очерки изъ ист. колон. и быта, стр. 392.

нерѣдко сожигали свои жилища“ [1]). Переселенцамъ пришлось, на первыхъ-же шагахъ, вступить въ борьбу съ татарами, завоевывая себѣ отъ нихъ силою оружія тѣ мѣста, которыя они выбирали для своего селенія. Крымцамъ, конечно, очень не нравилось пришествіе воинственныхъ козаковъ, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ. Этотъ опытъ они получили въ постоянныхъ стычкахъ и нападеніяхъ даже на ихъ собственное гнѣздо—Крымъ. Не нравилось это имъ потому, что черкасы заслоняли собою южныя границы Московскаго государства, къ которымъ татары проложили себѣ торныя дороги, часто разгуливая по нимъ съ цѣлью поживиться московскимъ добромъ. Недовольные заселеніемъ этимъ, татары, естественно, мѣшали козакамъ своими частыми нападеніями, такъ что черкасамъ на первое же время приходилось вести упорную борьбу, строить укрѣпленія и жить въ вѣчномъ страхѣ, ожидая ежеминутнаго нападенія дикихъ хищниковъ. Но они, закаленные въ опасностяхъ, предпочитали все это тѣмъ угнетеніямъ на своей родинѣ, отъ которыхъ могли избавиться только бѣгствомъ. Подкрѣпляемые постоянно новыми волнами, сгущавшими населеніе, переселенцы крѣпли, дѣлались сильнѣе и, въ концѣ, прочно завоевали отъ татаръ Москвѣ этотъ край, чего эта послѣдняя въ продолженіи долгаго времени не въ силахъ была сдѣлать.

Московское правительство съ самаго начала смотрѣло очень дружелюбно на переселеніе черкасъ, селя ихъ по Бѣлгородской чертѣ; заселеніе-же дикихъ мѣстъ южнѣе своихъ границъ оно должно было встрѣтить еще болѣе сочувственно, такъ какъ переселенцы прикрывали „государевы украйны“ и такимъ образомъ, брали на себя борьбу съ степными хищниками. Царь Алексѣй Михайловичъ отдалъ приказаніе: „не препятствовать ни въ чемъ поселяющимся народамъ и не дѣлать никакихъ затрудненій въ расположеніи и устройствѣ ихъ поселеній и объявить имъ Его Царскаго Величества милость, обнадеживъ, что и впредь царскою милостью они жалованы будутъ“ [2]).

[1]) Д. И. Багалѣй. Заселеніе Харьков. края, стр. 6—7.

[2]) Квитка. Зап. о сл. пол., стр. 7; И. И. Срезневскій. Ист. обозрѣніе, стр. 5; П. Головинскій. О сл. пол., стр. 50—53. Пр. Филаретъ. Ист.-ст. обозрѣніе, отд. IV, стр. 37.

„Тотъ часъ послѣ берестецкаго сраженія тысяча козаковъ возникшаго тогда Острогожскаго полка, подъ начальствомъ какого-то Ивана Дзинковскаго, ожидая нашествія поляковъ,— гнавшихся за разбитыми силами Хмельницкаго, убѣжали за границу и просили царя позволить поселиться имъ на московской землѣ.“ „Царь не позволилъ имъ селиться около Путивля и Бѣлгорода, какъ они того хотѣли, и приказалъ построить имъ городъ на берегу Тихой Сосны, названный Острогожскомъ. Украинцы явились на мѣсто жительства въ готовые дома, снабженные даже хлѣбнымъ зерномъ для перваго обзаведенія. Царь даровалъ имъ право удержать все прежнее козацкое устройство: чинъ полковника, сотниковъ, эссауловъ, всю организацію украинскаго полка. Это былъ первый слободской полкъ“ [1]).

Этотъ Острогожскій полкъ (онъ назывался также еще Рыбинскимъ), хотя и носилъ названіе Слободскаго, но во многомъ отличался отъ остальныхъ полковъ, ибо возникъ онъ нѣсколько при иныхъ условіяхъ да и общаго съ ними почти ничего не имѣлъ. Онъ поселился не самовольно, а съ разрѣшенія Московскаго правительства, причемъ даже просьба переселенцевъ занять земли около Бѣлгорода и Путивля была неисполнена; между тѣмъ какъ остальные полки заняли мѣста самовольно и послѣ уже признали свою зависимость отъ Москвы. Черкасы, пришедшіе съ Ив. Дзинковскимъ, по приглашенію воеводы Арсеньева, нашли готовые даже дома, снабженные хлѣбнымъ зерномъ для перваго обзаведенія, черкасамъ-же другихъ полковъ самыя земли часто приходилось занимать не иначе, какъ съ бою. Поселеніе притомъ Острогожскаго полка на самой Бѣлгородской чертѣ дѣлало жизнь его не такою опасною, какъ городовъ, лежащихъ за этою чертою, да и укрѣпленъ былъ этотъ полковой городъ несравненно лучше другихъ полковыхъ поселеній. Нахожденіе-же его на самой чертѣ обусловило то, что полкъ этотъ болѣе таготѣлъ къ великорусскимъ городамъ, ибо, благодаря своему положенію, находился въ болѣе тѣсной связи съ ними. Да и самая территорія этого полка относительно другихъ слобод-

---

[1]) Н. Костомаровъ. Богданъ Хмельн., 3 изд., стр. 4—5.

скихъ лежала на сѣверо-востокъ и отдѣлялась отъ ихъ большимъ и незаселеннымъ пространствомъ [1]).

„Извѣстно, что селился онъ (Острогожскій полкъ) по зазывной грамотѣ воронежскаго воеводы Арсеньева, но сей полкъ ни случаевъ, ни обстоятельствъ, сообразно Сумскому, Харьковскому и Ахтырскому и общаго участія службы съ помянутыми тремя полками не имѣлъ“ [2]).

„Сей полкъ присоединенъ къ другимъ полкамъ слободскимъ по единственному соизволенію Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича въ 1700 году“ [3]).

„Поселеніе Острогожскаго полка на берегу Тихой Сосны началось при другихъ условіяхъ дѣла, чѣмъ объясненное поселеніе Слобожанъ“ [4]).

Время возникновенія этого полка относится къ 1652 году, по сообщеніямъ П. Головинскаго, когда воевода Арсеньевъ послалъ зазывную грамоту (отъ 30 іюля). Совмѣстно съ черкасами были поселены въ Острогожскѣ и великороссіяне [5]), что еще болѣе отличаетъ его отъ другихъ слободскихъ полковъ.

Полковой городъ Сумы основанъ въ 1652 году; черкасы поселились „на дикомъ гиляковомъ полѣ, гдѣ прежде татары ходили воевать путивльскія, рыльскія и др. украинскія мѣста“ [6]).

Г. Ахтырка (Ахтырскъ) еще до переселенія черкасъ былъ пограничнымъ городомъ Польши и заселенъ уже Малороссіянами, которые оставили этотъ городъ послѣ перехода его въ 1647 году подъ власть московскаго государства. По удаленіи черкасъ, правительство прислало въ Ахтырку своихъ служилыхъ людей, но въ очень небольшомъ количествѣ. Вновь заселена Ахтырка выходцами изъ-за Днѣпра, „какъ кажется“ [7]), въ 1654 г.; другіе относятъ это заселеніе къ 1653 году [8]), „но неизвѣстно, когда именно“. Этотъ городъ сдѣлался въ скорости

---

1) Д. И. Багалѣй. Очерки изъ ист. колонизаціи, стр. 421.
2) Квитка. Зап. о слоб. п., стр. 26.
3) Ibidem.
4) П. Головинскій. Слоб. коз. п., стр. 57.
5) Ibidem, гл. I.
6) Д. И. Багалѣй. Очерки изъ ист. колонизаціи, стр. 421.
7) Ibidem, стр. 429.
8) П. Головинскій. Слоб. коз. полки, гл. I.

центромъ возникшаго Ахтырскаго Слободскаго козачьяго полка.

Такъ какъ поселенія переселенцевъ, начавшись съ запада, по мѣрѣ прихода новыхъ партій, шли по теченіямъ рѣкъ далѣе на востокъ до р. Сѣверскаго Донца, то Сумской уѣздъ теперешней Харьковской губерніи заселился ранѣе и гуще другихъ. И даже теперь замѣчается большая густота населенія въ сѣверо-западныхъ уѣздахъ губерніи, сравнительно съ юго-восточными.

Такъ произошло возникновеніе трехъ слободскихъ украинскихъ городовъ, послужившихъ центромъ образовавшихся затѣмъ трехъ самостоятельныхъ козачьихъ полковъ—Острогожскаго, Сумскаго и Ахтырскаго.

Глава II.

Преданіе объ основаніи полковаго города Харькова.—Историческія данныя, доказывающія неосновательность этого преданія.—Портреты Харька.—Время возникновенія г. Харькова по преданію.—Названіе „рѣкя Харкова" по „Книгѣ, глаголемой большой чертежъ".—Возникновеніе города на какомъ-то городищѣ.—Мнѣніе профессора Аристова о происхожденіи названія г. Харькова.—Другое преданіе объ основаніи г. Харькова.—Несостоятельность его.—Мнѣнія о годѣ основанія города.—Грамота Петра Великаго, свидѣтельствующая о свободномъ доступѣ на Украйну татаръ.—Появленіе черкасъ на городищѣ и постройка города.—Размѣры его и первоначальныя укрѣпленія.—Мѣсто, занимаемое укрѣпленіемъ.—Иванъ Каркачъ, первый Харьковскій осадчій.—Назначеніе Воина Селифонтова Харьковскимъ воеводою.—Отсутствіе въ то время въ городѣ полковника.—Отказъ черкасъ строить новыя укрѣпленія, приказанныя воеводою.—Мотивы этого отказа.—Жалоба В. Селифонтова на харьковцевъ въ Москву.—Недоразумѣнія между черкасами, воеводою и московскими служилыми людьми.—Указъ Алексѣя Михайловича. — Обязанности воеводъ. — Постройка новыхъ укрѣпленій.—Описаніе ихъ.—Окрестности г. Харькова.—Просьба къ Черниговскому архіерею о присылкѣ священниковъ.—Икона Елецкой Божіей Матери.—Постройка церквей.—Учрежденіе бѣлгородской епархіи.—Слободское духовенство.

„Еще дѣдъ моего дѣда зашелъ въ этотъ край, а именно въ окрестности Харькова, когда было здѣсь весьма мало народу. Татары кочевали тогда на этомъ берегу Донца и разъѣзжали въ теперешней Харьковской губерніи, какъ въ своей землѣ. Первые поселенцы, прорываясь сюда съ разныхъ мѣстъ Польши и Малороссіи небольшими партіями и даже отдѣльно семьями, должны были выбирать для своего поселенія мѣста скрытныя и недоступныя. Для этого удобнѣе другихъ было мѣстоположеніе между двумя рѣками Харьковомъ и Лопанью, тамъ, гдѣ эти рѣки, сливаясь между собою и имѣя весьма болотистые берега, поросшіе частымъ луговымъ лѣсомъ, дѣлали его съ трехъ сторонъ мѣстомъ недоступнымъ, а съ четвертой оно прикрывалось сплошнымъ лѣсомъ, по горѣ между рѣками, доходившимъ тогда до теперешняго каѳедральнаго собора. Оно

представляло такое скрытное убѣжище, что, вѣроятно, было избрано для поселенія еще первыми переселенцами, которые, по слабости силъ своихъ, были не въ состояніи защищать открыто себя и свои имущества отъ хищничества татаръ. Гдѣ-же на описанномъ мною мѣстоположеніи могло быть первое поселеніе, какъ не тамъ, гдѣ чистая, здоровая вода давала первую, необходимѣйшую, послѣ пищи, потребность въ быту поселянина. Рѣчная вода не представляла еще такого удобства. На всемъ этомъ пространствѣ въ одномъ только мѣстѣ есть родниковая вода, при самой р. Харьковѣ, такъ называемая, Бѣлгородская криница".

„Первый поселенецъ, конечно, поселился при ней хуторомъ. Хуторъ его, какъ первое поселеніе, дало названіе своему мѣсту, потомъ рѣкѣ и уже впослѣдствіи городу; и этотъ первый поселенецъ былъ Харько. Жилъ онъ болѣе 200 лѣтъ тому назадъ (т. е., не позже 20-хъ годовъ XVII ст.), вышелъ онъ изъ Польши въ качествѣ предводителя нѣсколькихъ семействъ; часто онъ истреблялъ партіи татаръ, грабившихъ поселенцевъ; одинъ разъ, преслѣдуя грабителей, онъ былъ разбитъ ими и потонулъ въ Донцѣ; жилище его было разграблено и уничтожено; долго оно, такимъ образомъ, оставалось впустѣ, пока не явились новые выходцы, которые заселили лѣвый берегъ Лопани, при устьѣ которой образовался впослѣдствіи городъ, но названіе свое онъ получилъ по первому поселенію" [1]).

Таково преданіе объ основаніи Харькова, но заслуживаетъ ли оно довѣрія,—это другой вопросъ. Смахиваетъ этотъ разсказъ на многія другія преданія, которыми, за недостаткомъ болѣе точныхъ свѣдѣній, старались всегда объяснить возникновеніе городовъ, причемъ ихъ названіями пользовались для воспроизведенія имени основателя. Такимъ образомъ, первые лѣтописцы наши розыскали Кія, основавшаго будто-бы Кіевъ.

Невѣроятнаго, конечно, въ этомъ разсказѣ нѣтъ ничего, и принять его было-бы можно, если бы онъ опирался хотя на какія-либо документальныя данныя и не шелъ-бы, къ тому-

[1]) Д. И. Багалѣй. Основаніе г. Хар. Харьковскій Календарь 86 г., стр. 67.

же, въ разрѣзъ съ другими болѣе точными извѣстіями по этому поводу. Тѣмъ не менѣе, это повѣствованіе долго принимали за историческую истину, и миѳологическій Харько почитался патріархомъ черкасъ, поселившихся нѣкогда на теперешней территоріи г. Харькова; о томъ, что преданію этому придавали вѣру, свидѣтельствуютъ портреты Харька, продававшіеся въ Харьковѣ [1]).

Преданіе говоритъ, что основаніе города относится къ 20-мъ годамъ XVII вѣка, но ни одинъ документъ не подтверждаетъ этого; напротивъ, намъ вѣдь извѣстно, что въ 1638 году появился Яковъ Остряница и на мѣстѣ Чугуевскаго городища построилъ городъ.

Въ „книгѣ, глаголемой большой чертежъ“, писанной въ 1627 году, а составленной въ концѣ XVI вѣка, ибо „сдѣланъ былъ этотъ чертежъ давно при прежнихъ государяхъ“, говорится: „а рѣка Угримъ пала въ Уды, а Лопнгъ пала въ Харкову, а Харкова пала въ Уды“ [2])... „А выше Донецкаго городища, съ правой стороны впала въ Уды рѣка Харкова, отъ городища съ версту, а въ Харкову пала рѣка Лопина“ [3]). Итакъ, этотъ старинный документъ повѣствуетъ, что названіе рѣки „Харькова“ было уже извѣстно за много лѣтъ до переселенія черкасъ изъ-за Днѣпра и постройки, слѣдовательно, города. Донецкое городище—это остатки г. Донца, бывшаго въ XII вѣкѣ; въ этотъ городъ прибѣжалъ изъ половецкаго плѣна князь Сѣверскій, Игорь Святославовичъ.

Г. Харьковъ, подобно очень многимъ городамъ этой мѣстности, возникъ также на какомъ-то городищѣ [4]), которыми, естественно, поселенцы охотно пользовались, какъ представляющими болѣе защиты отъ нападенія. Значитъ, до возобновленія городища черкасами, здѣсь была прежде жизнь, былъ цѣлый городъ.

Н. Я. Аристовъ въ своей статьѣ „о землѣ Половецкой“ говоритъ, что г. Харьковъ позднѣе былъ построенъ на мѣстѣ

---

1) Ibidem, стр. 68.

2) Книга, глаг. бол. чертежъ. Изд. Г. И. Спасскаго. М. 1846, стр. 14.

3) Ibidem, стр. 32.

4) Д. И. Багалѣй. Очерки изъ ист. колон., стр. 422 и Матеріалы, том. I, стр. 22.

древняго половецкаго города Шаруканя, названнаго по имени хана Шарукана; объ этомъ городѣ упоминается въ лѣтописяхъ, говорящихъ о походахъ русскихъ князей въ половецкую землю. Названіе города Шаруканя, по его разрушеніи, было присвоено рѣкѣ. Явились сюда козаки и построили городъ на городищѣ, назвавъ его именемъ рѣки [1], причемъ передѣлали названіе по своему, принявъ во вниманіе „филологическую возможность перехода Ш въ Х“ [2]). Если брать этимологическій путь для объясненія происхожденія названія города, то слово „Харьковъ“ несравненно ближе подходитъ къ слову „Каркачъ“—имени перваго Харьковскаго осадчаго, положившаго основаніе города, чѣмъ къ „Шаруканъ“. Если Ш легко переходитъ въ Х, то для К сдѣлать это обыкновенно бываетъ еще легче. Каркачъ—Харкачъ—звучатъ почти одинаково. Но все это праздныя соображенія, ибо Каркачъ съ черкасами появился здѣсь и строить сталъ городъ въ половинѣ XVII вѣка, а названіе рѣки „Харкова“ извѣстно уже было въ XVI стол.

Объ основаніи Харькова, впрочемъ, существуетъ, кромѣ преданія о Харькѣ, еще и другая варіація.

Нѣкій Андрей Квитка, прозванный такъ за свою красоту (квитка, по малороссійски, цвѣтокъ), оставшись послѣ смерти своего отца, умершаго въ тюрьмѣ, на попеченіе вѣрнаго слуги Агаѳона, былъ привезенъ имъ въ Кіевъ; потомъ, попавъ въ домъ Кіевскаго воеводы, у котораго была дочь,—Квитка, какъ водится, влюбился въ нее. Но такъ какъ сирота Квитка, безъ роду и племени, не могъ надѣяться, чтобы воевода отдалъ за него свою дочь, то влюбленная пара бѣжала, сочеталась бракомъ и поселилась съ немногими козаками въ нѣсколькихъ верстахъ отъ того мѣста, гдѣ впослѣдствіи возникъ г. Харьковъ, и хуторъ свой назвали „Основой“. Около Бѣлгородской границы, на берегу рѣки, стоялъ другой хуторъ, очень понравившійся Квиткѣ. Въ то мѣсто онъ началъ зазывать переселенцевъ, бѣжавшихъ изъ Польши; когда-же число ихъ значительно увеличилось, то они стали строить городъ, осно-

[1]) Топограф. опис. Хар. намѣст., стр. 49.

[2]) Д. И. Багалѣй. Основ. Хар., стр. 77.

ваніе котораго преданіе это относитъ къ 1646 году, когда въ немъ впервые раздался звонъ колокола [1]).

Преданіе это еще менѣе имѣетъ общаго съ истиной и разбивается уже тѣмъ, что „Основа" была куплена полковникомъ Григоріемъ Семеновичемъ Квиткою въ 1713 году у Захаржевскихъ, владѣвшихъ ею до этого времени [2]).

Одновременно по всей территоріи Харьковской губерніи начали возникать многіе города и селенія; одни нѣсколькими годами раньше, другіе позже. Подъ именемъ города нужно понимать укрѣпленные мѣста; а укрѣпляли тогда не одни города—даже самыя маленькія поселенія, напр., пасѣки не оставались безъ укрѣпленій—рва, вала, или полисада [3]). А такъ какъ Харьковъ въ числѣ ихъ ничѣмъ особеннымъ не отличался, то и основаніе его прошло совершенно незамѣтно; вслѣдствіи этого ни одному изъ историковъ не удалось опредѣлить точно года его возникновенія. Преданіе относитъ его начало къ 20-мъ годамъ XVII столѣтія, Квитка къ 1646, профессоръ Д. И. Багалѣй къ 1654-му [4]), неизвѣстный авторъ „топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества" къ 1653-му [5]).

Въ грамотѣ Петра Великаго, данной Харьковскому полку отъ 7 мар. 1705 г., сказано, что козаки Харьковскаго полка пришли изъ разныхъ заднѣпровскихъ и малороссійскихъ городовъ и „поселились въ Харьковѣ и того полку городѣхъ на татарскихъ займахъ, куды былъ ихъ бусурманскій свободный подъ украинскіе города проходъ, и построили хутора и мельницы и всякіе заводы завели по своей черкасской обычности" [6]). Изъ этой выдержки видно, что первые поселенцы поселились на землѣ, непринадлежавшей тогда Москвѣ или, по крайней мѣрѣ, гдѣ власть ея была очень ничтожна; на землѣ скорѣе татарской, куда они имѣли „свободный" доступъ.

---

[1]) Г. Квитка. Основаніе Харькова. „Молодыкъ" на 1843 г. Укр. Литер. Сбор., изд. П. Бецкаго, ч. I.

[2]) Пр. Филаретъ. Оп. Хар. епар. Отд. II, стр. 129.

[3]) Кулишъ. Ист. воз. Русв., т. I, стр. 387.

[4]) Д. И. Багалѣй. Очеркъ изъ ист. колон., стр. 427.

[5]) Стр. 49.

[6]) В. В. Гуровъ. Сбор. рѣшеній, стр. 521—524.

На Харьковское городище одновременно явилась цѣлая партія черкасъ, а не одинъ человѣкъ, какъ повѣствуетъ преданіе; извѣстіе это несомнѣнно, ибо опирается на документахъ, найденныхъ почтеннымъ изслѣдователемъ мѣстной старины проф. Д. И. Багалѣемъ. Количество переселенцевъ въ этой партіи было довольно значительное, такъ какъ своими поселеніями они заняли все городище, „наставили дворами", дома же въ то время строились очень скученно, почему ихъ должно было помѣститься на городищѣ не мало, ибо окружность его, по чертежу Чугуевскаго воеводы Гр. Спешнева, равнялась 530 саженямъ [1]). Первымъ дѣломъ переселенцевъ было озаботиться о своей безопасности отъ татарскихъ набѣговъ—они начали строить укрѣпленіе, окружили себя тыномъ, хотя онъ, наскоро построенный, былъ низкій и рѣдкій [2]). Укрѣпленіе заняло возвышенное мѣсто, въ углу между сливающимися здѣсь рр. Харьковомъ и Лопанью, то, гдѣ въ настоящее время находятся Присутственныя мѣста, соборъ и университетъ.

Подобно другимъ партіямъ переселенцевъ, имѣвшимъ своихъ предводителей: Чугуевская—Якова Острянину, Острогожская—Ивана Дзенковскаго, Харьковская пришла подъ начальствомъ нѣкоего Ивана Каркача, который былъ первымъ Харьковскимъ осадчимъ, что видно изъ „хронографическаго описанія г. Харькова" [3]) 1767 года. Это-же самое подтверждаетъ и другой документъ (описаніе г. Харькова), представленный въ Екатеринославскую коммиссію [4]). Пришлая партія имѣла уже особую организацію; это видно изъ того, что первый Харьковскій воевода, Воинъ Селифонтовъ, долженъ былъ, по царскому указу, строить крѣпость, „посовѣтовавшись съ черкасскими начальными людьми и рядовыми черкасами" [5]), хотя о полковникѣ и полковомъ старшинѣ здѣсь и не говорится.

Есть предположеніе, что въ 1655 году въ Харьковъ явилась и другая партія черкасъ въ 800 человѣкъ съ атаманомъ Максимомъ Тимофеевымъ [6]).

[1]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы къ ист. колон., т. I, стр. 22.
[2]) Ibidem.
[3]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы, т. II, стр. 216.
[4]) Его-же—Очерки изъ ист. колон., стр. 428.
[5]) Его-же—Матеріалы, т. I, стр. 22.
[6]) Его-же—Очерки изъ ист. колон., стр. 427.

Изъ указа Бѣлгородскаго воеводы Чугуевскому отъ 22 декабря 1655 года видно, что во вновь возникшій г. Харьковъ воеводою былъ тогда назначенъ Воинъ Селефонтовъ [1]). Въ другомъ документѣ отъ 23 марта 1656 года говорится: „По нашему указу велѣно быти на нашей службѣ въ чугуевскомъ уѣздѣ, для городоваго строенія въ Зміевѣ Якову Хитрово, а въ Харьковѣ Воину Селефонтову и велѣно имъ тѣхъ городовъ зміевскихъ и мохначескихъ и печенѣжскихъ и хорошевскихъ черкасъ вѣдать во всемъ, а тебѣ тѣхъ черкасъ вѣдать ни въ чемъ не велѣно... А будетъ тебѣ на Чугуевѣ... про проходъ татаръ учинятся вести... и ты бы... ссылаясь съ Яковомъ Хитрово и Воиномъ Селефонтовымъ... сообча за одинъ... новые городы Зміевъ и Харьковъ и тѣхъ городовъ служилыхъ людей черкасъ отъ татарскія войны заступили и въ плѣнъ и въ расхищеніе не выдалъ“ [2]). И въ этомъ документѣ о полковникѣ и старшинѣ не говорится, а Харьковъ названъ городомъ новымъ; такъ какъ воеводы съ появленіемъ полковниковъ и слободскихъ полковъ черкасами не завѣдывали,—въ ихъ распоряженіи были только московскіе служилые люди, то, значитъ, въ то время (1656 г.), когда отдавался приказъ Селефонтову и Хитрово „вѣдать“ черкасъ, полковника въ Харьковѣ можно сказать утвердительно, еще не было. Московскій воевода, назначенный сюда „для городоваго строенія“, по своемъ пріѣздѣ съ состоящими при немъ московскими людьми, сразу-же хотѣлъ приступить къ постройкѣ новыхъ укрѣпленій, по образцу московскихъ городовъ, признавая укрѣпленія, построенныя козаками по ихъ „черкасскому извычаю“, недостаточными. Согласно указу, онъ началъ совѣтоваться съ начальными людьми, но съ первыхъ-же ша-

---

[1]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы, стр. 77.

Примѣчаніе. Это самый старинный документъ, въ которомъ говорится о г. Харьковѣ. Въ этомъ указѣ Бѣлгородскій воевода, дѣлая выговоръ воеводѣ Чугуевскому, вслѣдствіи жалобы Селефонтова на то, что въ Харьковъ изъ Чугуева посылаются служилые люди, несоотвѣтствующіе своему назначенію, малолѣтніе, безъ лошадей, безъ оружія и не въ полномъ числѣ,—грозитъ гнѣвомъ царя и на будущее время предписываетъ поступать по указу, ибо отъ его „бездѣльной корысти“ можетъ случиться „какое дурно“.

[2]) Пол. Собр. Зак. Т. I, № 175.

говъ у нихъ пошли недоразумѣнія. Черкасы хотѣли удовольствоваться построенными уже укрѣпленіями, не желая строить новыхъ, мотивируя свой отказъ: „мы людишка бѣдные, голодные, еще пашни не распахали и хлѣбомъ не обзавелись и дворами не построились", [1]) обѣщая исполнить требованіе воеводы, когда вполнѣ устроются, грозя даже въ противномъ случаѣ покинуть городъ: „дѣлать де намъ такой острогъ не вмочь и всѣмъ-де намъ отъ такого острожнаго дѣла разбрестись розно" [2]).

Кромѣ того „черкасы учинились непослушны" и въ другомъ, отказались нести сторожевую службу („на отъѣзжія сторожи") въ степи и исполнять другіе наряды. Воевода жаловался въ Москву, что Харьковцы „безпрестанно пьютъ и бражничаютъ, а унять ихъ некому" [3]). „Многожды" жаловался Селефонтовъ въ Москву, но отвѣта никакого не получалъ, ибо московское правительство дорожило новыми своими подданными, ясно сознавая всю пользу отъ нихъ для безопасности своихъ южныхъ границъ.

Между черкасскими поселенцами, съ одной стороны, и воеводами и Московскими служилыми людьми, съ другой,—были вѣчныя недоразумѣнія. Привыкнувъ у себя въ Московскомъ государствѣ къ безусловному повиновенію своей власти, воеводы, естественно, стремились подчинить тому-же и малороссіянъ, не хотѣвшихъ сносить всей тяжести московскихъ порядковъ. Воеводамъ было не по нраву, что черкасы свободно занимаютъ себѣ земли, не несутъ никакихъ повинностей, не признавая никакихъ законовъ, кромѣ своей „черкасской обыкности", зная притомъ, что государь на ихъ сторонѣ, приказавъ воеводамъ „не препятствовать ни въ чемъ поселяющимся народамъ и не дѣлать никакихъ затрудненій въ распоряженіи и устройствѣ ихъ поселеній и объявить Его Царскаго Величества милость, обнадеживъ, что и впередъ царскою милостью они жалованы будутъ" [4]).

На обязанности воеводы лежало заботиться о городскихъ

---

[1]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы, т. I, стр. 22.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

[4]) Пассекъ. Очеркъ Хар. губ., стр. 39. и др.

укрѣпленіяхъ, завѣдывать русскими служилыми людьми, состоящими при нихъ. Заботясь о безопасности города, воевода завѣдывалъ городскими караулами и посылалъ разъѣзды въ степь, „чтобы татаровя и воры черкасы къ Харькову безвѣстно не пришли и людей не побили и въ полонъ не поймали и конскихъ и животинскихъ стадъ не отогнали". О полученныхъ отъ сторожей и разъѣздовъ извѣстіяхъ относительно движенія татаръ воевода немедленно долженъ былъ извѣщать Бѣлгородскаго воеводу. На храненіи у воеводы былъ ключъ отъ пороховаго погреба—„зелейной казны",—онъ раздавалъ и записывалъ приходъ и расходъ огнестрѣльныхъ припасовъ [1]).

Воевода Воинъ Селефонтовъ пробылъ въ Харьковѣ съ 1655 года по 1658 г. и въ теченіи этого времени окончилъ укрѣпленіе города. По описанію г. Харькова 1663 года (разыскано проф. Д. И. Багалѣемъ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи), укрѣпленія его состояли въ слѣдующемъ:

„Крѣпость его или острогъ состояла изъ дубоваго тына съ обламами, котками, помостами и засыпными тарасами; обламы—это брустверъ въ стѣнѣ, высотою въ грудь стрѣлка, котки—бревна, которыя помѣщались на вершинѣ стѣны или башни, и скатывались на врага во время приступа; стѣна рубленная тарасами состояла изъ двухъ вѣнчатыхъ стѣнъ, расположенныхъ параллельно другъ къ другу подъ прямымъ угломъ поперечными стѣнами, такъ что образовались клѣтки, которыя наполнялись землею или камнями. Тынъ былъ окруженъ рвомъ. Воевода Сухотинъ (бывшій въ Харьковѣ въ 1660—62 гг.) построилъ другой тынъ и сдѣлалъ ровъ возлѣ него въ ширину и глубину по 2 саж. Въ стѣнахъ находилось 10 башенъ („баштъ"), покрытыя драньюю; однѣ изъ нихъ были проѣзжія, т. е. имѣли ворота, другія—глухія; вся окружность стѣны равнялась 475 саж., т. е., немного менѣе одной версты, форму она имѣла четыреугольную, на четырехъ углахъ ея было по башнѣ, и эти башни носили названіе наугольныхъ;—одна изъ нихъ была вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣстовой; въ ней висѣлъ вѣстовой колоколъ (въ 10 пуд. вѣсу, присланн-

[1]) Д. И. Багалѣй. Хар. въ XVII ст. Харьковскій Календарь 85 г., стр. 618.

ный въ 1675 г. изъ Москвы [1]), другая находилась у р. Харькова, третья у р. Лопани, а четвертая тоже у Лопани; въ башнѣ Тайницкой помѣщался тайникъ съ колодцемъ, простиравшійся въ длину на 16 саж., а поперекъ на 1½ саж." [2]).

„Всѣхъ пушекъ (пищалей) было 12: 10 желѣзныхъ, 11-я мѣдная, а 12-я затинная. Около рва подлѣ города былъ набитъ честикъ въ дубовыя колоды: это частоколъ, состоящій изъ кольевъ, расположенныхъ на близкомъ разстояніи другъ отъ друга въ шахматномъ порядкѣ, колья были вбиты въ дубовыя колоды, позади честика были еще расположены надолобы, т. е., обрубки дерева, стоймя вкопанные въ землю въ одинъ или нѣсколько рядовъ" [3]).

Тотъ-же воевода Вас. Сухотинъ, на случай осады города непріятелемъ, чтобы дать пріютъ жителямъ деревень, неимѣвшихъ своихъ укрѣпленій и дѣлавшихся жертвою татарскихъ нападеній, къ главному укрѣпленію пристроилъ пригородокъ; онъ обнесенъ былъ тыномъ изъ стоялаго дуба съ обломами, котками и помостами; высота стѣны была 1½ саж. а окружность 240 саж. [4]).

Внутри крѣпости помѣщались дома казаковъ, храмъ Успенія Пр. Богоматери, приказная изба: въ крѣпости было вырыто шесть колодезей. Значитъ, г. Харьковъ состоялъ какъ бы изъ двухъ городовъ: одинъ внутренній, помѣщавшійся въ крѣпости: другой между крѣпостью и наружною стѣною,— послѣдній назывался большимъ городомъ и „мистомъ". Кромѣ козаковъ, въ этомъ второмъ городѣ жили еще мѣщане, занимавшіеся разными промыслами и торговлею. Такимъ образомъ, г. Харьковъ, лежащій въ углу сливающихся двухъ рѣкъ, бывшихъ, по свидѣтельству многихъ писателей, въ то время

---

[1]) Описаніе г. Хар., составл. воев. В. Сухот.—Хар. Календ. 85 г., стр. 621.

[2]) Всѣ 10 башенъ носили слѣд. названія: Московская, Чугуевская, Лопанская, Рождественская, Никольская (опис. г. Хар., сост. воев. В. Сух.), Тайницкая (Багалѣй. Основ. г. Хар., стр. 75), Протопоповская (соч. Квитки, том. III, стр. 122). Деркачевская, Новая (Ibidem) и Шаповаловская (Хар. Ист. Ар. Отд. I, № 121),

[3]) Д. И. Багалѣй. Осн. Хар., стр. 74—75. Затинная пищаль—длинное крѣпостное оружіе, которое устанавливалось на затинѣ—барбетѣ. (Энцикл. воен. и морнаукъ г. Леера, т. III, стр. 241).

[4]) Д. И. Багалѣй. Осн. Харькова.

очень полноводными, былъ защищенъ, кромѣ своихъ искусственныхъ сооруженій, съ трехъ сторонъ водою, съ четвертой же, съ сѣвера, его защищалъ дремучій лѣсъ, доходившій въ былыя времена до самаго города. Дикіе хищники—татары и калмыки, такіе ловкіе и неуловимые въ степи, не любили лѣса и избѣгали его.

Съ восточной стороны города, подъ горою, р. Харьковъ текла въ болотистой долинѣ, по которой разбросаны были рощи; эти болота на далекое разстояніе простирались какъ въ одну, такъ и въ другую сторону отъ города; съ южной и западной стороны Харьковъ былъ окруженъ дико растущими плодовыми деревьями—яблоновыми, грушевыми, вишневыми, черешневыми и др., а также сосновыми и березовыми рощами, которыя далѣе на западъ прерывались снова болотами по теченію р. Лопани. А дальше, за этими рощами и болотами, съ нагорной части города, съ крѣпости, видны были синѣющіе лѣса, уходящіе въ даль [1]).

Есть преданіе, что Харьковцы, приступая къ постройкѣ города, обратились съ просьбою къ Черниговскому архіерею прислать имъ священниковъ для построенія храмовъ. Исполняя эту просьбу, архіерей, вмѣстѣ со своимъ благословеніемъ на это дѣло, прислалъ въ Харьковъ и подлинную икону Елецкой Божіей Матери [2]). Пришедшее духовенство, кончивъ свое дѣло, возвратилось обратно, но иконы съ собою не взяло, боясь нападенія татаръ. Образъ этотъ такъ и остался въ городѣ. По словамъ-же пр. Филарета икона эта попала въ Харьковъ въ 1687 г., когда ее привезъ съ собою кн. Барятинской и, будучи при смерти, отдалъ ее въ Успенскій соборъ [3]). Если то преданіе справедливо, то значитъ, въ первое время въ церковномъ отношеніи черкасы зависѣли отъ архіереевъ Малороссіи. Оставляя родной край, переселенцы везли съ собою обыкновенно и всѣ церковныя принадлежности, даже колокола, и на мѣстѣ, выбранномъ для поселенія складывали новые себѣ церкви. Въ Харьковѣ, одновременно съ его возникно-

[1]) С. Н. Кованько. Истор. стат. оп. Хар., Хар. Губ. Вѣд. за 1859 г., № 8.
[2]) Сочиненіе Квитки, т. III, стр. 88.
[3]) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 12.

веніемъ, была построена церковь св. Николая чудотворца; вскорѣ былъ построенъ въ крѣпости и Успенскій соборъ, деревянный, стоявшій въ 25 саж. отъ настоящаго. Церкви— Благовѣщенія Пр. Богородицы, Рождества Христова и Воскресенія Христова построены въ 1655 г. [1]).

Въ 1667 г. была учреждена Бѣлгородская епархія, и Харьковскій полкъ въ числѣ другихъ слободскихъ, въ церковномъ отношеніи съ этого времени былъ подчиненъ бѣлгородскимъ митрополитамъ (первый митр. Ѳеодосій, сербъ) [2]).

Украинское духовенство не представляло изъ себя того замкнутаго сословія, въ которомъ священство переходило-бы отъ отца къ сыновьямъ, какъ-бы по наслѣдству. Нерѣдко священники бывали избираемы самими прихожанами изъ своей-же среды, какъ по своему желанію, такъ и по указанію старшины, иногда даже и лицъ шляхетскаго происхожденія. Бывали примѣры, что вліятельные козаки мѣняли свою лихую черкеску съ откидными рукавами на скромную рясу священника, а сыновья этихъ послѣднихъ отдавали предпочтеніе саблѣ, вступая въ ряды ранговыхъ козаковъ. Духовенство полка состояло изъ одного протопопа, живущаго въ г. Харьковѣ, и приходскихъ священниковъ, которымъ полагались подданные. Такъ, въ вѣдомости 1728 г. показано, что за духовенствомъ и церковными служителями Харьковскаго полка числилось 91 дворъ съ 350 человѣками подданныхъ [3]).

---

1) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 30, 33, 38 и 43.
2) Ibidem, отд. I, стр. 5 (изд. 52 г.).
3) Мос. Отд. Арх. Гл. Шт., оп. 25, св. 321.

Глава III.

Сохраненіе переселенцами прежняго своего козацкаго устройства.—Происхожденіе названія слободъ.—Неизвѣстность точнаго года основанія полка.—Отсутствіе въ городѣ Харьковѣ въ первое время полковника.—Постепенное сложеніе полка.—Балаклейскій полкъ.—Полковникъ Яковъ Черниговецъ.—Указъ о соединеніи Балаклейскаго полка съ Харьковскимъ. — Кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко.—Г. Салтовъ.—Выдѣленіе г. Харькова изъ числа другихъ поселеній.—Мнѣніе о времени, съ котораго полковникъ Ѳ. Репко управлялъ Харьковскимъ полкомъ.—Повелѣніе Алексѣя Михаиловича о вѣдѣніи слободскихъ полковъ посольскому приказу. — Грамота жителямъ г. Салтова. — Дѣленіе населенія полка. — Дворянскіе роды.—Владѣніе землею.—Подраздѣленіе ранговыхъ козаковъ.—Свойственники, подпомощники, подсосѣдки, посполитые, владѣльческіе и др.—Положеніе ихъ.—Область полка; дѣленіе полка на сотни.—Мѣстечки и города, входившіе въ составъ полка.—Члены полковой старшины.—Клейноды.—Полковая рада.—Число выборныхъ козаковъ.—Вооруженіе и снаряженіе ихъ.—Лошади.—Одежда слободскихъ козаковъ.—Хлѣбопашество, скотоводство.—Опасность отъ татарскихъ нападеній.—Письмо протоіерея Балаклеи и челобитье жителей г. Савинска.—Винокуреніе.—Покровительство Москвы.—Льготы, пожалованныя козакамъ.

На мѣстахъ новой своей осѣдлости, козаки, не зная никакого другого устройства, кромѣ воинскаго козачьяго, завели естественно, тѣ-же порядки, къ какимъ привыкли изстари; и порядки эти сохранились еще даже тогда, когда Слободская Украйна вполнѣ подчинилась вліянію Москвы, ибо царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ „не препятствовать слобожанамъ въ устройствѣ ихъ поселеній и не мѣшаться въ ихъ внутренній распорядокъ“ [1]).

Переселившіеся изъ за Днѣпра малороссіяне, помимо даннаго имъ Москвою наименованія—черкасъ, стали называться еще слобожанами, а весь ихъ край „Слободской Украйною“:

Г. Квитка даетъ слѣдующее объясненіе этимъ словамъ. „свободное поселеніе и занятіе земли по произволу на мало-

[1]) П. Головинскій. Слоб. коз. полки. Гл. I.

россійскомъ языкѣ выражается—„поселиться слободно (свободно)"; это дало сему поселенію наименованіе „слободъ"; по народу-же, приходившему большею частью изъ Украйны и поселяющемуся „на Украйнѣ" (на границѣ)—„украинскихъ слободъ" [1]). Слѣдовательно, козаки въ этомъ названіи, которое они сами себѣ дали, выразили ту свободу и приволье, которыя встрѣтили здѣсь.

Образовавшіеся изъ слободскихъ козаковъ полки стали называться „слободскими козачьими полками" (московское правительство называло ихъ еще „черкасскими" и „украинскими"). Подобно тому, какъ неизвѣстно точно появленіе партіи черкасъ съ Иваномъ Каркачемъ на Харьковскомъ городищѣ и основаніе города, неизвѣстно также точно образованіе Харьковскаго слободскаго полка. Первыя грамоты были выдаваемы московскими царями не на имя полковника или полковой старшины, а просто въ Харьковъ, „къ нашимъ, Великаго Государя, служилымъ и всякимъ жилецкимъ людямъ, именно черкасамъ" (1659 г.) [2]). Въ указѣ В. Селефонтову приказывалось совѣтоваться при постройкѣ укрѣпленій съ черкасскими „начальными людьми". Рядъ-же жалованныхъ грамотъ съ 1668 г. по 1743 г. данъ уже на имя полковниковъ. Изъ этого нужно вывести то заключеніе, что до этого времени правильнаго дѣленія на полки, какое видимъ въ послѣдствіи, еще не было.

Въ составъ Харьковскаго полка при томъ не сразу вошли всѣ тѣ села и города, которые позднѣе, при полковникѣ Григоріи Донцѣ, составляли область его. Одновременно съ существованіемъ уже полковника въ Харьковѣ, въ Балаклеѣ, напр., былъ свой полковникъ, управлявшій имъ до 1673 г.; кромѣ того, былъ тамъ сотникъ Шумейко, атаманъ Коляда и другая старшина. Самъ полковникъ балаклейскій, Яковъ Черниговецъ, въ письмѣ своемъ къ воеводѣ Саковкину писалъ, что онъ стоитъ „со своимъ" полкомъ тамъ-то. Слѣдовательно, тогда былъ балаклейскій самостоятельный полкъ. Этотъ Яковъ Черниговецъ былъ лихой воинъ, часто билъ татаръ,

---

1) Г. Квитка. О сл. пол., Современ., томъ XVII, стр. 65.

2) Пр. Филаретъ. Отд. IV, стр. 119—20, 127, 129.

„леталъ соколомъ“ за ними по степямъ. Прійдя съ козаками на Слободскую Украину въ 1663 г. и пробывъ полковникомъ въ Балаклеѣ 14 лѣтъ, Як. Черниговецъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, въ силу распоряженія кн. Ромодановскаго, воеводы бѣлгородскаго, отъ полковничества отставленъ въ 1677 г., а „булыклѣйскій полкъ“ велѣно полковнику Гр. Донцу соединить съ Харьковскимъ „воединѣ“ и писаться „однимъ Харьковскимъ полкомъ“ [1]).

Далѣе, очень близко отъ Харькова—въ Мерефѣ—жилъ кошевой атаманъ запорожской сѣчи—Иванъ Сѣрко. Что онъ тамъ дѣлалъ—неизвѣстно, но трудно допустить, чтобы такое лицо, какъ кошевой, могъ-бы подчиняться Харьковскому полковнику. Такъ какъ въ Сѣчи жить женщинамъ не позволялось, а женатые козаки держали свои семейства гдѣ-нибудь на сторонѣ, то, можетъ быть, и присутствіе Сѣрка въ Мерефѣ этимъ только и объясняется, ибо онъ все время до смерти (1680 [2]) съ 1658 г. былъ кошевымъ; хотя рядомъ-же съ этимъ есть извѣстіе, что Сѣрко завѣдывалъ во время смутъ, произведенныхъ гетманомъ Брюховецкимъ, Зміевскими, Мерефянскими и Печенѣжскими черкасами. Сѣрка даже называютъ Харьковскимъ полковникомъ [3]).

Далѣе, нами разыскана въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ грамота, данная царемъ въ 1668 г. жителямъ г. Салтова, принадлежавшаго послѣ къ Харьковскому полку. Еслибы Салтовъ въ то время былъ въ составѣ полка, то эта грамота не была бы выдана жителямъ этого города отдѣльно, ибо въ томъ же году и въ то-же число—19 февраля—подобная-же грамота, только нѣсколько иной редакціи, была пожалована и Харьковскому полку.

Такой порядокъ замѣчался и на позднѣйшихъ территоріяхъ другихъ полковъ: такъ, въ Котельвѣ, напр., былъ свой полковникъ Жученко,—а Котельва, вѣдь такъ близко отъ полковаго города Ахтырки [4]).

[1]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы, томъ I, стр. 180.

[2]) Лѣтопись Самовидца, стр. 150.

[3]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 500—1.

[4]) Пр. Филаретъ. Отд. III, стр. 89.

Изъ этого всего можно видѣть, что Харьковскій полкъ въ томъ составѣ, въ какомъ онъ является ко времени принятія полка Донцомъ, сложился далеко не сразу, а въ составъ его постепенно входили города и села. Видимо, по нѣкоторымъ причинамъ г. Харьковъ началъ выдѣляться изъ всѣхъ сосѣднихъ поселеній, сдѣлался центральнымъ пунктомъ, къ которому начали тяготѣть другіе признавая своею зависимость отъ него. Въ первые годы существованія города, въ Харьковѣ, по всѣмъ даннымъ, не было и полковника. Пр. Филаретъ дѣлаетъ предположеніе, что полковникъ Репко „вѣроятно съ 1657 г. принялъ на себя завѣдываніе полка".—а этотъ Репко былъ первымъ полковникомъ харьковскимъ. Не имѣя ни какихъ документальныхъ данныхъ, которыя говорили-бы за или противъ этого предположенія, мы, съ своей стороны, ничего не можемъ сказать по этому поводу.

Сложившимся тремъ самостоятельнымъ слободскимъ полкамъ—Сумскому, Ахтырскому и Харьковскому—царь Алексѣй Михайловичъ, повелѣніемъ 1668—69 годовъ, приказалъ быть въ вѣдѣніи посольскаго приказа. Это распоряженіе свидѣтельствуетъ, что московское правительство смотрѣло на слободскіе полки скорѣе какъ бы на своихъ союзниковъ, чѣмъ какъ на своихъ обыкновенныхъ подданныхъ [1]). Такъ грамота жителямъ г. Салтова, о которой мы упоминали выше, очень характерно рисуетъ отношенія московскаго правительства къ черкасамъ. Гетманъ Брюховецкій, ради привлеченія козаковъ на свою сторону, возвелъ на царя разныя небылицы. Алексѣй Михайловичъ, желая, вѣроятно, поддержать вѣрность между салтовскими черкасами, прислалъ имъ грамоту, въ которой, „свидѣтельствуясь Господомъ Богомъ", увѣрялъ ихъ, что у него „и у мысли" ничего такого не было, въ чемъ обвинялъ его гетманъ; говоря, что онъ всегда желалъ и желаетъ жителямъ покоя, тишины и благоденствія, царь вмѣстѣ съ тѣмъ *проситъ*, напоминая ихъ „обѣщаніе" быть вѣрными, наговорамъ этимъ не довѣрять, а вѣрить его словамъ, обѣщая, въ награду за все то милость „свыше прежняго" [2]). И это ни-

[1]) П. Головинскій. Сл. коз. полки, гл. II. В. В. Гуровъ. Сборникъ, стр. 99—100.
[2]) Грамота 1668 г. См. приложеніе.

шетъ самодержавный Московскій царь Алексѣй Михайловичъ, хотя добрый и „тишайшій“, а все-же непривыкшій говорить такимъ тономъ со своими великороссійскимъ подданными.

Все населеніе полка, который занималъ не одинъ городъ, а, какъ увидимъ далѣе,—цѣлую область, дѣлилось на козаковъ, мѣщанъ и селянъ (посполитыхъ). Среди козаковъ было много шляхтичей, лицъ дворянскаго происхожденія; быть шляхтичемъ въ Польшѣ не значило быть католикомъ и непремѣнно полякомъ: этимъ достоинствомъ пользовались и лица русскаго происхожденія. Въ Харьковскомъ полку такими дворянскими родами были Захаржевскіе, Шидловскіе, Ковалевскіе и др.

Панство, которое обыкновенно составляло полковую и сотенную старшину, въ свою очередь дѣлилось на шляхетство и простыхъ пановъ. Различіе между ними заключалось въ томъ, что первые имѣли у себя во владѣніи крестьянъ, вторые-же этимъ правомъ могли только пользоваться временно, когда состояли на службѣ, вмѣсто денежнаго жалованія, котораго не получали. Спустя столѣтіе, въ царствованіе Екатерины II, въ 1762 г. Харьковской полковой канцеляріи указано было представить вѣдомость всѣмъ лицамъ шляхетскаго происхожденія съ доказательствомъ своихъ правъ на это достоинство, т. е. имъ было предписано доставить царскія и польскихъ королей жалованныя грамоты. Канцелярія отъ себя разослала предписанія во всѣ сотни съ приказомъ переписать всѣхъ шляхтичей, если таковые гдѣ есть, и представить вѣдомости съ доказательствами въ полкъ. Не смотря на то, что въ полку жили Квитки, Донцы, Шидловскіе, Ковалевскіе и др., всѣ сотники донесли, что въ ихъ степяхъ не оказалось ни одного такого шляхтича, который могъ-бы это свое достоинство доказать [1]).

Всѣ сословія полка пользовались земельною собственностью, которую пріобрѣтали или путемъ „заимки“—свободнымъ занятіемъ никѣмъ незанятыхъ пустопорожнихъ земель, (право первыхъ поселенцевъ—jus primi ocupantis), или съ позволенія полковника. Подобно панству, раздѣлялось такъ-же и ду-

---

[1]) Харьк. Ист. арх., отд. I, № 329.

ховное сословіе; изъ нихъ лица шляхетскаго происхожденія имѣли своихъ крестьянъ.

Выборные козаки (ранговые, реестровые или регистровые), которые, кромѣ службы войсковой, никакихъ другихъ повинностей не несли, имѣли нѣсколько разрядовъ. Реестровые или сотенные козаки составляли собственно полкъ, ходили въ походы и несли другіе воинскіе наряды. Въ козаки выбирались люди способные къ боевой службѣ; отъ нихъ требовалось удальство, ловкость, сила и лихое наѣздничество. Далѣе слѣдуютъ хоружевые козаки—они состояли при полковомъ штабѣ (прапорѣ), находились въ непосредственномъ вѣдѣніи полковника и составляли какъ-бы его гвардію. При полковомъ прапорѣ, кромѣ того, находилась еще команда, составленная изъ такъ называемыхъ полковыхъ козаковъ, выбираемыхъ изъ старшинскихъ дѣтей полковникомъ; они назначались для разныхъ командировокъ съ командами, для посылки съ приказаніями и т. п.; они не получали никакого содержанія отъ полка, но изъ нихъ назначались сотники на открывающіяся вакансіи.

Въ крѣпостяхъ были еще пушкари при пушкахъ, которыя пріобрѣтались на средства полковой или сотенной старшины.

Семейства козаковъ распадались на слѣдующія группы, сообразно той роли, которую играли онѣ въ козачествѣ. Къ первой категоріи принадлежали всѣ семейства козаковъ и ихъ свойственники, изъ которыхъ выбирались способные нести строевую козачью службу; ко второй группѣ принадлежали семейства, которыя не выставляли служилыхъ козаковъ, но за то должны были содержать этихъ послѣднихъ; на деньги, собираемыя съ нихъ, покупались лошади (по двѣ на каждаго козака), оружіе, сѣдла и платье, а такъ-же провіанты въ походахъ; они во время походовъ брались такъ-же погонщиками. Эти козаки носили названіе „подпомощниковъ“ („подпомощники“). Такихъ подпомощниковъ давалось старшимъ отъ 2 до 6 человѣкъ; козакамъ же выборнымъ (они назывались позднѣе еще козаки—компанійцы) отъ 2 до 8 на каждаго, смотря по зажиточности—богатымъ меньше, бѣднымъ больше [1]). Кто же изъ подпомощниковъ не имѣлъ собственнаго хозяйства, тотъ

[1]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы. Томъ I, стр. 181.

денегъ не платилъ, но за то долженъ былъ, живя въ семействахъ, выставившихъ козака на службу, работать на нихъ; въ такомъ случаѣ они назывались „подсосѣдками“.

Наконецъ, между селянами различались владѣльческіе, монастырскіе и свободные; они жили въ селахъ и хуторахъ, занимались земледѣліемъ и состояли во владѣніи старшинъ, но положеніе ихъ было не тяжелое: владѣльческіе подданые работали на своихъ пановъ, какъ это видно изъ переписи, произведенной въ 1732 году маіоромъ Хрущевымъ, по большей части по 2 дня въ недѣлю (такихъ показано 25 мѣстъ); были такіе, которые работали по одному дню (6) и такіе что работали только одну недѣлю въ году (1). Но были даже и такіе владѣльцы, поддапные которыхъ вовсе не работали и не платили ни какихъ денегъ (6). Отработавъ положенное число дней, поданные остальными днями располагали по своему усмотрѣнію; главнымъ-же ихъ преимуществомъ былъ свободный переходъ съ мѣста на мѣсто [1]. Въ Слободской Украйнѣ простой народъ, какъ и въ Малороссіи, называется посполыствомъ; такъ его именуютъ и царскія грамоты: „и всѣмъ того полку старшинамъ и всему *посполыству* наше Великаго Государя, милостивое слово“ [2]. Слово „посполыство“ польское и означаетъ общенародный, но подъ этимъ именемъ разумѣли только простой народъ [3]. Мѣщане жили въ городахъ и мѣстечкахъ и занимались ремеслами и торговлею.

Нынѣшніе уѣзды Харьковскій, Валковскій, часть Изюмскаго и Волчанскаго, Купянскій и Зміевскій [4]) составляли область полка при полковомъ городѣ Харьковѣ, въ которомъ жилъ полковникъ и полковая старшина; въ немъ помѣщалось управленіе полка военное и гражданское; въ немъ жили воеводы, назначаемые Московскимъ правительствомъ.

Полкъ дѣлился на сотни. Дѣленіе это было административно-территоріальное; сотню составлялъ извѣстный участокъ земли со всѣми селеніями и хуторами, находящимися въ немъ, чис-

---

[1]) Д. И. Багалѣй, Матеріалы. Томъ I, стр. 204.
[2]) Б. Успенскій. Опытъ повѣст. о древ. рус., 1818 г., стр. 725.
[3]) И. И. Срезневскій. Ист. обоз., стр. 7. П. Головинскій. Слоб. коз. п., гл. I.
[4]) Ibidem, стр. 8.

ленность сотенъ была неодинакова. Вначалѣ полкъ раздѣлялся на 5 сотенъ, но, по мѣрѣ того, какъ населеніе полка росло, увеличивалось и число сотенъ; сотни назывались по главному мѣстечку, находившемуся въ ней, гдѣ жила сотенная старшина и помѣщалось управленіе сотни. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ Харьковскомъ полку было уже 15 сотенъ, въ концѣ-же XVII вѣка 8 [1]) (вслѣдствіе отдѣленія къ Изюмскому полку). Въ составъ полка входили слѣд. мѣстечки и города:

Волчанскъ (съ 8 селами), Салтовъ (съ 4-мя), Печенѣги (съ 8 сел. и 8 дерев.), Золочевъ (съ 2-мя), Ольшанка (съ 2-мя), Валки (съ 4-мя)—„сей-же есть древнѣйшій изъ городовъ слободскихъ, понеже всѣ иные упредилъ" [2]), Мерефа (съ 3-мя), Соколовъ, Зміевъ (съ 4-мя), Маяцкій, Соленый; слѣдующіе, входившіе въ составъ Харьковскаго полка, впослѣдствіи были отчислены къ Изюмскому полку: Перекопъ (съ 1 дер.), Бишкинъ, Андреевы Лозы, Балаклея, Савинскъ, Изюмъ, Царево-Борисовъ, Острополы, Сеньковъ, Купецкій, Двурѣчная, Каменка; всего значитъ, 25 городовъ и мѣстечекъ,—54 села и деревни [3]).

Во главѣ полка стоялъ полковникъ, который совмѣстно съ полковою старшиною ему подчиненною, управлялъ имъ, соединяя въ себѣ власть военную и гражданскую. Выбирался полковникъ вольными голосами—старшиною и полчанами, которые собирались для этой цѣли въ полковой городъ [4]), и избирался на всю жизнь, что дѣлало его положеніе очень самостоятельнымъ; воеводѣ онъ подчиненъ не былъ. Власть полковника была велика: онъ былъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ полку; ему подчинялись всѣ сословія, жившія на тер-

[1]) Думаютъ, что на мѣстѣ этого города было прежде укрѣпленіе половецкаго хана Кончака, память о которомъ сохранилась и до нынѣ подъ названіемъ «Салтановскаго городища». Объ этомъ говорится также и въ „книгѣ, глаголемой большой чертежъ". Застроенный въ 1639 г. пришедшими съ гетманомъ Як. Острянинцею козаками и оставленный ими снова въ 1641 году, Салтовъ заселился черкасами одновременно съ другими украинскими городами. Во второй половинѣ XVII в. въ немъ была уже церковь и укрѣпленіе (Геогр. стат. слов. П. Семенова).

[2]) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 199.

[3]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 542.

[4]) Его-же. Матеріалы, том. I, стр. 167—168.

ріторія, составлявшей полкъ; онъ имѣлъ право раздавать въ потомственное владѣніе, по своему усмотрѣнію, ни кѣмъ не занятыя пустопорожнія мѣста, въ награду за заслуги, кого считалъ достойнымъ того; въ свою очередь, и самъ имѣлъ право для себя занимать земли, остававшіяся послѣ во владѣніи его рода. Полковникъ завѣдывалъ всѣмъ устройствомъ полка, водилъ его въ походы; его утвержденіе было необходимо для законной силы приговоровъ по разнымъ преступленіямъ и по другимъ судебнымъ дѣламъ; онъ имѣлъ право наказывать даже смертію. Такъ, полковникъ Өедоръ Репко приказалъ разстрѣлять въ Харьковѣ Левку Жигалку за убійство служилыхъ людей [1]). Власть наказывать смертью и другими тѣлесными наказаніями полковникъ имѣлъ даже надъ членами полковой старшины, выбравшими его въ это званіе. Это можно вывести изъ письма [2]) харьковскаго полковника Тевяшева къ полковому судьѣ по случаю неисполненія этимъ послѣднимъ уже разъ отданнаго приказанія: „по полученіи сего извольте, Ваше благородіе, всѣ тѣ чины сыскать, прислать къ полку конечно къ завтрешнему числу подъ опасеніемъ за неисполненіе лишенія чести Вашей и живота". Всѣ свои распоряженія и рѣшенія онъ утверждалъ письменными приказами, которые назывались универсалами, какъ и въ гетманщинѣ, за своею подписью и приложеніемъ своей гербовой печати, употреблявшейся, какъ полковая. Какъ знакъ своей независимости, къ своей подписи полковники прибавляли „властною рукою" [3]) и писались: „мы, полковникъ харьковскій"; о немъ всегда говорили: „ясновельможный панъ полковникъ" и „его милость панъ полковникъ".

Во время отправленія своихъ обязанностей, полковникъ держалъ въ рукѣ, какъ знакъ своего достоинства, такъ называемый, шестоперъ (родъ булавы), который состоялъ изъ рукоятки, кончавшейся шаромъ съ шестью гранями, отъ чего и получилъ свое названіе, такъ какъ эти грани имѣли нѣкоторое подобіе перьевъ и были глухія или съ прорѣзами.

---

[1]) Пр. Филаретъ. Отд. I, стр. 72.

[2]) Хар. ист. арх., отд. I, № 27.

[3]) П. Головинскій. Сл. коз. полки, гл. I.

Иногда знаки эти дѣлались съ большимъ числомъ граней (перьевъ) и тогда носили названіе „перначъ". Дѣлались они изъ серебра, золота, украшались драгоцѣнными камнями, по желанію полковниковъ. Ихъ брали съ собою и въ походъ и возили съ правой стороны на сѣдлѣ въ нарочно сдѣланной для того петлѣ; носили его такъ-же и за поясомъ [1]).

Въ полку было знамя полковое, называемое хоругвею; оно почиталось полковою святынею,—на немъ изображался ликъ святого, почитавшагося патрономъ полка; на украшеніе хоругви собирались по всему полку деньги, и козаки обыкновенно гордились богатствомъ своего знамени [2]); хранилось оно у полковника. Кромѣ полковой хоругви, было у каждой сотни свое собственное знамя, на которомъ обыкновенно изображался крестъ, писался № сотни и обозначался полкъ. Какъ уже упомянуто выше, въ полку была гербовая полковничья печать, считавшаяся полковою. Все это называлось полковничьими клейнодами (драгоцѣнностями).

Вторымъ лицомъ по своему значенію за полковникомъ былъ полковой обозный; его обязанностью было завѣдывать пушкарями, всею артиллеріею полка и укрѣпленными мѣстами. Во время болѣзни полковника или его отсутствія полковой обозный управлялъ всѣмъ полкомъ, но властью всею не пользовался; такъ, напр., универсаловъ давать не имѣлъ права. Полковой судья—на его обязанности лежало завѣдываніе судебными дѣлами полка; онъ засѣдалъ въ полковой ратушѣ и рѣшалъ дѣла, но утвержденіе его приговоровъ всегда зависѣло отъ полковника. Два полковыхъ есаула (асаулъ)—помощники полковника—одинъ старшій, другой младшій — по воинской части. Полковой хорунжій — онъ хранилъ во время похода хоругвь, завѣдывалъ хорунжевыми козаками. Два полковыхъ писаря; они исполняли должность секретарей въ полковой ратушѣ; одинъ изъ нихъ былъ по воинской части, другой по гражданской; при ратушѣ, кромѣ двухъ штатныхъ писарей, было еще четыре, состоявшихъ на содержаніи отъ полка. Изъ нихъ

---

[1]) Висковатый. Истор. опис. одежды, част. I, стр. 67—68. Ефименко. Харьк. Сбор. на 87 г., стр. 176.

[2]) П. Головинскій. Сл. коз. пол., гл. I.

назначались полковые писаря при открытіи вакансіи на ту должность.

Всѣ эти лица составляли полковую старшину и полковую раду, на которой рѣшались всѣ важные вопросы по большинству голосовъ, при чемъ всѣ члены рады имѣли равные голоса, кромѣ полковника, имѣвшаго два. Такой порядокъ велъ иногда къ большимъ недоразумѣніямъ, дѣлалъ рады очень шумными; иногда онѣ оканчивались драками, даже настоящими битвами между ея членами, которые для этой цѣли вооружали своихъ крестьянъ [1]). Распорядителемъ на радѣ былъ полковой обозный. Кромѣ того въ городѣ еще былъ атаманъ—онъ исполнялъ полицейскія обязанности [2]).

Управленіе сотни было сходно съ полковымъ управленіемъ; въ дѣлахъ важныхъ она подчинялась полковнику, а управлялась вполнѣ самостоятельно „паномъ“ сотникомъ, которому были подчинены жители селъ и хуторовъ, составляющихъ сотню; въ сотнѣ была своя сотенная старшина; она состояла изъ сотника, атамана, есаула и хорунжаго. Атаманъ послѣ сотника было первое лицо, присутствовалъ въ канцеляріи и рѣшалъ гражданскія дѣла, исполняя обязанности судьи; у него помощникомъ былъ сотенный писарь; въ отсутствіе сотника атаманъ управлялъ сотнею. Есаулъ и хорунжій были помощниками сотника по воинской части; послѣдній въ походѣ хранилъ сотенное знамя. Назначеніе лицъ, составлявшихъ сотенную старшину, зависѣло отъ сотника, равно и смѣщеніе недостойныхъ старшинъ, снова послѣ того переходившихъ въ разрядъ рядовыхъ казаковъ.

Число выборныхъ козаковъ доходило до 800. Вооружены они были саблями, пистолетами, ружьями и копьями. На красоту сабли, съ которою казаки никогда не разставались, такъ что даже пахарь, идя за сохою, былъ препоясанъ ею, обращалось большое вниманіе; она служила предметомъ щегольства и украшалась золотыми и серебряными насѣчками. Особенно цѣнились сабли турецкія. Ножны обкладывались краснымъ бархатомъ,

---

1) Н. Головинскій. Слоб. коз. полки, гл. I.

2) Г. Успенскій. Опытъ повѣст. о древ. Рус., стр. 760.

украшались драгоцѣнными камнями и оправлялись въ серебро и т. п., смотря по состоянію [1]).

Пистолеты и ружья („пищали, ручницы“) были по большей части турецкаго происхожденія, а также нѣмецкаго и тульскаго. Боевые припасы носились въ рогахъ, лядункахъ и барашахъ (мѣшки для пуль); рога были буйволовые съ серебряными отдѣлками; лядунки и бараши шились золотомъ и серебромъ. Ѣздили слобожане на лошадяхъ разной породы, какія приходилось гдѣ добывать; но была у нихъ и своя порода—„черкасскіе жеребцы“—красивая, не уступавшая всѣмъ прочимъ по своей крѣпости [2]). Ѣздили на уздечкахъ и украшали ихъ серебромъ. Сѣдла у нихъ были польскія и черкесскія. Подушки сѣдельныя дѣлались изъ бархата, сафьяна, сукна, кожи, и также украшались шитьемъ, равно какъ и сѣдельные войлоки, крытые сафьяномъ и бархатомъ[3]). Сѣдла были высокія, и ѣздили на нихъ на короткихъ стременахъ, по татарски, что очень уродовало посадку и дѣлало ее не крѣпкою, но давало возможность всаднику легко обращаться во всѣ стороны, уклоняясь отъ ударовъ саблею противника.

Одежда слободскаго козака состояла изъ черкески съ откидными рукавами, нижняго полукафтанья, широкихъ шароваръ и дѣлалась всевозможныхъ цвѣтовъ, преимущественно яркихъ, на кумачевой подкладкѣ. Обкладывалась черкеска и полукафтанье кругомъ матеріею другаго цвѣта, и называлась эта обложка „подпушкомъ“, цвѣтъ котораго всегда былъ другой; такъ, напр., если черкеска дѣлалась желтаго цвѣта, то подпушекъ лазоревый; если дымчатая, то подпушекъ зеленый. Полукафтанье подпоясывалось поясомъ, на который обращали большое вниманіе, и стоили пояса обыкновенно не дешево; пуговицы дѣлались изъ серебра. Шапки носили мѣховыя, большею частью изъ смушка. Полковники поверхъ всего надѣвали еще и мантію—епанчу [4]). Одежда выборныхъ (ранговыхъ) козаковъ не отличалась ничѣмъ отъ одежды прочихъ, не подчинялась

---

[1]) И. С. Ефименко, Хар. Сбор. на 87 г., стр. 174.

[2]) Висковатый. Ист. оп. воор. и одеж., ч. I, стр. 79.

[3]) Ibidem.

[4]) И. С. Ефименко, Хар. Сбор. на 87 г., стр. 172.

какой либо формѣ и зависѣла вполнѣ отъ вкуса каждаго [1]).

Волосы слобожане подстригали въ кружокъ, подбривая голову немного выше ушей; они обыкновенно носили огромные усы, спущенные всегда книзу, бороду-же брили [2]).

Таково было управленіе полка, вполнѣ самостоятельное, свободное. Въ сравнительно короткій періодъ времени послѣ своего переселенія изъ Польши, гдѣ они подвергались, какъ мы видѣли, всевозможнымъ притѣсненіямъ, козаки устроились на новыхъ мѣстахъ; города, слободы, хутора росли и развивались; и такъ какъ слобожане въ новомъ своемъ отечествѣ нашли почти тѣ-же климатическія условія, какія были и по правую сторону Днѣпра, то имъ легко было скоро примѣниться къ мѣстности. Первое время, когда пришлось силою пробиваться на новыя мѣста, ежечасно ждать нападенія татаръ, черкасы не могли заняться хлѣбопашествомъ, а получали хлѣбъ изъ Бѣлгорода, покупая его тамъ; сами-же промышляли звѣриною и рыбною ловлею. По мѣрѣ-же того, какъ строились укрѣпленныя мѣста, слобожане, подъ ихъ защитою, стали заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ; привольные луга съ чудною травою вполнѣ тому благопріятствовали. Правда, опасность отъ нападенія татаръ, истреблявшихъ въ одинъ часъ весь трудъ земледѣльца, не позволяла Харьковскимъ козакамъ вполнѣ отдаться мирнымъ занятіямъ. При первомъ извѣстіи о появленіи татаръ сельское населеніе должно было забирать все свое имущество, скотъ, все, что только было можно, и бѣжать подъ защиту городовъ. Даже жители полковаго города, гдѣ были и пушки и болѣе вооруженныхъ людей, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ поселеніи полка, должны были быть постоянно на сторожѣ. Воевода и днемъ и ночью держалъ вездѣ караулы; на полевыя работы дозволялось выходить только тогда, когда все кругомъ было спокойно и о татарахъ не было никакихъ вѣстей отъ высланныхъ въ степь станичниковъ; даже въ такое, повидимому, спокойное время дозволялось выходить въ поле „не малыми людьми съ пищалями и всякимъ оружіемъ". Скотъ выгонять можно было, „только провѣдавъ про воинскихъ

---

[1]) П. Головинскій. Сл. коз. полки, гл. I.

[2]) Гербель. Изюм. Слоб. коз. п., изд. 52 г., стр. 34.

людей до пряма". Иногда, при вѣсти о появленіи татаръ, жители запирались въ городъ, отсиживались тамъ долго, а хлѣбъ между тѣмъ зрѣлъ и высыпался. Такъ, въ 1668 г. жители г. Балаклеи, страшась нападенія татаръ, просидѣли въ городѣ, на работы въ поле не выходили, и хлѣбъ остался совсѣмъ не сжатымъ. Протоіерей балаклейскій писалъ: „на той Украинѣ жить нельзя, прокормиться нечѣмъ; ради прихода татаръ пахать нельзя" [1]). Въ 1674 г. жители г. Савинска подали челобитье, гдѣ просили себѣ хлѣбнаго жалованья, такъ какъ безъ него помрутъ съ голоду и разбредутся врозь; пахать и сѣять за приходомъ воинскихъ людей имъ невозможно. Просьба ихъ была уважена [2]).

Это, конечно, въ значительной степени отравляло жизнь харьковцевъ, но, не смотря на то, имъ жилось гораздо лучше здѣсь, ибо они знали одного только непріятеля и бились съ нимъ, у себя-же дома были свободны, могли дѣлать, что хотѣли; надъ ними не тяготѣлъ гнетъ ни пановъ, ни жидовъ — арендаторовъ; они могли свободно исповѣдывать религію своихъ отцовъ, не боясь ни насмѣшекъ ни наказанія; духовенство-же, не стѣсненное ничѣмъ, могло безъ помѣхи исполнять свое назначеніе—служить дѣлу нравственнаго развитія своей паствы.

Харьковцы на своихъ рѣкахъ построили мельницы, на пригоркахъ наставили вѣтряки и занялись своимъ любимымъ дѣломъ—винокуреніемъ; этою привилегіею они больше всего дорожили, ибо, что грѣха таить, козаки любили выпить; безъ „горілки" они жить не могли; такъ что воевода В. Селефонтовъ, можетъ быть, и былъ отчасти правъ, когда, жалуясь на Харьковцевъ за ихъ непослушаніе, писалъ, что „сами они безпрестанно пьютъ и бражничаютъ" [3]).

Московское правительство, чтобы пріохотить козаковъ, ласкало ихъ и предоставило имъ всевозможныя льготы; козаки-же за это своею грудью заслоняли московскія границы отъ татаръ.

[1]) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 137.

[2]) Ibidem, отд. IV, стр. 137.

[3]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы, томъ I, стр. 22.

Льготы, которыя были пожалованы Алексѣемъ Михайловичемъ Харьковскому полку, были слѣдующія: 1) право свободнаго занятія пустопорожнихъ земель; 2) устройство козацкое и самоуправленіе, въ которое не вмѣшивались воеводы; 3) дозволялось безпошлинно заниматься всякими промыслами, рыбною ловлею, мельничествомъ, винокуреніемъ и продажею вина; 4) козаки были избавлены отъ всякихъ податей и повинностей, кромѣ военныхъ козацкихъ и 5) право содержать на откупѣ таможни, мосты и перевозы.

Глава IV.

Царская грамота 1659 г. харьковскимъ черкасамъ.—Положеніе дѣлъ въ Малороссіи. — Гетманъ Иванъ Выговскій. — Измѣна его.—Универсалъ Выговскаго Сумскому полковнику Кондратьеву.—Непоколебимость слобожанъ въ вѣрности царю.—Добровольное участіе Харьковцевъ въ дѣлахъ противъ измѣнниковъ.—Судьба Выговскаго.—Гетманъ Иванъ Брюховецкій.—Недовольство украинскаго народа гетманомъ. — Андруссовскій договоръ. — Измѣна гетмана. — Универсалъ Харьковцамъ.—Клеветы Брюховецкаго на царя.—Вѣрность слобожанъ.—Склоненіе Ивана Сѣрка на сторону мятежниковъ.—Волненіе въ полку, избіеніе воеводъ и московскихъ служилыхъ людей. —Письмо кн. Ромодановскаго.—Увозъ изъ Зміева Донцомъ пушекъ въ г. Харьковъ.—Убійство Брюховецкаго.—Стремленіе Дорошенка завладѣть обѣими Украйнами. —Появленіе бунтующихъ партій снова въ области полка.—Битва подъ Чугуевомъ.—Нападеніе татаръ и козаковъ Полтавскаго полка на Харьковскій полкъ. — Мятежъ въ полковомъ городѣ. — Убійство полковника Ренко и сотника Ѳедорова.—Число мятежниковъ.—Населеніе полковаго города.—Безукоризненное поведеніе Сѣрка до измѣны Брюховецкаго.—Причины, объясняющія волненіе въ полку.—Взглядъ на это Москвы.—Похвальная грамота 1668 г.—Обложеніе полчанъ пошлинами. — Просьба полковъ объ отмѣнѣ ихъ. — Царская грамота 1669 г.—Возвращеніе льготъ.—Отголоски бунта Степьки Разина въ полку.

Въ Харьковъ пришла отъ московскаго государя, Алексѣя Михайловича, грамота отъ 23 сентября 1659 г., „къ нашимъ, Великаго Государя, служилымъ и всякимъ жилецкимъ людямъ, именно черкасамъ". Въ ней сообщалось объ измѣнѣ гетмана Ивана Выговскаго, и царь увѣщевалъ харьковцевъ не приставать къ измѣнникамъ, быть вѣрными присягѣ, обѣщая за это „жалованіе" [1]). Грамота эта была вызвана слѣдующими событіями, происходившими въ Малороссіи.

15 августа 1657 г. гетманъ Богданъ Хмельницкій, „Хмель", какъ его называли козаки, умеръ, послѣ трогательнаго прощанія съ народомъ, въ Чигиринѣ. На его мѣсто въ гетманы былъ выбранъ сынъ его Юрій, человѣкъ „разумомъ слабенькій", по выраженію народной поэзіи, неспособный къ какой либо,

---

[1]) Грамота 1659 г. В. В. Гуровъ. Сбор. судеб. рѣш., стр. 469—470.

требующей энергіи роли; этого избранія и самъ Юрій не особенно то хотѣлъ, ибо, подъ вліяніемъ совѣтовъ Выговскаго, отзался отъ гетманства по причинѣ малолѣтства и былъ помѣщенъ въ Кіевское училище. Народъ-же сдѣлалъ этотъ выборъ единственно изъ уваженія къ памяти отца. Впослѣдствіи Хмѣльницкій снова былъ гетманомъ, передался польскому королю, присягалъ ему на вѣрность, былъ монахомъ, архимандритомъ, невольникомъ въ Константинополѣ, сдѣлался потурнакомъ („потурчився, побусурманився"), носилъ громкій, но ничего незначившій титулъ князя малороссійской Украины — безъ княжества и подданныхъ. Наконецъ, печально кончилъ свою ничтожную жизнь, полную превратностей и измѣны, будучи убитъ кошевымъ атаманомъ Ив. Сѣркомъ со всѣми бывшими при немъ козаками [1]). Выговскій, генеральный писарь, былъ любимецъ Богдана, который вымѣнялъ его изъ татарскаго плѣна на лошадь и сдѣлалъ при себѣ писаремъ (1648 г.). Выговскій имѣлъ громадное вліяніе на Юрія, который, поддавшись его науценіямъ, выдалъ ему милліонъ талеровъ изъ казны отца своего. Съ помощію этихъ денегъ Выговскій, подкупая кого слѣдуетъ, расположилъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ козаковъ въ свою пользу и былъ избранъ въ гетманы старшиною и шляхетствомъ. Полякъ по происхожденію, какихъ много было тогда среди козачества, онъ задумалъ, въ разсчетѣ на личныя выгоды, подчинить Малороссію, по прежнему, власти Польши. Эта мысль встрѣтила сочувствіе даже среди народа, недовольнаго новыми порядками, которые имѣли цѣлью постепенное ослабленіе воинственнаго духа, привычки по всякому, даже пустому сравнительно поводу, обращаться къ оружію и наклонности къ необузданному своевольству, къ чему онъ такъ привыкъ за послѣднія возстанія, и что мѣшало массѣ народной обратиться всецѣло къ мирнымъ занятіямъ. Къ тому-же поляки, со своей стороны, желая возвратить потерянную Малороссію, заигрывали съ народомъ и не скупились на обѣщанія. Выговскій заключилъ съ Польшею договоръ въ сентябрѣ 1658 г., по которому Малороссія и запорожцы переходили къ Польшѣ. Чтобы привлечь

[1]) Бантышъ-Каменскій. Ист. Малой Россіи, ч. II, стр. 160. Ригельманъ. Лѣт. пов. о Мал. Р., I, стр. 171.

козаковъ на свою сторону и заставить ихъ согласиться на этотъ договоръ, гетманъ сталъ распускать слухи, что будто бы московскій царь хочетъ ограничить число реестровыхъ козаковъ, а народъ обратить въ драгуны. И вотъ, склоняя всѣхъ на свою сторону всевозможными средствами, Выговскій прислалъ универсалъ и въ слободскій полкъ, въ которомъ приглашалъ слобожанъ стать на его сторону. Этотъ универсалъ былъ написанъ на имя Сумскаго полковника Кондратьева. Гетманъ просилъ снять съ универсала копію и разослать въ другіе полки— Харьковскій, Ахтырскій и Острогожскій; но онъ ошибся въ разсчетѣ своемъ: Кондратьевъ не поддался на тѣ обольстительныя предложенія, которыя дѣлалъ универсалъ за измѣну Москвѣ; онъ созвалъ раду, разорвалъ на глазахъ у полковой старшины универсалъ, сказалъ посланному, что Выговскій или глупъ отъ природы или одурѣлъ по смерти Богдана, что слобожане—не гетманцы и за безчестіе считаютъ равняться съ ними, послѣ ихъ измѣны царю и присягѣ, что они вѣрно и прежде служили Его Пресвѣтлому Царскому Величеству и всегда на томъ останутся. Посолъ былъ выгнанъ со стыдомъ [1]).

Когда вѣсть объ измѣнѣ гетмана и о его приглашеніи пристать къ нему облетѣла Харьковскій полкъ, то харьковцы не только не поддались на увѣщанія Выговскаго, но даже многіе изъ нихъ добровольно и охотно пристали къ русскому войску Ромодановскаго, шедшему изъ Бѣлгорода противъ измѣнившаго гетмана, и „немилосердно грабили и разоряли малороссійскіе города и села". Кромѣ напраснаго кровопролитія и разоренія многихъ городковъ, изъ этого ничего не вышло, Малороссія осталась по прежнему за Москвой; только царь послѣ этого сталъ подозрительно смотрѣть на малороссійскихъ козаковъ, не довѣряя имъ; поведеніе же слобожанъ, оставшихся вѣрными и даже помогавшихъ подавленію измѣны, еще болѣе расположило Алексѣя Михайловича къ черкасамъ, которые „памятуя Бога... служили со всякимъ усердствомъ безъ всякаго сомнѣнія... и совѣту и сыску съ ними не имѣли".

Самъ Выговскій, видя свое дѣло проиграннымъ, ушелъ въ

---

1) И. Головинскій. Слоб. каз. п., гл. II.

Польшу, гдѣ былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ Москвою, схваченъ польскомъ полковникомъ Маховскимъ, судимъ за измѣну и разстрѣлянъ въ Корсунѣ въ 1664 году [1]).

Съ бѣгствомъ Выговскаго смуты въ Малороссіи не прекратились; его неудачи и печальный конецъ не научили Брюховецкаго быть вѣрнымъ Москвѣ. Избранный гетманомъ, благодаря запорожцамъ, Брюховецкій, простой слуга Хмельницкаго, въ благодарность за это окружилъ себя почти исключительно запорожцами и предоставилъ имъ всѣ высшія должности. Сѣчевики не замедлили возстановить противъ себя жителей своимъ распутствомъ и пьянствомъ. Первое время Брюховецкій былъ въ отличныхъ отношеніяхъ съ Москвою, ѣздилъ туда представляться царю, женился на русской боярынѣ Долгорукой, причемъ Алексѣй Михайловичъ самъ устраивалъ этотъ бракъ. Гетманъ получилъ титулъ стольника, былъ пожалованъ бояриномъ. Козакамъ очень не нравилось производство ихняго гетмана въ русскіе бояры; это какъ то отчуждало его отъ нихъ, и они уже стали смотрѣть на него, не какъ на своего брата козака. Полковникамъ-же, ѣздившимъ въ Москву съ гетманомъ и пожалованнымъ дворянами, не было проходу отъ насмѣшекъ, и они просто боялись показаться козакамъ на глаза.

Народъ былъ также недоволенъ своимъ гетманомъ; это неудовольствіе усилилось еще отъ того, что московскіе воеводы, жившіе по городамъ, позволяли себѣ мелкія несправедливости; малороссіяне, видя хорошія отношенія гетмана къ Москвѣ, думали, что Брюховецкій самъ покровительствуетъ этимъ чиновникамъ и дѣйствуетъ вообще съ ними за одно въ ущербъ своему народу. По андруссовскому договору (1667 г.), окончившему войну между Москвою и Польшею, этой послѣдней были уступлены земли, лежащія по правую сторону Днѣпра; такимъ образомъ, Малороссія раздѣлилась на двѣ части— правобережную, отошедшую къ Польшѣ, и лѣвобережную, оставшуюся за Москвой; это раздѣленіе, естественно, еще болѣе посѣяло смутъ между народомъ. Между тѣмъ Брюховецкій круто измѣнилъ Москвѣ и задумалъ отдѣлиться отъ

[1]) Ген. Лееръ. Энциклопедія воен. и мор. наукъ, т. II, стр. 343.

нея совершенно; онъ встрѣтилъ себѣ сочувствіе во многихъ полковникахъ. На созванной радѣ (1668 г.) было рѣшено перебить всѣхъ русскихъ воеводъ и чиновниковъ и отложиться отъ Москвы. Думая привлечь на свою сторону слободскіе полки, гетманъ прислалъ универсалъ, въ числѣ другихъ полковъ, харьковцамъ, въ которомъ взводилъ всевозможныя небылицы на царя, говоря, что онъ „побратался съ ляхами, условился съ ними всѣхъ православныхъ на Украинѣ, Донѣ, Запорожьѣ и слободахъ съ ихъ дѣтьми истребить мечемъ, а другихъ загнать въ Сибирь, а земли козацкія обратить въ дикія поля и звѣриныя жилища“ [1]). Харьковцы не сдались на подговоры Брюховецкаго, остались по прежнему вѣрными Москвѣ. Гетманъ послѣ того пытался силою принудить слобожанъ къ измѣнѣ и послалъ на нихъ шайки татаръ и непрiцкихъ козаковъ, которыя и проникли въ область Харьковскаго полка. . . . . . .

Жившій въ это время въ Мерефѣ кошевой атаманъ, Ив. Сѣрко, непримиримый врагъ ляховъ и татаръ, громившій неоднократно послѣднихъ, забираясь въ самое ихъ гнѣздо— въ Крымъ, освободившій не одну тысячу христіанскихъ плѣнныхъ [2]), отбивая ихъ обыкновенно у татаръ при возвращеніи ихъ съ набѣга, склонился на сторону измѣнниковъ. Своимъ авторитетомъ, которымъ пользовался между всѣми казаками, Сѣрко увлекъ къ бунту и черкасъ Зміева, Царевоборисова, Маяцка, Валокъ и на Торскихъ озерахъ. Возставшіе козаки начали съ того, что поубивали воеводъ и русскихъ служилыхъ людей, своими невполнѣ добросовѣстными и несправедливыми поступками возбудившихъ противъ себя ненависть черкасъ, разграбили въ означенныхъ городахъ огнестрѣльные припасы, а Зміевъ, Церевоборисовъ разорили и сожгли. Въ уѣздахъ Чугуевскомъ и Харьковскомъ бунтовщики эти произвели большія опустошенія, жгли села, деревни и хлѣбъ, жителей, отказывавшихся приставать къ нимъ, убивали или брали

---

[1]) П. Головинскій. Слоб. коз. п., гл. II. Грамота 1668 жителямъ г. Салтова. См. приложеніе.

[2]) Бантышъ-Каменскій. Ист. Мал. Рос., II, стр. 50.

въ плѣнъ, уподобляясь татарамъ [1]). Мятежъ тотъ вспыхнулъ 4 марта 1668 года.

Черкасы-же полковаго г. Харькова, вся старшина и козаки, съ полковникомъ во главѣ, остались вѣрными своему долгу, что подтверждается письмомъ [2]) кн. Ромодановскаго, гдѣ тотъ воевода говоритъ, что харьковцы вѣрно служатъ великому государю, не пристаютъ къ измѣнникамъ и „надъ ними промыслы чинятъ". Въ томъ же письмѣ къ чугуевскому воеводѣ, онъ приказываетъ ему соединиться съ харьковскимъ воеводою Л. Сытинымъ „надъ измѣнниками промыслы и поиски чинить и въ полонъ имать и села и деревни жечь, сколько милосердый Богъ поможетъ".

Въ Зміевѣ, послѣ его разоренія, остались неувезенными измѣнниками 7 пушекъ. Изъ Чугуева за ними былъ посланъ Александръ Марченко съ ратными людьми; но удалось имъ увезти съ собою только три пушки, ибо дорога по причинѣ весенней распутицы была очень плоха. Остальныя-же 4 пушки Марченко закопалъ въ землю, въ разсчетѣ забрать ихъ послѣ [3]), что ему не удалось, ибо отрядъ харьковцевъ, подъ начальствомъ своего сотника Григорія Донца [4]), поспѣшилъ въ Зміевъ и увезъ съ собою въ Харьковъ эти желѣзныя пушки; изъ нихъ двѣ горѣли во время пожара въ городѣ и потому къ стрѣльбѣ не годились [5]).

Кошевой Сѣрко съ бунтовщиками 11 марта подходилъ къ самому полковому городу, схватилъ нѣсколько харьковцевъ; изъ крѣпости по нимъ стрѣляли, причемъ одну пушку разорвало [6]). Послѣ этого, перейдя въ двухъ верстахъ отъ города р. Уды, Сѣрко ушелъ дальше.

Между тѣмъ гетманъ Брюховецкій дорого поплатился за свою измѣну Москвѣ—онъ былъ убитъ козаками; но со смертью его смуты въ Малороссіи не прекратились. Гетманъ правобережной Украины—Дорошенко—стремился подчинить своей

[1]) Письмо Чуг. воев. къ бѣлгородскому (Пр. Филаретъ. Отд. IV, стр. 62).
[2]) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 52.
[3]) Ibidem, отд. IV, стр. 191.
[4]) Ibidem, отд. II, стр. 53.
[5]) Описаніе г. Хар., состав. воев. В. Сухот., Харьк. Календарь 1885 г., 628.
[6]) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 52.

власти всю Малороссію (право и лѣво бережныя Украины). Ему сочувствовалъ и весь народъ, бывшій сильно озлобленъ за подобное раздѣленіе. Чтобы добиться своей завѣтной цѣли, Дорошенко вступилъ въ союзъ съ татарами и, по смерти Брюховецкаго, разослалъ воззванія къ бунту.

Бунтующія-же партіи козаковъ въ іюнѣ мѣсяцѣ снова появились въ области Харьковскаго полка, въ Печенѣгахъ, расчитывая получить здѣсь подкрѣпленія и идти подъ Чугуевъ. Опасаясь этого, Чугуевскій воевода, обратился къ полковнику Репко, прося его о помощи. Вѣрный своему долгу, Репко съ полкомъ своимъ поспѣшилъ на помощь и 28 іюня явился въ Чугуевъ. Въ битвѣ подъ Чугуевомъ Репко нанесъ непріятелю пораженіе, и 30-го числа возвратился уже въ Харьковъ [1]). Въ наказаніе за это гетманъ Дорошенко выслалъ противъ Харьковскаго полка отрядъ въ числѣ тысячи татаръ съ мурзами и двумя стами козаковъ Полтавскаго полка подъ начальствомъ Кульбицкаго. Отрядъ этотъ опустошилъ Мерефу, Васищево и Чугуевскія села [2]). Нападеніе это не было неожиданнымъ, такъ какъ полковникъ Репко былъ о томъ предупрежденъ. Онъ сталъ дѣятельно готовиться къ встрѣчѣ непріятеля [3]) и предупредилъ Чугуевскаго воеводу. Волненія на этомъ не прекратились, и въ половинѣ октября того же года ночью вспыхнулъ мятежъ въ самомъ полковомъ городѣ; въ Харьковѣ измѣнники неожиданно напали на полковничій домъ, убили вѣрнаго царю полковника Репко и сотника Константина Ѳедорова; они стремились склонить на свою сторону и остальныхъ жителей Харькова, но это имъ не удалось,—харьковцы къ нимъ не пристали и заперлись въ крѣпости.

Въ ту же ночь харьковскій протопопъ Захарій Филимоновъ поспѣшилъ въ Чугуевъ, разсказалъ о случившемся воеводѣ и просилъ помощи.

Разсказъ этотъ мы почерпнули изъ письма бѣлгородскаго воеводы чугуевскому, въ которомъ онъ предписываетъ ему идти на выручку въ Харьковъ. Изъ него видно, что чугуевскій вое-

[1]) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 53.

[2]) К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 10.

[3]) С. Н. Кованько. Ист. стат. опис. г. Хар. Хар. Губ. Вѣд. 1859 г., № 8.

вода, основываясь на показаніи протопопа Филимонова и чугуевскаго вѣстовщика Раслабова, доносилъ, что въ Харьковѣ бунтовщиковъ было немного—человѣка 20 („Ивашка Кривошлыкъ да Степка и Тарасъ—человѣкъ съ двадцать") [1].

Надо полагать, что бунтовщиковъ въ Харьковѣ было гораздо больше чѣмъ 20 человѣкъ, ибо трудно допустить, чтобы такая горсть людей могла силою проникнуть въ домъ полковника, несмотря на караулы, бывшіе повсюду въ городѣ и около дома полковника, гдѣ хранилась полковая хоругвь. Если-бы дѣйствительно ихъ было такъ мало, то нужно-ли было-бы остальнымъ жителямъ, непричастнымъ той измѣнѣ, запереться въ крѣпости, а протопопу обращаться за помощью въ Чугуевъ, когда имъ легко было и самимъ управиться съ такою ничтожною горстью людей, такъ какъ въ городѣ въ то время было 62 человѣка однихъ русскихъ служилыхъ людей, бывшихъ въ распоряженіи воеводы, да 1491 человѣкъ черкасъ [2].

Этимъ и завершились волненія среди харьковцевъ. Правда, и этотъ случай нельзя особенно строго ставить въ укоръ полку, въ которомъ только нѣкоторые города (о которыхъ мы упоминали выше), да часть жителей полковаго города, по своему легкомыслію, поддавшись наговорамъ и соблазнительнымъ обѣщаніямъ, склонились на сторону измѣнниковъ. Винить ихъ тѣмъ болѣе трудно, что во главѣ измѣнившихъ харьковскихъ козаковъ стала такая личность, какъ Ив. Сѣрко, въ которомъ всѣ видѣли героя, заклятаго врага поляковъ и татаръ, громившаго неоднократно даже самый Крымъ. Къ тому-же личность эта занимала такой видный постъ, какъ кошевого атамана сѣчевиковъ, которыхъ козаки ставили себѣ обыкновенно въ идеалъ и всегда подражали имъ: Сѣрко притомъ былъ до этого времени постоянно вѣренъ царю, а въ 1664 году даже остерегалъ его, говоря, что онъ Брюховецкому не вѣритъ, что съ нимъ соединиться поэтому не хочетъ, и безупречно велъ себя во время смутъ гетмановъ Выговскаго и Тетери. Можно-ли

[1] Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 53.

[2] Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 246. Чрезъ 2 года—въ 1670 г. населеніе возрасло до слѣд. цифръ: дѣтей боярскихъ 157, приказныхъ и полковыхъ козаковъ 256, черкасъ 2100. (Ibidem).

винить козаковъ, увлекшихся такою личностью! Трудно было-бы требовать, чтобы слобожане сразу отрѣшились окончательно отъ той родственной связи, которая соединяла ихъ съ гетманщиною. Бунтовщики убивали московскихъ чиновниковъ и воеводъ, отъ которыхъ освободиться было очень соблазнительно и харьковцамъ, ибо они видѣли въ нихъ только своихъ притѣснителей и недоброжелателей.

Это отлично понимала Москва и не только какими либо репрессивными мѣрами не высказала своего гнѣва, а, напротивъ, по окончаніи смутъ, освободила полки отъ налоговъ и даровала другія льготы. Похвальная и увѣщательная грамота отъ 19 февраля 1668 г. была прислана царемъ слободскимъ полкамъ—-Сумскому, Ахтырскому и Харьковскому. О томъ, что эта грамота была пожалована и Харьковскому полку, говорятъ П. Головинскій и И. И. Срезневскій, причемъ послѣдній опирается на бывшій у него въ рукахъ „экстрактъ о слободскихъ полкахъ" — документъ оффиціальнаго происхожденія; авторъ „топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества", имя котораго остается неизвѣстнымъ, а также В. В. Гуровъ и Г. Квитка утверждаютъ тоже самое [1]). Одинъ только профессоръ Д. И. Багалѣй высказываетъ сомнѣніе по этому поводу, говоря, что „она (грамота) не могла быть пожалована ему (полку), потому что харьковцы приняли участіе въ возмущеніи Брюховецкаго" [2]). Сомнѣніе это возникло только отъ того, что подлинная грамота эта не найдена нигдѣ, имѣется только копія съ нея. Хотя, къ несчастью, небольшая часть жителей Харьковскаго полка и приняла участіе въ этомъ возмущеніи, но грамота эта все таки могла быть пожалована и Харьковскому полку, ибо дана она была 19 февраля 1668 г., между тѣмъ какъ волненія въ полку начались уже послѣ того числа: 4 марта вспыхнулъ мятежъ въ Зміевѣ, Царево-Борисовѣ и др.; 11 марта непріятели подступили къ Харькову; 6 марта было послано письмо кн. Ромодановскаго о вѣрности харьковскихъ

---

[1]) П. Головинскій. Сл. коз. пол., стр. 86. И. И. Срезневскій. Ист. об., стр. 9, Топогр. оп. Хар. нам., 29; В. В. Гуровъ. Сборникъ, стр. 100. Квитка. О сл. пол. Современникъ 1840 г., т. XVII, стр. 75.

[2]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 448

черкасъ государю [1]). Все это, случившееся послѣ пожалованія грамоты, не могло препятствовать тому, чтобы она могла быть выдана и Харьковскому полку въ числѣ другихъ, о чемъ согласно говорятъ вышеприведенные писатели.

Всѣ слободскіе полки, не получая отъ Московскаго правительства равно никакого содержанія, до 1665 г. за то и не несли никакихъ налоговъ, но въ этомъ году Бѣлгородскій разрядъ, въ вѣдѣніи котораго состояли въ это время слободскіе полки, обложилъ оброчными деньгами таможни, шинки, мосты и др. Въ Харьковскомъ полку, впрочемъ, подобными пошлинами былъ обложенъ только одинъ городъ Харьковъ. Эти налоги слобожане встрѣтили очень недружелюбно и вносили ихъ крайне туго, что видно изъ того, что изъ числа 10,458 руб. 50 к., подлежавшихъ уплатѣ за время съ 1665 г. по 1669 г., были уплачены только 3,120 руб.; за харьковскимъ полкомъ числилось 2.226 руб. 50 коп. Слобожане Сумскаго, Ахтырскаго и Харьковскаго полковъ, видя къ себѣ милостивое расположеніе московскаго царя, обратились къ нему съ просьбою отмѣнить эти пошлины. Въ отвѣтъ на это прошеніе, Харьковскому полку, на имя полковника Григорія Донца, была пожалована царская грамота отъ 5 мая 7177 (1669) года, которою давались разныя льготы за „прежнія и нынѣшнія службы и за разоренія", понесенныя полкомъ во время смутъ Брюховецкаго, и за „осадное сидѣніе" этою грамотою козаки; освобождались отъ платежа налоговъ на винные и пивные котлы и шинки, а такъ-же прощались имъ недоимки за прошлые годы въ количествѣ 2,226 руб. 50 коп. и тѣ, которыя были уже взяты—849 руб.—возвращались обратно [2]). Пожалованіе этой милостивой грамоты, послѣ происшедшихъ въ полку безпорядковъ, служитъ также доказательствомъ, что царь не гнѣвался на Харьковскій полкъ, бо́льшимъ своимъ составомъ оставшійся ему вѣрнымъ.

Этою грамотою, стало быть, возвращались полку тѣ льготы, которыми онъ пользовался до 1665 года. Особенно пришлось по сердцу харьковцамъ свободное винокуреніе и продажа

[1]) К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 9.

[2]) Грамота 1669 г. Пол. соб. зак., I, № 449.

вина. Такъ какъ привиллегія свободнаго винокуренія на великорусское населеніе не простиралась, то харьковцы получали отъ этого большія выгоды. Вмѣстѣ съ тѣмъ Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ слободскимъ полкамъ быть въ вѣдѣніи Московскаго Посольскаго приказа, чѣмъ царь показывалъ свое благоволеніе и милость [1]).

Бунтъ Стеньки Разина также не прошелъ вполнѣ благополучно для полка — въ Чугуевѣ, Царевоборисовѣ, Балаклеѣ и Мерефѣ происходило волненіе, но скоро оно было подавлено; въ Острогожскомъ-же полку даже самъ полковникъ Дзиковскій увлекся воззваніями и планами Стеньки, за что и былъ казненъ [2]).

---

[1]) И. Головинскій. Сл. коз. пол., гл. II.
[2]) Ibidem.

Глава V.

Избраніе Харьковскимъ полковникомъ Григорія Ерофеевича Донца.—Проведеніе оборонительнаго вала отъ г. Царево-борисова до г. Коломака и продолженіе перекопскаго вала.—Обязанности пограничныхъ козаковъ.—Постройка Изюмской крѣпости.—„Вѣдѣніе" 1726 г.—Царская грамота 1682 г.—Льготы изюмцамъ.—Царскія грамоты 1682 и 1684 гг.—Выдѣленіе особаго Изюмскаго слободскаго казачьяго полка.—Первый Изюмскій полковникъ; царская ему грамота 1685 г.—Отдѣленіе мѣстечекъ и городовъ отъ Харьковскаго полка къ Изюмскому.—Постройка Куряжскаго Преображенскаго монастыря.—Роль монастырей въ колонизаціи края.—Образецъ полковничьяго универсала.

Послѣ смерти вѣрнаго Московскому правительству полковника Ѳедора Репки, на радѣ въ Харьковѣ полковникомъ Харьковскаго полка былъ выбранъ Григорій Ерофеевичъ Донецъ-Захаржевскій —„въ воинствѣ, въ побожности мужъ зело избранній" [1]), происходившій изъ шляхетскаго рода, вышедшаго изъ-за Днѣпра; между слобожанами онъ прославился своими подвигами, давшими ему прозваніе Донца, такъ какъ на этой рѣкѣ билъ онъ часто татаръ. Григорій Ерофеевичъ былъ извѣстенъ не только какъ опытный и храбрый воинъ, но также какъ дѣятельный администраторъ и строитель многихъ укрѣпленій. Онъ провелъ валъ, тянувшійся отъ г. Царевоборисова по рр. Дону и Мжѣ до г. Коломака. Началась эта постройка немного ранѣе 1680 г. и вызвана была частыми нападеніями татаръ. Весь этотъ валъ на протяженіи около 200 верстъ былъ построенъ безъ всякой посторонней помощи Гр.Ер. Донцомъ и козаками Харьковскаго полка; даже русскихъ служилыхъ людей не было на этой работѣ [2]). Кромѣ этого вала Григорій Ерофеевичъ продолжилъ еще бывшій уже перекопскій валъ, но къ 7-ми верстамъ онъ прибавилъ еще цѣлыхъ 100 верстъ [3]).

[1]) Изъ эпитафіона, писан. въ 1786 г. Пр. Филаретъ. Отд. I, стр. 57, прим. 35.

[2]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 487.

[3]) К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 11.

Козаки городовъ, лежащихъ по вновь построенной чертѣ, должны были спеціально заниматься сторожевой и станичной службой, слѣдить за движеніями татаръ. Постройкой этой черты и заселеніемъ Изюма, какъ увидимъ ниже, Григорій Ерофеевичъ нѣсколько обезопасилъ отъ татарскихъ нападеній свой Харьковскій полкъ, который отчасти пересталъ, такимъ образомъ, быть уже пограничнымъ; жители его теперь могли болѣе спокойно предаваться своимъ занятіямъ, почему въ Харьковѣ сторожевая служба сдѣлалась болѣе легкой, и число станичниковъ и сторожей въ городахъ поэтому уменьшилось. Главною-же заслугою Донца, какъ строителя, была постройка укрѣпленнаго г. Изюма, въ мѣстности болѣе всего подверженной нападеніямъ татаръ. Городъ этотъ впослѣдствіи сталъ центромъ возникшаго 5-го слободскаго козачьяго полка. Вновь построенный городъ былъ очень хорошо укрѣпленъ,—онъ состоялъ изъ большаго и малаго города, лежалъ на возвышенности, на самомъ берегу р. Донца въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ него впадаетъ р. Изюмецъ съ лѣвой стороны.

Въ „вѣдѣніи“, присланномъ 31 іюня 1726 г. изъ полковой Изюмской канцеляріи объ Изюмскомъ слободскомъ полкѣ говорится: „г. Изюмъ и прочіе того полку мѣстечки и села набраны изъ-за Днѣпра и г. Корсуня и изъ прочихъ разоренныхъ тамошнихъ заднѣпровскихъ мѣстъ, и изъ Малой Россіи, и изъ Слободскихъ полковъ Сумскаго, Ахтырскаго и Харьковскаго малороссійскими служилыми черкасами, въ прошлыхъ давнихъ годахъ. А населенъ оный Изюмскій полкъ и устроенъ крѣпостями за старою бѣлгородскою чертою, отъ Крымской и Нагайской стороны, въ дикихъ степяхъ надъ рр. Сѣверскимъ Донцомъ и Осколомъ на татарскихъ бродахъ и перелазахъ въ прошломъ сто восемьдесятъ девятомъ году“ [1]). Уѣзжая изъ Харькова на постройку изюмской крѣпости, полковникъ Донецъ взялъ съ собою для работы 500 харьковскихъ козаковъ; 1000 шли за нимъ, кромѣ того велъ еще съ собою козаковъ и сынъ его Константинъ [2]). Построенъ городъ, значитъ, былъ въ 1681 г., въ слѣдующемъ же 1682 г. Григорій Ерофеевичъ

[1]) В. В. Гуровъ. Сборникъ, стр. 594—595.

[2]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 534.

Донецъ получилъ отъ Московскаго царя грамоту, которая разрѣшила ему, согласно его „челобитью“, жить въ новопостроенномъ г. Изюмѣ, заселить какъ его, такъ и смежныя съ нимъ мѣста—Спѣваковку и Припибъ, призывая съ тою цѣлью козаковъ своего и другихъ слободскихъ полковъ „неслужилыхъ черкасъ“ [1]). Грамота опредѣляла льготы новымъ переселенцамъ на 10 и на 15 лѣтъ, смотря по ихъ достаткамъ; они могли вести безпошлинную торговлю во всѣхъ городахъ, держать шинки, податей и оброковъ никакихъ не платить и „дальней полковой службы не нести“ и т. д. Григорій Ерофеевичъ, хотя и жилъ теперь въ г. Изюмѣ, но по прежнему оставался въ званіи Харьковскаго полковника; въ Харьковѣ-же жилъ сынъ его Константинъ и сталъ называться Харьковскимъ полковникомъ[2]).

19 февраля 1684 г., въ царствованіи царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, полковникъ Донецъ получилъ вторую грамоту, въ которой подтверждались льготы, данныя грамотою 1682 г., и, между прочимъ, говорилось, что „пашенныя земли пахать и всякими угодьями владѣть по отводу генерала нашего и воеводы Гр. Ив. Косогова, а про межъ собою по раздѣлу по ихъ черкасскимъ обыкностямъ“ и, что составляетъ особенность, не бывшую въ другихъ полкахъ, „а воеводамъ и приказнымъ людямъ въ тѣхъ городѣхъ въ тѣ льготные годы у нихъ не быть, а вѣдать ихъ тебѣ и полку твоего урядникамъ; и въ тѣ-же льготные годы въ тѣхъ городѣхъ торговать имъ черкасы всякими товары безпошлинно“... и т. д. [3]).

Такимъ образомъ Григорій Ерофеевичъ дѣлался полнымъ хозяиномъ во вновь заселенной мѣстности, не будучи стѣсненъ ни воеводами, ни другими русскими чиновниками. Подобнаго довѣрія онъ, конечно, вполнѣ заслуживалъ, ибо все это было созданіе его рукъ; правительство было ему благодарно къ тому-же за устройство новой оборонительной линіи по Донцу.

Особый Слободскій Изюмскій полкъ выдѣлился въ 1685 г.[4]).

[1]) Грамота 1682 г. Топогр. опис. Хар. нам., стр. 16—17.

[2]) Багалѣй. Матеріалы, т. I, стр. 180.

[3]) Грамота 1684 г. Топог. опис. Хар. нам., стр. 16—17.

[4]) Д. И. Багалѣй. Очерки, 535. Грамота 1685 г. Филаретъ. Ист. стат. опис. Хар. епархіи, V, стр. 8.

Авторъ исторіи Изюмскаго полка—Г. Гербель, стремится доказать, что полкъ этотъ возникъ не позже, какъ было на самомъ дѣлѣ, а, наоборотъ, ранѣе другихъ Слободскихъ полковъ, и, значитъ, ранѣе своего родителя—Харьковскаго полка. На страницѣ третьей[1]) своего сочиненія онъ говоритъ: „во всякомъ случаѣ, по времени поселенія Изюмскій полкъ, за исключеніемъ Рыбинскаго (нынѣ несуществующаго), *безспорно* есть самый старый полкъ изъ всѣхъ слободскихъ полковъ, что свидѣтельствуютъ Конисскій, Маркевичъ и др.“

Въ доказательство своего „безспорно“ онъ приводитъ слѣдующіе источники: „Исторія Русовъ“ (неправильно приписываемую могилевскому епископу, этотъ памфлетъ, „такъ долго вводившій въ заблужденіе многихъ историковъ“), и „Исторію Малороссіи“ Маркевича; этотъ послѣдній источникъ не сообщаетъ намъ ничего новаго, ибо буквально, слово въ слово, перепечатываетъ, безъ указанія откуда взято, 104 страницу изъ „Исторіи Руссовъ“ [2]), чего авторъ исторіи Изюмскаго полка, вѣроятно не замѣтилъ. Остается пожалѣть, что авторъ не указалъ, какіе это именно „и др.“ источники, кромѣ названныхъ имъ двухъ, онъ имѣлъ въ виду.

Первымъ полковниковъ Изюмскаго полка былъ Константинъ Григорьевичъ Донецъ-Захаржевскій, дѣятельно помогавшій отцу своему строить крѣпость Изюмъ и заселять область новаго полка. При назначеніи своемъ полковникомъ Конст. Гр. Донецъ получилъ царскую грамоту (отъ 31 ген. 1685 г.), въ которой говорится, что онъ, „харьковскій наказной полковникъ, за многія службы его отца“ назначается полковникомъ вновь образованнаго Изюмскаго полка, но назначается не вполнѣ самостоятельно, а „съ отцомъ его, Григоріемъ, вмѣстѣ“. Царь внушалъ новому полковнику служить вѣрно, „такъ-же, какъ и отецъ его, Григорій, котораго слушаться приказывалось во всемъ“ [3]). Полковникъ Конст. Донецъ былъ раненъ въ сраженіи и умеръ въ 1692 г. По этой грамотѣ 1685 года отъ Харьковскаго полка къ Изюмскому были отдѣлены слѣдующіе

---

[1]) Н. Гербель. Изюм. Слоб. коз. полкъ. С.-Пб. 52 г., стр. 3.

[2]) Г. Конисскій. Ист. Руссовъ или Малой Россіи. Моск. 46 г., стр. 104.

[3]) Грамота 1685 г. Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 18.

мѣстечки и городки: Изюмъ, Острогожскъ, Двурѣчное, Новый Перекопъ, Балаклея, Андреевы лозы, Бишкинъ, Лиманъ, Савинцы, Царевоборисовъ, Сеньковъ, Купецкій и Каменка [1]) и, кромѣ того, вѣроятно, были отдѣлены позднѣе еще слѣд.: Печенѣги, Махначъ, Зміевъ, Спѣваковка, Купенка и Торъ [2]) (нынѣ Славянскъ).

Дѣятельность Григорія Ерофеевича не ограничивалась постройкою однихъ укрѣпленій,—онъ заботился такъ-же объ увеличеніи числа храмовъ Божіихъ: такъ былъ основанъ имъ, съ помощью нѣкоторыхъ старшинъ полка, въ 1663 г., въ 8-ми верстахъ отъ Харькова, Куряжскій Преображенскій монастырь, существующій и понынѣ. Для устройства монастыря были вызваны изъ Святогорской обители архимандритъ Іоиль съ братіей,—онъ и былъ первымъ настоятелемъ вновь созданнаго монастыря.

Свое названіе Куряжскій монастырь получилъ по фамиліи нѣкоего Алексѣя Куряжскаго, пасѣка котораго стояла на томъ мѣстѣ; оно было у него куплено Бѣлашемъ Тенетевскимъ за 150 грошей. Этотъ послѣдній продалъ его полковнику Донцу подъ монастырь за 200 злотыхъ и въ придачу получилъ еще мельницу на р. Харьковѣ [3]). Первое время монастырь существовалъ на пожертвованія, которыя дѣлалъ Григорій Ерофеевичъ и его преемники. Монастырю были отведены земли и угодья. Мѣсто для постройки было выбрано очень удачно по своему живописному положенію. Въ дѣлѣ заселенія края и развитія его культуры монастыри играли видную роль: владѣя большими землями и угодьями, монастыри не имѣли возможности обрабатывать все это руками одной братіи, поэтому они старались зазывать крестьянъ, селя ихъ на своей землѣ. Хозяйство, веденное въ большихъ

[1]) Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 18.

[2]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 535. Г. Квитка. О слоб. пол. Совр. 40 г., т. XVII, стр. 66; Грамота 1685 г. Пр. Филаретъ. Отд. V, 18.

Примѣчаніе. На мѣстѣ г. Тора, какъ думаютъ, въ древности было поселеніе торковъ, степного народа, обитавшаго въ этихъ мѣстахъ. Въ росписаніи сторожей 1571 года упоминается одна сторожа, стоявшая на р. С. Донцѣ противъ р. Торцы, гдѣ былъ построенъ послѣ городъ.

[3]) Пр. Филаретъ. Отд. I, стр. 55.

размѣрахъ, служило образцомъ для населенія, тѣмъ болѣе, что монастырь не ограничивался веденіемъ только хлѣбопашества, скотоводства и пчеловодства—монахи выдѣлывали себѣ сами все то, въ чемъ нуждались въ своей домашней жизни. Татарскія нападенія, отъ которыхъ монастыри также не были избавлены, заставляли укрѣплять ихъ, имѣть свои пушки и держать ратныхъ людей.

Для примѣра того языка, которымъ писали жители слободской Украйны, а также какъ образецъ полковничьяго универсала, помѣщаемъ здѣсь документъ 1678 г., которымъ люботинская мельница назначалась Куряжскому монастырю. Къ тому-же этотъ документъ рисуетъ одинъ эпизодъ изъ жизни полка.

„Великодержавнаго Благочестиваго Царя и Вел. Кн. Алексѣя Мих., всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, я, полковникъ Григорій Ерофѣевичъ Донецъ, вѣстно чиню всѣмъ, о семъ комуколвекъ будетъ вѣдать въ полку нашемъ Харьковскомъ, же застаючи я на полковнитствѣ Харьковскомъ по указу Царя Вел. Алексѣя Мих., всея Россіи сам., яко дано мнѣ вѣдать о всемъ въ полку Харьковскомъ, свѣдалъ: которое то дѣло прилучилось неподобное еще за полковника Өедора Рѣпки въ полку нашемъ Харьковскомъ убійственны же Левко Жигалка да Омельянъ мельники, жители Гавриловскіе, позабивали изъ Бѣлгорода служивыхъ дѣтей боярскихъ, идучихъ изъ службы изъ-подъ Валокъ котораго-то забойцу одного поймавши, Левку Жигалку мельника, полковникъ Өедоръ Рѣпка казалъ разстрѣлять въ г. Харьковѣ; а Омельянъ мельникъ убѣжалъ, гдѣ онъ зналъ. Которыхъ то грунта отъ того часу въ запустеніи зоставали. Когда-же, по Указу Его Цар. Вел., Алексѣя Мих., всея Россіи самод., мнѣ, Григорію Ерофѣевичу, дано полковничество Харьковскаго полку, я узнавши извѣстно отъ людей о тѣхъ грунтахъ и займѣ на млынѣ по рѣчцѣ Люботинцѣ, принялемся къ тому, яко приналѣжно старшимъ вѣдать о всемъ, въ чемъ намѣреніе мое исполняючи, Всемилостивому Спасу и Св. Великомученику Георгію завѣвши я монастырь на своемъ грунтѣ, иже подъ Куряжемъ, подлѣ шляху зостаетъ, прида-

ленъ и оный грунтъ Омельяновъ мельниковъ забойцовъ до монастыря своего харьковскаго Преображенскаго за всѣми принадлежитостями, съ землею и зъ сѣнными покосами, которые внизъ рѣчки Люботинки до Удъ зостаютъ, тымъ бокомъ рѣчки горою и симъ бокомъ внизъ Удами на долинцѣ, по два дуба на горѣ пахатнаго поля, который то грунтъ знаючи сполна кумъ мой Логвинъ, сотникъ Люботинскій, да Григорій Капустянскій, житель тожъ Люботинскій, я Степанъ Уткало, писарь тожъ Люботинскій, которые-то заводцами (свидѣтелями) были съ товариствомъ многимъ козацкимъ села Люботинскаго, а за мною Полковникомъ Харьковскимъ, Григоріемъ Донцомъ, изъ г. Харькова судья Тимофей Клочко, да Алексѣй Рудій, братчикъ Рождества Христова, да Лонгвинъ Крамарь, жители Харьковскіе, совокупно со мною бывши подъ р. Люботинкою оные всѣ мнѣ показывали грунта и займу на млинъ Омельяна мельника забойцы которіе-то грунта отъ заводцевъ вышеписанныхъ я узнавши истотне, принялемся оныхъ и давши достатокъ своего скарбу, вручилемъ Лонгвину Өедоровичу, жителю Харьковскому, вкладчику со мною монастыря Харьковскаго, жебы греблю засыпавъ и млинъ збудувалъ на оной греблѣ, на р. Люботинцѣ внизъ на грунтѣ Омельяновомъ мельника, жителя гавриловскаго. Который взявши скарбъ отъ меня Лонгвинъ Өедоровичъ и познавъ мѣрошника Лаврина Кубру на оное дѣло всѣмъ моимъ достаткомъ построилъ мельницу и греблю на р. Люботинѣ и то построивши все совершенно належитое въ млинѣ и потомъ вручилисьмо Герману, архимандриту монастиря нашего Харьковскаго, съ братіею его. Кабы въ тѣ всѣ грунта никто не важилъ втругатися отъ жадныхъ пріятелей моихъ ближнихъ и дальнихъ, жаднымъ способомъ кривды и перешкоды чинить сурово симъ письмомъ нашимъ вручаемъ и приказуемъ и для крѣпости во всемъ на оный грунтъ сей поступной листъ за подписомъ руки и печати нашей притѣсненной далисмо въ монастырь нашъ чернецамъ, иже надъ Куряжею живутъ. Писанъ въ Харьковѣ при заводцахъ вышеписанныхъ, року отъ Рожд. Христ. 1678 авг.

17 дня"[1]). На подлинномъ по польски: „Григорій Ерофеевичъ Донецъ и полковникъ Харьковскій рукою властною".

За всѣ дѣла свои и преданность Москвѣ Григорій Ерофеевичъ пользовался большимъ уваженіемъ и довѣріемъ царей; въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей онъ былъ пожалованъ званіемъ стольника[2]), почему въ универсалахъ и другихъ бумагахъ именовался: „стольникъ и полковникъ".

---

1) Пр. Филаретъ. Отд. I, стр. 72.

2) Г. Квитка. Зап. о слоб. пол., стр. 23.

Глава VI.

Татарскія нападенія, характеръ ихъ.—Выносливость татарскихъ лошадей.—Время набѣговъ.—Переправа чрезъ рѣки.—Численность лошадей.—Средства заметыванія слѣдовъ и скрытія истиннаго числа нападающихъ.—Отсиживаніе жителей въ въ укрѣпленныхъ мѣстахъ.—Численность татаръ при набѣгахъ на Украйну.—Внезапность нападеній.—Одиночныя нападенія.—Убытки, приносимые татарами краю.—Плѣнные.—Судьба ихъ.—Обращеніе съ ними.—Освобожденіе плѣнныхъ, выкупъ, отбиваніе.—Плачъ невольниковъ.—Невольничьи рынки.—„Полоняничный сборъ“.—Распространеніе тревоги, маяки.—Погоня за грабителями.—Клады.—Услуга, оказанная Гр. Ер. Донцомъ Харьковскому полку.—Перечисленіе татарскихъ набѣговъ на Харьковскій полкъ.—Битвы Харьковцевъ съ ними.—Убытки.

Со времени поселенія черкасъ въ новыхъ мѣстахъ, какъ мы уже о томъ говорили, они безпрестанно подвергались нападеніямъ татаръ; а когда этихъ нападеній не было, то надъ ними тяготѣлъ постоянный страхъ предъ ними, непозволявшій имъ заниматься мирными трудами; страхъ заставлявшій ихъ всю силу и энергію тратить на укрѣпленія своихъ городовъ и несеніе трудной сторожевой службы. Ко времени управленія полкомъ Григорія Ерофеевича относится цѣлый рядъ такихъ нападеній, между которыми нѣкоторыя были очень опустошительны.

Степные хищники-татары были очень искусны въ дѣлѣ внезапныхъ набѣговъ, въ веденіи партизанской войны; будучи мастерами такого рода, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, были трусливы въ открытомъ полѣ. Когда слобожане бывали во время извѣщены о появленіи непріятеля и успѣвали выйти ему навстрѣчу, то этотъ врагъ уже дѣлался не страшенъ; его часто били, если только онъ не уклонялся отъ боя, а татарамъ дѣлать это было легко на своихъ быстрыхъ и неутомимыхъ коняхъ. Если они видѣли, что появленіе ихъ въ мѣстности открыто и жители готовы дать имъ отпоръ,

они улетали въ степь, разсѣивались по ней въ разныя стороны и дѣлались поэтому неуловимы; догнать-же татарина въ степи было трудно—кони ихъ были быстрѣе малороссійскихъ и очень выносливы: проскакать для татарской лошади 75 верстъ не представляло особенной трудности. Къ тому-же, татаринъ, отправляясь въ походъ, бралъ съ собою двѣ, даже три лошади, которыхъ велъ въ заводу какъ для того, чтобы навьючивать на нихъ награбленную добычу, такъ и для того, чтобы имѣть подъ рукою свѣжую, неистомленную тяжестью всадника лошадь, когда пришлось-бы уходить отъ преслѣдованія; на всемъ скаку перескакивалъ татаринъ на другую съ измученной, которая, будучи къ тому пріучена, послѣ этого сама перебѣгала на правую сторону, чтобы, когда прійдетъ ея очередь, хозяину было-бы удобнѣе снова на нее перескочить. Ковали лошадей своихъ татары на бычачій рогъ, прикрѣпляя его къ копыту кожею, что конечно, было не прочно. Татары избѣгали дѣлать свои нападенія во время безснѣжныхъ зимъ и гололедицы, когда ихъ лошади скользили; хотя рядомъ съ этимъ излюбленнымъ временемъ года для набѣговъ была зима,—тогда замерзали рѣки, болота, и ничто уже не могло удерживать татаръ. Выступая въ походъ, по большей части въ началѣ января, они разсчитывали время такъ, чтобы къ началу весенняго разлива поспѣть домой. Но и въ лѣтнее время рѣки, даже такія широкія, какъ Днѣпръ, не служили такою уже для татарина преградою, надъ которою бы онъ особенно задумался. Путешествуя всегда налегкѣ, безъ обоза, они легко переправлялись чрезъ рѣки, устраивая для этой цѣли родъ небольшаго плота изъ палокъ и рѣчного камыша, который находили вездѣ по берегамъ рѣкъ. На устроенный, такимъ образомъ, плотъ они клали свое платье, сѣдла и оружіе, привязывали его къ хвосту лошади и рядомъ съ нею переплывали чрезъ рѣку, гребя только одною рукою, а другою направляя лошадь. Если рѣки и могли служить препятствіемъ для татаръ, то при обратномъ ихъ шествіи, когда награбленную добычу и плѣнныхъ нельзя было переправлять на такихъ утлыхъ плотахъ. Вслѣдствіе обыкновенія брать по нѣсколько лошадей на каж-

даго всадника, численность орды всегда почти казалась вдвое, втрое многочисленнѣе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ—„не такъ часты бываютъ деревья въ лѣсу, какъ конница татарская, выступившая въ поле. Ее можно уподобить нѣкоторому облаку, на горизонтѣ плывущему и, по мѣрѣ приближенія своего, распространяющемуся". При нападеніяхъ лѣтомъ, когда высокая трава въ степи легко могла-бы обнаружить козакамъ численность орды, татары, желая скрыть это, прибѣгали къ слѣдующей хитрости, возможной только при обширности тѣхъ степей, которыя служили ареною ихъ разбойничьей дѣятельности: не доходя 20—30 миль до границы, орда дѣлилась на четыре равныя части, и эти отдѣлившіеся отряды отходили въ четыре противоположныя стороны—впередъ, назадъ, вправо и влѣво—мили на полторы отъ мѣста отдѣленія, гдѣ, раздѣлясь опять на три равныя части, снова разъѣзжались въ три стороны—впередъ, вправо и влѣво; каждая часть, отойдя на нѣкоторое разстояніе, дѣлилась въ свою очередь опять на три отряда. Такимъ образомъ, если первоначально партія состояла изъ 400 человѣкъ, то при послѣднемъ дѣленіи являлась уже человѣкъ въ 11. Примятая трава отъ такого, сравнительно небольшого, числа лошадиныхъ ногъ чрезъ нѣкоторое время подымалась снова, и всякій слѣдъ прохода въ этомъ мѣстѣ татаръ исчезалъ. Другая выгода такого маневра состояла въ томъ, что сторожа, высланные въ степь для наблюденія, наткнувшись на немногочисленную партію непріятеля, о ней только и давали знать, что и вводило слобожанъ и воеводъ часто въ заблужденіе. А татары, между тѣмъ, продѣлавъ этотъ маневръ на крупной рыси не болѣе какъ въ $1^1/_2$ часа, сходились въ условленномъ заранѣе мѣстѣ и дѣлали нападенія въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ ихъ предполагали встрѣтить [1]). Если же Крымцамъ приходилось иногда вступать въ сраженіе въ открытомъ полѣ, то тогда они прибѣгали ко всевозможнымъ хитростямъ, чтобы поставить непріятеля въ худшія условія; они старались нападать такъ, чтобы вѣтеръ и солнце были

[1]) Бантышъ-Каменскій. Ист. Мал. Рос., гл. XIX, часть I, написанная по Боплану.

въ глаза врагу. Грудью, такъ сказать, они не бились,—а, подскакавъ къ непріятелю, пускали въ него тучи стрѣлъ чрезъ лѣвое плечо, стрѣляя шаговъ съ 60—100; сдѣлавъ это, они убѣгали опять, разсѣивались по степи; соединясь снова, кружились около непріятеля; стрѣляли же татары изъ лука очень мѣтко. Стрѣлы свои они носили въ колчанахъ, гдѣ помѣщалось ихъ около 20, за спиною. Татары не любили нападать и на укрѣпленные пункты, такъ что жители легко могли отсиживаться отъ нихъ; но такое отсиживаніе конечно, дорого стоило имъ. При извѣстіи о появленіи татаръ, жители селъ и хуторовъ должны были, забирая съ собою свое имущество и скотъ, спѣшить подъ защиту городскихъ укрѣпленій; если-же это случалось во время жатвы, то имъ приходилось бросать всѣ полевыя работы; когда-же тревожное время продолжалось долго, то хлѣбъ такъ и оставался неубраннымъ, высыпался, а тѣ, которые положили не мало труда, чтобы его посѣять, оставались на зиму безъ своего хлѣба, имъ приходилось его покупать. (Выше мы уже приводили въ примѣръ этому челобиты Савинскихъ жителей и письмо протоіерея г. Балаклеи). Татары-же, между тѣмъ какъ черкасы отсиживались въ городахъ, хозяйничали по окрестностямъ и немилосердно жгли деревни и хутора. Татарамъ часто удавалось незамѣтно пробираться въ край, обреченный ими огню и мечу; когда имъ случалось захватить въ степи сторожей [1]), то некому уже было давать знать объ ихъ появленіи. Подобравшись къ валу, они прокапывали его и прорубливали топорами сдѣланныя на немъ засѣки.

Численность силъ при нападеніи бывала различна; иногда самъ ханъ крымскій предпринималъ походъ, тогда съ нимъ шла многочисленная орда; таковы были, напр., нападенія 1680 и 1693 гг. [2]); но чаще набѣги предпринимались сравни-

[1]) Сторожамъ, разъѣзжавшимъ по степи для наблюденія за движеніями татаръ и для предупрежденія нечаяннаго ихъ нападенія на черкасскія слободы, полагалась особая плата. Въ росписаніи сборовъ съ полка за 1726 годъ на жалованье сторожамъ выведено въ расходъ 128 руб.—сумма очень небольшая, если взять во вниманіе немалое число постовъ, а также трудность и отвѣтственность самой службы. Моск. отд. арх. Гл. Шт., оп. 25, св. 321.

[2]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 162; Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 26.

тельно небольшими шайками, численность которыхъ доходила до нѣсколькихъ тысячъ и даже нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ. Пробравшись къ селамъ, на которыя намѣревались напасть, татары раздѣлялись на двѣ половины,—одна оставалась на мѣстѣ, становилась кошемъ и служила какъ-бы резервомъ другой половины, которая грабила окрестности. Весь залогъ своихъ успѣховъ татары полагали во внезапности своихъ нападеній; чтобы дать понятіе о такой внезапности, приведемъ въ примѣръ нападеніе татаръ на г. Изюмъ, который, какъ полковой, долженъ былъ, казалось-бы, хорошо охраняться и, тѣмъ не менѣе, въ 1690 г. татары среди бѣла дня ворвались въ городъ для грабежа, когда жители выходили изъ церкви [1]).

Кромѣ нападенія цѣлою ордою, подъ предводительствомъ хана, кромѣ нападеній небольшими партіями, татары постоянно рыскали по Украинѣ и небольшимъ числомъ, въ нѣсколько десятковъ, въ нѣсколько человѣкъ, а то просто даже въ одиночку охотились на жителей, какъ на какихъ либо звѣрей, подстерегая ихъ по дорогамъ. Время для своихъ нападеній они выбирали, когда полчане уходили куда либо въ походъ, а что дѣлалось у слобожанъ, татарамъ хорошо было извѣстно. Дерзость этихъ охотниковъ на людей иногда доходила до того, что они днемъ, незамѣтно подкравшись къ селенію или городу, хватали неосторожно вышедшихъ оттуда жителей. Вотъ очень характерный примѣръ этого: „козакъ Игнатъ Сѣренко увидѣлъ на другой сторонѣ рѣки татарина, который увозилъ его жену, рѣшился пустить вслѣдъ за нимъ пулю изъ своей „ручницы“. Но къ большому счастью жена живая свалилась на землю. Застрѣленъ былъ наповалъ только похититель, а борзый конь достался въ добычу“ [2]).

Цѣль всѣхъ этихъ татарскихъ нападеній были грабежъ и плѣнные (ясыръ). Крымъ былъ чисто разбойничье гнѣздо, откуда время отъ времени вылетали дикіе хищники для своей обычной работы. Татары выжигали цѣлыя села; жителей убивали и уводили въ плѣнъ, сколько были въ состояніи захва-

[1]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 462; Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 26.

[2]) В. Каразинъ. Взглядъ на Укр. стар., Молодикъ 1844 г., стр. 36.

тить; угоняли съ собою также „конскія и животинскія стада"; послѣ этихъ варваровъ оставались только трупы да сожженныя деревни. О вредѣ, приносимомъ татарами, можно судить изъ слѣдующихъ цыфръ: въ набѣгѣ 1680 г. въ Харьковскомъ полку (кромѣ того, что въ Золочевѣ) „всего было захвачено въ плѣнъ 215 чел., уведено 11,299 штукъ скота, сожжено 11 дворовъ и 8 хуторовъ и, наконецъ, пограблено и сожжено много хлѣба въ зернѣ и копнахъ"[1]).

Плѣнниковъ, уводимыхъ татарами, ждала горькая судьба. Молодыя дѣвушки и женщины, которыхъ татары особенно охотно забирали, поступали къ нимъ въ наложницы, или изъ Крыма разсылались по разнымъ невольничьимъ рынкамъ: мужчины-же и некрасивыя женщины должны были нести ручныя тяжелыя работы; вся прислуга въ Крыму была изъ невольниковъ, съ ними обходились очень жестоко, клеймили лобъ и щеки. Сильныхъ-же мужчинъ и женщинъ ждала особенно горькая судьба—ихъ засаживали на турецкія галеры и обращали въ машины,—они должны были, сидя прикованными на мѣстѣ у веселъ, работать ими день и ночь. Турки себѣ преспокойно спали, а „бідны невольники" съ правильностью пароходнаго винта принуждены были дѣлать свое дѣло, неся по морю тирановъ часто въ битву противъ своихъ-же братьевъ; машину, для легкости хода смазываютъ масломъ, а тѣхъ несчастныхъ людей для поощренія били по спинѣ прутьями, которые были извѣстны у нихъ подъ именемъ „червоной таволги". Для большаго удобства производить эту экзекуцію спины козаковъ—невольниковъ постоянно до пояса бывали обнажены. Молчаливо, съ глубоко затаенною въ сердцѣ ненавистью, сносили все это бѣдныя жертвы варварскаго вѣка и религіознаго фанатизма; праздника для нихъ никогда не было, а отдыхъ былъ только, когда галера стояла у пристани. Этимъ несчастнымъ оставалось только проклинать „землю турецкую, віру бусурманскую"; единственнымъ лучемъ надежды на освобожденіе была встрѣча галеры съ козаками и побѣда послѣднихъ—тогда только невольниковъ ждало освобожденіе. Козаки для всѣхъ плѣнниковъ, которые не могли питать надежды на выкупъ,

[1]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 461.

являлись единственными спасителями. Не мудрено, что народъ обожалъ козаковъ, которые посвящали себя для борьбы съ монгольскимъ міромъ; любовь эта сильно вкоренилась въ сердцахъ украинцевъ, и память объ этихъ народныхъ герояхъ живетъ до послѣднихъ дней. „Тяжкая неволя турецкая“ и самыя цѣпи—„кайданы“, не умерли до сихъ поръ, когда все это давно отошло уже въ область преданій. Народная поэзія восхваляетъ козака,—освободителя, называя его всегда именами нѣжными, а устами невольниковъ посылаетъ горячую молитву Богу, прося Его:

„Ой, визволь, Господи,
Нас всіх бідных невольників
З тяжкои неволі турецкої,
З каторги бусурманской
На тихі води,
На ясні зорі
У край веселій,
У мір хрещенный!
Вислухай, Боже, у прозьбах
. . . . щирых,
У нещасных молитвах
Нас, бідных невольників“.

Цѣлыя десятки тысячъ подобныхъ несчастныхъ мучениковъ приводили татары изъ Польши и Московіи. Торговля невольниками была правильно организована, центромъ ея былъ въ малой Азіи г. Кафа, а въ Крыму—Козловъ (Евпаторія). Слобожанки, захваченныя въ плѣнъ, продавались въ Турцію, Персію и др. государства. Нѣкоторымъ изъ плѣнниковъ—„полонянниковъ“ удавалось уходить изъ неволи съ дороги, употребляя разныя хитрости, другимъ изъ Крыма и даже Царьграда. Такъ харьковская слобожанка, Ульяна Свынарева, дочь крестьянина полковника Донца, захваченная въ плѣнъ татарами въ с. Новой Ладогѣ, ушла ночью и счастливо встрѣтилась съ полтавскими козаками, ловившими рыбу въ Великомъ лугу [1]). Полонянники, которымъ уйти не удавалось, бывали иногда выкуплены своими родственниками, которые, купивъ фирманъ (свободный пропускъ), пускались по Крыму и Турціи искать своихъ братьевъ, отцовъ, женъ и дочерей, переходя съ одного невольничьяго рынка на другой, разыскивая ихъ слѣдъ. Въ московскомъ государствѣ существовалъ даже особенный фондъ—„полоняночный сборъ“, который пополнялся путемъ сбора съ народа; дѣятельное участіе въ дѣлѣ выкупа плѣнныхъ при-

[1]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 466.

нимала православная церковь; при выкупѣ платилось за человѣка отъ 100 до 15 рублей, смотря по его достоинству [1]).

Незавидно было житье харьковцевъ, особенно первое время! Это ежеминутное ожиданіе непріятеля, который бывало налетитъ неожиданно на деревню, разграбитъ все, сожжетъ домъ, уведетъ жену и дѣтей—даже грудныхъ дѣтей увозили татары съ собою, чтобы обратить ихъ въ магометанство. Козакъ, собираясь въ походъ, или куда либо въ командировку, прощался обыкновенно со своею женою, какъ-бы навсегда, ибо часто самъ ложился на полѣ битвы, или попадался въ плѣнъ, или, возвратясь домой, находилъ деревню разграбленною, а жену и дѣтей уведенными въ неволю; и онъ дѣлался круглою сиротою безъ надежды на возвратъ ему близкихъ людей. Мужчинамъ часто удавалось освобождаться изъ плѣна: ихъ иногда выкупали, но женщины, обыкновенно, назадъ уже не возвращались, ибо, при недостаткѣ денегъ, выкупались только мужчины, которые могли еще пригодиться на службу. При частыхъ стычкахъ съ татарами, казаки почти не брали послѣднихъ въ плѣнъ, а прямо истребляли. Татарамъ плѣнные были нужны для продажи, для заработка, для обращенія въ рабовъ, которые исполняли-бы всѣ тяжкія работы; казаки-же, какъ христіане, гнушались первымъ и не нуждались въ послѣднемъ. Къ тому-же татаринъ предпочиталъ смерть, а въ неволю живымъ не отдавался, почему на размѣнъ плѣнныхъ разсчитывать было нельзя. Правда, плѣнныхъ часто отбивали. Ранговые казаки, узнавъ о нападеніи, бросались за грабителями и настигали ихъ, ибо татары, обремененные награбленною добычею, не могли такъ быстро уходить, какъ дѣлали это налегкѣ; татары, видя за собою погоню, бросали обыкновенно все и уходили. Для достиженія этого нужно было только, чтобы тревога возможно быстрѣе распространилась по деревнямъ и достигла-бы сотеннаго городка, для чего прибѣгали къ слѣдующей мѣрѣ: около всякаго селенія, на возвышенномъ мѣстѣ ставили маяки, сдѣланные изъ легко воспламеняющагося матеріала. Когда случалось нападеніе на какое

[1]) Уложеніе Алек. Мих., изд. 1737 г., гл. 8 о искупленіи плѣнныхъ §§ 1—7, стр. 21—22.

либо селеніе, то жители спѣшили прежде всего зажечь свои маяки; замѣтивъ этотъ зловѣщій сигналъ, сосѣднія села зажигали свои; такимъ образомъ тревога распространялась всюду [1]). При видѣ горящихъ маяковъ, жители вооружались, готовились къ отпору, пряча свое имущество въ укромныхъ уголкахъ. Ранговые-же казаки неслись къ мѣсту нападенія бить врага, или его преслѣдовать, если онъ, сдѣлавъ свое дѣло, спѣшилъ уходить. Деньги и что поцѣннѣе, обыкновенно, казаки держали закопанными въ землѣ, гдѣ нибудь въ саду, въ лѣсу, чѣмъ и объясняется большое количество „кладовъ", находимыхъ и нынѣ на Украйнѣ, ибо, закопавъ въ землю свои капиталы, хозяинъ часто бывалъ или убитымъ, или уводимъ въ неволю, а клады оставались лежать не одну сотню лѣтъ въ землѣ, чтобы послѣ, случайно, при рытьѣ погреба или колодезя появляться на свѣтъ.

Смоляные маяки приносили въ извѣстной степени пользу и нерѣдко спасали слобожанъ отъ неволи, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда нападенія дѣлались небольшими партіями, да и то достигалась цѣль маяковъ только отчасти, вслѣдствіе того, что сдѣлавъ внезапный набѣгъ и забравъ, что можно, татары часто успѣвали уходить. При нападеніи же огромными силами, какъ это стали дѣлать татары по мѣрѣ того, какъ строились укрѣпленія, маяки не могли уже спасать отъ отъ грабежа и плѣна; тогда казаки были уже безсильны и могли спасаться только отсиживаясь въ крѣпостяхъ, что̀ спасало жизнь, но не имущество.

Уводомъ жителей въ плѣнъ татары наносили полку очень большой вредъ, не говоря уже о томъ, что дѣлали нравственное ихъ положеніе ужаснымъ, ибо часто мужъ лишался жены, молодыя дѣвушки—„дівкі бранки" становились наложницами ненавистныхъ бусурманъ; наносили вредъ самому полку, изъ рядовъ котораго ежегодно выхватывали много козаковъ, что было очень чувствительно при тогдашнемъ рѣдкомъ населеніи.

Изъ всего этого мы видимъ, какую громадную услугу оказалъ Григорій Ерофеевичъ Донецъ своему Харьковскому полку, защитивъ его рядомъ укрѣпленій и заселивъ большое

[1]) Г. Квитка. Сочинен., т. III, стр. 109.

пространство на юго-востокъ отъ него, создавъ новый Изюмскій полкъ, отчасти, такимъ образомъ, заслонившій собою Харьковскій отъ крымцевъ и калмыковъ. Но, кромѣ этихъ мѣръ, полковникъ велъ постоянную и упорную борьбу съ татарами, удачно отражая ихъ нападенія на Харьковскій полкъ, и нерѣдко нанося имъ пораженія.

Въ 1672 г. разбилъ онъ подъ Мерефою татаръ и взялъ въ плѣнъ ихъ предводителя; цѣлую зиму онъ простоялъ въ Ахтыркѣ, охраняя территорію своего полка отъ вторженія въ нее татаръ [1]). Въ слѣдующемъ году татары подходили подъ Печенѣги, Малиновку и Андреевы Лозы [2]). Въ 1678 г. татары совершенно разрушили Савинскъ и д. Двурѣчное. Харьковскій наказной полковникъ сотникъ Гаврило Могильниковъ бился съ татарами подъ г. Савинскомъ. Изъ разсказа взятаго въ плѣнъ татарина оказалось, что подъ Савинскъ подходили 540 азовцевъ и 6 куреней нагайцевъ подъ командою азовца Синей-Оги. На Савинскъ ордынцы напали „безвѣстно загономъ" и обложили городъ, продержавъ въ осадѣ Могильникова, и хозяйничали въ окрестностяхъ. Жена Могильникова, дѣти и многіе жители были истреблены, или взяты въ плѣнъ, а скотъ угнанъ [3]). Этотъ-же сотникъ Могильниковъ („Могилка") въ 1675 г. въ стычкахъ нахваталъ множество татаръ въ плѣнъ, которые и были отосланы въ Москву. За это полковникъ Донецъ, какъ пишетъ Орловскій, получилъ похвальную грамоту [4]).

Къ 1679 г. татары разорили Чугуевъ; подъ Харьковомъ они были разбиты Григоріемъ Ерофеевичемъ; онъ у нихъ отбилъ скотъ и набранныхъ плѣнныхъ [5]), за что такъ-же получилъ похвальную грамоту [6]).

Къ 1680 г. относится одинъ изъ опустошительнѣйшихъ набѣговъ, которымъ только подвергалась Слободская Украйна. Во главѣ Крымской орды сталъ самъ ханъ, высланный на

[1]) К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 11.
[2]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 464.
[3]) Ibidem, стр. 463.
[4]) Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 36.
[5]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 463.
[6]) К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 11.

этотъ разъ въ набѣгъ Турціею для отвлеченія силъ русскихъ отъ Кіева, на который турки сами собирались напасть. Въ этомъ году одновременно съ Крымцами на Слободскую Украйну сдѣлали нападеніе азовскіе татары, калмыки и черкесы, условившись въ одинъ день сдѣлать во многихъ мѣстахъ нападенія. Ханъ перешелъ валъ между Коломакомъ и Перекопомъ 22 янв. ночью и, пройдя Мерчикъ, остановился [1]), по татарскому обыкновенію, съ половиною войска кошемъ, гдѣ и простоялъ до самаго ухода; около-же Перекопа осталась многочисленная застава для обезпеченія, вѣроятно, пути отступленія; другая половина, какъ водится, разбрелась въ разныя стороны для своей губительной работы; подверглись разоренію слѣд. села полка: Золочевъ, гдѣ взято въ плѣнъ 122 человѣка, угнано 1697 головъ скота, унесено 50 ульевъ съ пчелами, 6 руб. денегъ и 30 ведеръ вина [2]), Деркачи, Лозовая, Липцы, Борщевое, Жихарь и др. Скотъ и имущество этихъ деревень были пограблены, жители частью перебиты, частью уведены въ плѣнъ. Этими, впрочемъ, селами татары и ограничились, не подходили ни къ Харькову, ни къ другимъ городамъ полка. Общій итогъ того, что здѣсь надѣлали татары въ 1680 г. (кромѣ Золочева), мы уже приводили выше. Подверглась разоренію и деревня, принадлежавшая Григорію Ерофеевичу, на р. Удахъ, гдѣ взято было въ плѣнъ 4 челядника, 25 душъ подданныхъ, уведено 1104 головы скота, унесено 30 ульевъ пчелъ, пограблено и сожжено 1294 четв. хлѣба, сожжено 11 дворовъ. Въ с. Борщевомъ татары разграбили церковь, обобрали иконы, взяли съ собою напрестольное Евангеліе и все, что нашли цѣннаго.

По полученіи извѣстія о движеніи татаръ, воевода харьковскій оповѣстилъ объ этомъ жителей, которымъ приказано было со всѣмъ имуществомъ спѣшить въ Харьковъ; Григорій-же Ерофеевичъ съ полкомъ пошелъ къ Золочеву, гдѣ тогда произошли двѣ битвы. У татаръ была отнята вся добыча. Въ этой битвѣ полковникъ „Захаржевскій громилъ", по словамъ очевидца, сотника Щербины, „враговъ въ раз-

---

[1]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы, томъ II, стр. 97.
[2]) Ibidem.

ныхъ мѣстахъ, и острая сабля его плавала въ крови поганыхъ". Результатомъ этого было то, что татары пошли изъ русскихъ городовъ Муровскимъ шляхомъ, а полкъ 29 янв. возвратился въ Харьковъ [1]).

Въ 1687 г. на Харьковскій полкъ сдѣлала нападеніе азовская орда въ числѣ 5 тысячъ человѣкъ и внесла большія опустошенія. Ее разбилъ полковникъ Донецъ.

Въ слѣдующемъ году (1688) татары въ числѣ 5 тысячъ чел. сдѣлали нападеніе на наказного полковника, валковскаго сотника, Фед. Мураховца, который стоялъ таборомъ въ 7 верстахъ отъ Валокъ, около Фомина рога. 6 іюня съ утра до полудня непріятель лѣзъ на таборъ. Битва произошла жаркая; съ нашей стороны много людей и лошадей было переранено, а 2 козака, стоявшіе на сторожѣ, взяты были въ плѣнъ. Непріятель, потерявъ много людей и лошадей убитыми и не добывъ табора, ушелъ оттуда къ Полтавѣ [2]). Въ 1689 г. татары нападали на Водолажку. Около Водолагъ была многочисленная орда, противъ которой выходилъ весь Харьковскій полкъ [3]).

Въ 1691 г. буйныя толпы грабителей внесли большія опустошенія въ полки Харьковскій и Изюмскій. Особенно сильному опустошенію подвергнулись Чугуевскій уѣздъ, Змiевъ, Лиманъ, Бишкинъ. Слѣдующія цифры краснорѣчивѣе всего указываютъ на опустошительность этого набѣга. Въ названныхъ мѣстахъ взято въ плѣнъ и убито всего 1915 чел. (109 русскихъ служилыхъ людей и 1806 черкасъ), отогнано 4902 гол. скота, сожжено и разорено 65 дворовъ съ гумнами и хлѣбомъ, 1 хуторъ, 2 пасѣки (взято 40 ульевъ пчелъ), нѣкоторое количество оружія и всякой рухляди. Въ с. Терновомъ была разграблена церковь и „попы поколоты", съ престола и жертвенника сняты ризы, съ иконъ ободраны оклады; наконецъ, похищены сосуды церковные, ризы и книги [4]).

---

[1]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 254, 460, 465 и Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 60.
[2]) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 200.
[3]) Ibidem.
[4]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 465.

Глава VII.

Независимое состояніе Слободской Украины.—Внутренняя жизнь.—Отношеніе московскаго правительства къ полкамъ.—Предъявленіе требованій правительства. Война съ Турціею 1678 г.—Дневникъ Петрика Гордона.—Проэктъ Юрія Крижанича.—Политика Москвы относительно Крыма.—Русскіе послы въ Крымѣ, ихъ сообщеніе.—Договоръ Россіи съ Польшею.—Заключеніе „вѣчнаго мира“.—Причины войны.—Походъ кн. В. В. Голицына.—Участіе въ немъ Харьковскаго полка.—Медленность движенія арміи; причины.—Степной пожаръ.—Сильная жара.—Недостатокъ воды и фуража.—Военный совѣтъ.—Отступленіе арміи.—Награды.—Судьба гетмана Самойловича.—Нападеніе ордынцевъ на Харьковскій полкъ.—Разбитіе ихъ подъ Андреевкою.—Второй походъ Голицына.—Переговоры съ татарами.—Участіе Харьковскаго полка.—Отступленіе арміи.—Сраженіе при Черной Долинѣ.—Нападеніе татаръ на Украйну.—Вредъ, причиненный ими.—Царскія грамоты Харьковскому полку.—Челобиты полковниковъ.—Отвѣтная царская грамота 1688 г.—Смерть Гр. Ер. Донца.—Дѣти его.—Новый полковникъ Харьковскій.—Нападеніе на Украйну Нуреддина.—Петрикъ, его планы.—Участіе полка въ арміи Шереметьева.—Нападеніе Крымцевъ.—Отбитіе ихъ.

Со времени своего образованія, слободскіе полки были предоставлены самимъ себѣ; зависимость ихъ отъ Москвы выражалась только въ присутствіи въ городахъ воеводъ, назначенныхъ сюда какъ бы въ помощь самимъ черкасамъ—„для городоваго строенія“. Наложеніе пошлинъ на нѣкоторыя отрасли торговли и промышленности, правда, указывало на то, что бѣлгородскій разрядъ смотритъ на слобожанъ, какъ на подданныхъ московскаго правительства, но, по просьбѣ полковниковъ, царь въ 1669 г., не только отмѣнилъ эти пошлины на будущее время и простилъ таковыя-же за прошлые года, но даже изъялъ въ то время слободскіе полки изъ вѣдома этого разряда, наложившаго пошлины, и подчинилъ ихъ посольскому приказу, ясно показавъ этимъ, что онъ смотритъ на переселенцевъ иначе, выдѣляя ихъ изъ числа обыкновенныхъ своихъ подданныхъ. Харьковцы жили своею внутреннею

жизнію, не принимая никакого участія въ политической жизни Москвы. Эта послѣдняя если и допускала все это въ первое время, то только изъ желанія привязать къ себѣ новыхъ своихъ подданныхъ; въ томъ можно видѣть глубокое соображеніе и вѣрный разсчетъ Алексѣя Михайловича, принявъ во вниманіе, что Москва, вообще, въ то время не имѣла обыкновенія церемониться со своими подданными. Такая политика ея была, впрочемъ, только временная, вызванная обстоятельствами. Предъявивъ въ первый разъ въ 1678 г. требованіе слободскимъ полкамъ принять участіе въ войнѣ съ Турціею, Москва, съ того времени, все чаще и чаще начинаетъ давать понять слобожанамъ, что Слободская Украина, хотя и находящаяся въ нѣсколько иныхъ условіяхъ, чѣмъ другія области государства, все-же не болѣе, какъ часть его, правда, пользующаяся особенною милостью царя. Требованія свои Московское правительство начало предъявлять, постепенно ихъ усиливая, вводя понемногу реформы, пока окончательно не сравняла эту Украину съ другими своими землями, но сдѣлала это уже тогда, когда надобность въ козакахъ миновала, когда они спѣли свою пѣсню, т. е. когда Крымъ пересталъ уже быть страшнымъ для Россіи.

Въ войну 1678 г. турки въ іюнѣ осадили Чигиринъ, укрѣпленія котораго были исправлены послѣ осады его въ предшествующемъ году. Гарнизонъ крѣпости былъ также усиленъ; въ немъ было 10 тысячъ русскихъ, малороссіянъ и слобожанъ. Не смотря на отчаянное сопротивленіе, Чигиринъ палъ, благодаря устроеннымъ туркамъ подкопамъ. Хотя на выручку осаждаемымъ и поспѣшилъ кн. Ромодановскій съ гетманомъ Самойловичемъ, но помѣшать туркамъ они не могли, и Чигиринъ былъ разрушенъ; слобожане-же своею геройскою защитою покрыли себя славою.

По дневнику ген. Патрика Гордона, въ которомъ онъ приводитъ подробное росписаніе Чигиринскаго гарнизона, упоминается изъ слободскихъ полковъ только Сумской (300 чел.) и Ахтырскій (1200 чел.) полки [1]). О присутствіи этихъ полковъ говорится нѣсколько разъ, приводится даже число ихъ

[1]) Дневникъ г. Пат. Гордона, изд. Салтыковой. М. 92 г., часть II, стр. 143.

прибытія, о Харьковскомъ-же не говорится ни слова, почему и можно заключить, что его тамъ вовсе и не было; въ другихъ-же источникахъ находимъ извѣстіе, что въ этомъ Чигиринскомъ дѣлѣ принимали участіе всѣ слободскіе полки.

Въ слѣдующемъ, 1679 г., хотя враждебныя отношенія между Россіею и Турціею продолжались, но война была чисто оборонительная; слободскіе козаки оставлены были у себя дома для охраны границъ отъ нашествія крымцевъ, которыхъ, какъ мы уже говорили въ обзорѣ татарскихъ набѣговъ, полковникъ Донецъ разбилъ подъ Харьковомъ.

Въ 1681 г. былъ заключенъ Бахчисарайскій миръ, окончившій эту войну, стоившую слободскимъ полкамъ многихъ трудовъ и потерь.

—

Москва, столько страдавшая отъ хищныхъ своихъ сосѣдей—крымцевъ, тратившая много силъ и денегъ на постройку оборонительныхъ линій, неприносившихъ къ тому-же особенной пользы, рѣшилась, наконецъ, въ свою очередь сдѣлать нападеніе на татаръ въ ихнемъ гнѣздѣ—Крыму, куда иногда только отважные сѣчевики—запорожцы дѣлали набѣги, подъ начальствомъ своихъ удалыхъ кошевыхъ атамановъ. Еще въ царствованіи Алексѣя Михайловича сербъ Юрій Крыжаничъ подалъ царю проэктъ, въ которомъ совѣтовалъ ему оставить войны съ сосѣдями и стремленіе раздвигать границы государства на западъ и востокъ, но исключительное вниманіе обратить на Крымъ, чтобы въ союзѣ съ государствами, которымъ онъ такъ-же приносилъ не мало хлопотъ, постараться завоевать его и выгнать оттуда татаръ. Крыжаничъ доказывалъ, что татары, сильные только внезапностью своихъ набѣговъ и опасные враги въ этого рода степныхъ войнахъ, въ то-же время у себя дома почти беззащитны, за отсутствіемъ укрѣпленныхъ городовъ. Крыжаничъ даже совѣтовалъ перенести туда столицу изъ Москвы, представляя всю выгоду, которая отъ этого могла послѣдовать. Но мысль эта не нашла примѣненія въ политикѣ Алексѣя Михайловича, ведшаго постоянную борьбу съ Польшею изъ-за обладанія Малороссіею. Впрочемъ, царь былъ совершенно правъ, не предпринимая

ничего рѣшительнаго противъ Крыма и стараясь иными путями сдерживать хищническіе порывы татаръ: онъ хорошо понималъ, что завоевать Крымъ и удержать его навсегда за собою онъ не въ состояніи и что временное его занятіе и даже совершенное разореніе не привело бы ни къ чему. Разсѣявшіеся по степи предъ нашими войсками толпы собрались-бы по нашемъ уходѣ снова, и страшная месть ихъ не замедлила-бы обрушиться на пограничныхъ жителей. Русскіе послы, стольникъ Тяпкинъ и дьякъ Зотовъ, ѣздившіе въ Крымъ въ 1680 г., докладывали, возвратясь оттуда, что они тамъ высмотрѣли все и убѣдились, что татары въ Крыму беззащитны, что завоевать ихъ полуостровъ нетрудно, стоитъ туда лишь только добраться.

Между Польшею, Австріею и Венеціей былъ заключенъ договоръ, по которому эти государства должны были соединенными силами напасть на Турцію со всѣхъ сторонъ; имъ было нужно привлечь на свою сторону Москву; ради этого польскій король, Янъ Собѣскій, знаменитый своею побѣдою подъ Вѣною, не задумался даже предъ жертвою уступить Москвѣ Кіевъ, бывшій до этого времени яблокомъ раздора. Участіе Россіи въ этой войнѣ необходимо было ему, чтобы она своимъ нападеніемъ на Крымъ лишила Турцію помощи татаръ. Уступка Кіева и собственныя выгоды при успѣхѣ этого предпріятія побудили правительницу Софью заключить съ Польшею на этотъ разъ даже „вѣчный миръ“ (27 апрѣля 1686 года); тогда какъ до этого времени, обыкновенно, между обоими государствами заключались только продолжительныя перемирія (напр., въ 1666 году былъ заключенъ миръ „на тринадцать лѣтъ и на шесть мѣсяцевъ“).

Къ предстоящему походу будущаго года осенью было приказано произвести наборъ. Въ обнародованной по этому поводу грамотѣ причиною, вызвавшею необходимость похода, выставлялось то, что „русское царство платитъ бусурманамъ ежегодную дань, за что терпитъ стыдъ и укоризны отъ сосѣднихъ государей, а границъ своихъ отъ того данью все жъ не охраняетъ; ханъ беретъ деньги и безчеститъ русскихъ гонцовъ, разоряетъ русскіе города, храмы Божіи разрушаетъ“.

Сборными пунктами русской стотысячной арміи были назначены слободскіе города — Ахтырка, Сумы, Красный Кутъ, а также и Хотмыжскъ, и начальство надъ нею поручалось любимцу царевны Софьи, князю В. В. Голицыну, незаявившему себя до того времени воинскими дарованіями. По своемъ сосредоточеніи, причемъ не обошлось безъ обычныхъ замедленій, неявокъ въ срокъ и наказаній „батожьемъ", армія двинулась чрезъ р. Коломакъ по степи, идя по ней въ одномъ большомъ каре, равнявшемся по фронту 557 саженямъ и въ глубину двумъ верстамъ. По дорогѣ, на р. Самарѣ, 30 мая, къ арміи присоединилось еще 50 тысячъ козаковъ, пришедшихъ подъ начальствомъ гетмана Самойловича.

Въ этотъ походъ, во главѣ съ Константиномъ Григорьевичемъ Донцомъ, сыномъ Харьковскаго полковника, выступила и половина Харьковскаго полка; другая-же, подъ начальствомъ самого полковника, осталась для охраны южныхъ границъ Харьковскаго и Изюмскаго полковъ.

Въ продолженіи семи недѣль, Голицынская армія, въ которой развѣвалось даже знамя, видѣвшее покореніе Казани Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, прошла въ глубь степей только 300 верстъ. Приготовленій къ этому походу Голицынъ не сдѣлалъ никакихъ, не принялъ во вниманіе всей трудности лѣтняго перехода по безводнымъ „дикимъ полямъ". По переправѣ 13 іюня чрезъ р. Конскія воды, въ двое сутокъ армія подвинулась на югъ не болѣе 12 верстъ; причиною этого было то, что татары, желая препятствовать движенію арміи, выжгли степь; къ этому средству они прибѣгали нерѣдко. Арміи пришлось, такимъ образомъ, двигаться впередъ по выжженой степи; удушливый дымъ и пыль были настолько сильны, что съ трудомъ можно было различать предметы; главное-же мученіе было въ недостаткѣ воды: лошади едва двигались отъ жажды и голода, ибо кормить ихъ было нечѣмъ. Къ тому-же обозъ этой огромной арміи былъ очень великъ: за нею тянулось 20 тыс. повозокъ! Ко всѣмъ этимъ невзгодамъ присоединился большой зной, страшно изнурившій людей и лошадей. Движеніе арміи Голицына продолжалось до р. Карокчакрокъ, дойдя до которой, русскіе не встрѣтили ни единаго татарина.

Продолжать походъ при вышеуказанныхъ условіяхъ было невозможно, а до Перекопа оставалось еще 200 верстъ. Голицынъ созвалъ совѣтъ (17 іюня), на которомъ было рѣшено, въ виду истощенія запасовъ, повернуть назадъ. Прійдя къ этому рѣшенію, армія начала такое быстрое отступленіе, подъ прикрытіемъ козаковъ и кавалеріи, какъ будто за нею по пятамъ гнался сильнѣйшій непріятель—даже обозъ былъ брошенъ назади. На р. Мерло въ армію пріѣхалъ бояринъ Шереметьевъ, присланный царевною Софьею. Онъ привезъ многочисленные подарки и награды покорителю Крыма, главнокомандующему кн. Голицыну, в благодарность за успѣшный походъ. Награды получили также и воеводы, а армія, изнуренная безполезнымъ походомъ, была распущена по домамъ [1]. Поплатился также гетманъ Самойловичъ, котораго Голицынъ, желая снять съ себя отвѣтственность за неудачный походъ, неоправдавшій надеждъ союзниковъ, обвинилъ въ сношеніи съ татарами и въ томъ, что онъ умышленно зажегъ степь. Самойловичъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и окончилъ свою жизнь, несправедливо перенеся наказаніе, заслуженное главнокомандующимъ[2]).

Походъ этотъ нисколько не устрашилъ татаръ. Весною слѣдующаго года, какъ бы мстя слобожанамъ за ихъ участіе въ предпріятіи Голицына противъ Крыма, они выслали азовскую орду въ набѣгъ, въ количествѣ 5 тысячъ человѣкъ. Эти хищники много причинили вреда Харьковскому полку, предавая все огню и мечу и уводя плѣнниковъ. Неутомимый полковникъ Донецъ встрѣтился съ ордою и разбилъ ее подъ Андреевкою; наказной-же полковникъ Ив. Сербинъ бился съ ордынцами подъ Валками [3]).

Во второмъ Крымскомъ походѣ, армія, подъ начальствомъ того-же Голицына, добралась до самого Перекопа. Татары были въ ужасѣ и собирались уже бѣжать съ женами и дѣтьми за море [4]), но у Голицына не хватило мужества внести опустошеніе въ это разбойничье гнѣздо, столько времени неда-

---

[1]) Г. Л. Лееръ. Энцик. воен. и мор. наукъ, томъ 4, стр. 426.
[2]) Н. П. Ламбинъ. Ист. Петра В. Спб. 1843 г., стр. 109.
[3]) К. П. Щелковъ. Харьк., стр. 11.
[4]) Пр. Филаретъ. Отд. IV, стр. 132.

вавшее покоя Россіи, отомстить за безконечное число христіанскихъ плѣнниковъ, томившихся здѣсь въ продолженіи не одного столѣтія, и освободить тѣхъ, которые были въ неволѣ въ то время! Голицынъ, полюбовавшись Перекопомъ издали, къ изумленію самихъ татаръ, вступилъ съ ними въ постыдные переговоры, выговаривая себѣ безопасное отступленіе. Во время этого второго похода, часть Харьковскаго полка стояла съ Константиномъ Григорьевичемъ у Царевоборисова, подъ начальствомъ Чугуевскаго воеводы; самъ-же полковникъ оберегалъ свои полки, стоя на перекопскомъ валу. Въ этотъ походъ особенно пострадали полки Сумской и Ахтырскій въ бою при Черной Долинѣ (16 мая). Въ обоихъ полкахъ едва осталось 150 чел.; пушки, знамена—все было потеряно [1]). А Голицынъ и за этотъ походъ получилъ грамоту, гдѣ „милостиво и премилостиво" его „похваляли", за то, что онъ „съ (такими) славными во всемъ свѣтѣ побѣдами возвратился въ цѣлости" [2]). Въ этомъ году орда также дѣлала набѣгъ, но Харьковскій полкъ мало подвергся опустошенію, ибо непріятель былъ отраженъ у Водолагъ; Изюмскій-же полкъ не такъ легко отдѣлался [3]). По переписнымъ книгамъ полковника Донца видно, что въ 1691 г. татары въ произведенныхъ погромахъ въ Зміевѣ, въ Вишкинѣ и въ Лиманѣ взяли, убили и сожгли 1915 человѣкъ, изъ этого числа мужчинъ взято въ плѣнъ 838, женщинъ 1009, угнали лошадей 358, воловъ, коровъ, козъ и овецъ 4554 [4]).

Ко времени управленія полкомъ Гр. Ер. Донца относятся слѣдующія царскія жалованныя грамоты: отъ 5 мая 1684 г., которою Харьковскимъ козакамъ предоставлялась безпошлинная торговля всякими товарами; пошлина собиралась только съ пріѣзжихъ черкасъ и съ русскихъ людей и не русскими чиновниками, а самими козаками [5]). Въ грамотѣ отъ 10 іюня 1686 г., присланной Харьковскимъ полковникамъ Григорію Ер. и Конст. Гр. Донцамъ, государи сообщали, что послы польскаго короля

[1]) Пр. Филаретъ. Отд. IV, стр. 38.
[2]) Соловьевъ. Томъ XIV, стр. 62—63.
[3]) Ibidem, отд. II, стр. 320.
[4]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы. Томъ I, стр. 157—163.
[5]) Грамота 1684 г. П. Чижевскій. Старозамочныя земли, стр. 5.

Яна Собѣскаго съ московскими послами заключили вѣчный миръ. По этому договору уступили и написали намъ, Великимъ Государямъ, многіе прибыльные, славные титла, т. е., насъ писать пресвѣтлѣйшими и державнѣйшими великими государями, писаться вѣчно Кіевскими, Черниговскими и Смоленскими". Сообщалось, что православной вѣрѣ въ польскомъ королевствѣ выговаривалась свобода исповѣданія и т. д. Говоря о заключеніи мира, государи писали, что они „отъ той всемірной радости молебствовали". Для ознаменованія-же этого мира, снисходя къ вѣрной службѣ Харьковскаго полка, жалуютъ полковника и старшину вотчинами, землями, всякими угодьями и промыслами и „васъ-же полковниковъ и полку вашего урядниковъ и козаковъ за вашу вѣрную службу жалуемъ и милостиво похваляемъ". Далѣе приказывалось, по полученіи этой грамоты, отслужить „молебное пѣніе со звономъ" и послѣ него, собравъ всѣхъ, объявить о заключенномъ мирѣ, сказавъ, что государи за службу вѣрную всѣхъ „милостиво" хвалятъ и чтобы дальше служили вѣрно и за то ожидали-бы „милости и жалованіе свыше прежняго" [1]).

Въ томъ-же году была получена на имя полковниковъ „память" (именно такъ она названа въ самомъ документѣ); прислана она была по слѣдующему поводу: Государи сообщали, что до ихъ вѣдома дошло, будто въ слободскихъ полкахъ приказные люди не велятъ владѣть занятыми землями, говоря, что „всякія угодья велѣно мѣрить", между тѣмъ какъ указа объ этомъ не было. Поэтому приказывалось, „какъ ся память придетъ", объявить всѣмъ чинамъ полка, чтобы они владѣли занятыми угодьями по прежнему „по своимъ черкасскимъ обыкностямъ" и чтобы надѣялись и впередъ на „государскую милость безъ всякого сумнѣнія" [2]).

Эта память краснорѣчивѣе другихъ показываетъ съ какимъ вниманіемъ московское правительство относилось къ черкасамъ. Далѣе полки, основываясь на грамотѣ царя Алексѣя Михайловича 1669 г., просили отмѣнить оброки на мельницы; въ Харьковскомъ полку было обложено такими оброками 36 мельницъ

---

[1]) Грамота 1686 г. (10 іюня). В. В. Гуровъ. Сбор. судеб. рѣш., стр. 475—480.
[2]) Ibidem. Грам. 1686 г. (4 нояб.). Ibidem 480—481.

на сумму 99 руб. 25 алт. Челобитная трехъ слободскихъ полковниковъ—Харьковскаго, Ахтырскаго и Сумскаго была уважена, и эти налоги царскою грамотою 1688 г., выданною въ каждый полкъ отдѣльно, были отмѣнены [1]).

Въ 1691 году полкъ понесъ большую утрату въ лицѣ своего незамѣнимаго полковника: Гр. Ер. Донецъ-Захаржевскій скончался на 22 году своего управленія полкомъ. Въ продолженіи всего этого немалаго времени онъ неусыпно трудился, защищая полкъ свой и московскія границы отъ нападеній дикихъ хищниковъ и занимаясь его внутреннимъ устройствомъ, проводя укрѣпленныя линіи, строя и населяя города. Властно управляя такою большою территоріею, какую представляли изъ себя полки Харьковскій и Изюмскій, созданный трудами Харьковскаго полковника, Григорій Ерофеевичъ доказалъ свою способность, умъ и энергію, которые по заслугамъ были оцѣнены московскими царями. Они съ уваженіемъ относились къ своему стольнику, оказывая ему полное довѣріе, что уже доказывается тѣмъ, что въ заселенный имъ Изюмскій полкъ, это дѣтище Харьковскаго полка, обязанный ему своимъ возникновеніемъ и устройствомъ, не были даже назначены, какъ мы уже о томъ говорили, воеводы и другіе русскіе чиновники. Это уже знакъ особой милости и довѣрія, которыя харьковскій полковникъ въ продолженіи 22-хъ лѣтъ своей безпрестанной боевой жизни несомнѣнно заслужилъ.

Во всѣхъ трудахъ многосторонней полковничьей дѣятельности принимали непосредственное участіе и сыновья Григорія Ерофеевича—Ѳедоръ, Константинъ и Иванъ Григорьевичи, водя неоднократно команды Харьковскаго полка въ бой и нанося пораженія непріятелю.

Ѳедоръ Григорьевичъ, знакомый съ дѣломъ управленія полкомъ, закаленный въ походахъ боевой жизни съ семилѣтняго возраста, изъ уваженія къ заслугамъ отца и его собственнымъ, былъ избранъ радою Харьковскимъ полковникомъ.

Ѳ. Гр. Донецъ, подобно отцу своему, продолжалъ борьбу съ татарами; такъ, скоро послѣ принятія полка, въ 1693 г.

[1]) Ibidem. Грам. 1688 г. Пол. Соб. Зак. II № 1279.

ему пришлось уже биться съ ними, защищая свой полкъ. Въ этомъ году зять самаго султана—Нуреддинъ—сдѣлалъ нападеніе на Харьковскій полкъ, прійдя съ 15 тысячами татаръ и отрядомъ янычаръ. Вмѣстѣ съ Нуреддиномъ былъ сынъ султана, Шаринъ-бей, и Петрикъ (Петръ Иваненко) съ небольшимъ числомъ козаковъ приверженцевъ. Этотъ Петрикъ, бывшей раньше войсковымъ канцеляристомъ, задумалъ добиться гетманства, для чего еще въ 1692 г. склонилъ хана на походъ въ Украину. Для отраженія того нашествія былъ поставленъ отрядъ изъ слободскихъ полковъ силою въ двѣ тысячи человѣкъ, съ отрядомъ великороссіянъ по городкамъ, лежащимъ по р. Самарѣ. На случай успѣха въ своемъ предпріятіи, Петрикъ составилъ планъ, который пришелся очень по душѣ татарамъ: онъ хотѣлъ выселить на правую сторону Днѣпра слободскихъ черкасъ, что открыло-бы татарамъ дорогу въ великороссійскіе города; поэтому-то они такъ охотно и поддерживали Петрика [1]). Татары страшно опустошили въ тотъ свой набѣгъ города и мѣстечки, набрали, по своему обыкновенію, множество плѣнныхъ. Отряды грабителей были въ 20 вер. отъ самого Харькова, въ Мерефѣ. Нападеніе это было сдѣлано внезапно, почему харьковцы къ нему приготовлены не были.

Наскоро собравши, сколько было можно, своихъ козаковъ, полковникъ напалъ на непріятеля, нанесъ ему пораженіе, отбилъ плѣнныхъ, всю награбленную добычу и взялъ въ плѣнъ „четырнадцать важныхъ поганцевъ" [2]). Пораженіе это, нанесенное харьковцами Нуреддину пріобрѣтаетъ особенную важность—оно, такимъ образомъ, избавило Украйну отъ большихъ внутреннихъ смутъ, которыя могли бы въ ней произойти отъ силою навязаннаго ей султанскаго гетмана, если бы врагъ не былъ разбитъ и прогнанъ. Въ благодарность за этотъ подвигъ полковникъ получилъ царскую похвальную грамоту; цари подарили полку двѣ пушки и дали нѣкоторыя другія отличія [3]).

Полковнику Ѳед. Гр. Донцу, подобно тому какъ и его пред-

[1]) Н. Костомаровъ. Мазепа и Мазепинцы, стр. 107, 109 и 119.
[2]) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 64.
[3]) Ibidem.

шественнику, не пришлось ограничиться однимъ отраженіемъ своихъ враговъ, на его долю выпало участвовать съ полкомъ во всѣхъ почти войнахъ, которыя вела Москва; ея требованія къ полку предъявляются все чаще и чаще и начали уже ясно показывать о перемѣнѣ отношеній московскаго царя къ слободскимъ полкамъ.

Въ 1694 г. полкъ Харьковскій былъ назначенъ въ армію Шереметьева на р. Міусъ, дѣйствовавшую противъ Азова. Между тѣмъ крымскіе татары шли на обычную свою работу въ предѣлы Харьковскаго полка и подошли уже къ Берестовкѣ. Узнавъ во время объ этомъ, полковникъ далъ знать Шереметьеву, который поспѣшилъ стать на Джгунѣ. Этимъ движеніемъ татары были отрѣзаны и отражены. Харьковцы погнались преслѣдовать ихъ, отняли дабычу, которую крымцы по дорогѣ успѣли захватить, и въ происшедшей стычкѣ взяли 70 человѣкъ въ плѣнъ [1]).

---

[1]) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 64.

Глава VIII.

Реформы Петра Великаго; стремленіе къ морю.—Дѣйствія противъ Азова.—Участіе полка въ арміи Шереметьева.—Взятіе Казикерменя и др. крѣпостей.—Поставка воловъ и барановъ для арміи.—Похвальная грамота полку.—Компанія 1696 г.—Полкъ подъ начальствомъ Гетмана Мазепы.—Высылка подпомощниковъ съ подводами.—Возстановленіе укрѣпленій Казикерменя и Тавани.—Участіе полка въ этой работѣ.—Возвращеніе домой.—Нападеніе татаръ, отраженіе ихъ.—Численность населенія Харьковскаго полка; мѣстечки и города, входящіе въ его составъ.—Участіе полка въ походѣ кн. Долгорукова къ Перекопу.—Поставка продовольствія для русскихъ войскъ.—Нападеніе татаръ.—Разореніе слободъ.—Опасность, грозившая полковому городу.—Царская грамота 1695 г.—Подати, наложенныя на подпомощниковъ.—Просьба полчанъ объ отмѣнѣ этой подати.—Конфирмація; льготы полку, опредѣленныя ею.—Царская грамота 1700 г.—Число ранговыхъ козаковъ.—Грамота 1705 г.—Жалоба харьковцевъ на воеводъ.—Повелѣніе воеводамъ выѣхать изъ городовъ.—Смерть Харьковскаго полковника Ѳед. Гр. Донца.—Характеристика Донцовъ.—Просьба харьковцевъ назначить имъ полковникомъ Ѳед. Вл. Шидловскаго.—Грамота царя о назначеніи его.—Ссора Шидловскаго съ Меншиковымъ.—Опала Шидловскаго.—Слѣдствіе и судъ надъ нимъ.—Рѣшеніе.—Письмо царя къ Апраксину.—Наказной Харьковскій полковникъ, Лов. Ив. Шидловскій.—Утвержденіе его.—Полковникъ Ир. Вас. Куликовскій; его заслуги.—Полковникъ Гр. Сем. Квитка.—Его происхожденіе.

Въ это время, когда почти все содержаніе жизни козаковъ Слободской Украины исчерпывалось одною только борьбою съ татарами и, казалось, не предвидѣлось конца обусловленной ею неурядицы и не было надежды на лучшія времена, на возможность мирнаго развитія Украины, въ жизни Московскаго государства наступилъ рѣзкій переломъ—Москва вступила въ эпоху великихъ преобразованій, которыя не могли, конечно, не отразиться и на слободахъ Украины, все тѣснѣе сливавшейся съ Москвою.

По смерти царя Іоанна и устраненіи царевны Софіи отъ управленія государственными дѣлами, царь Петръ Алексѣевичъ сталъ монархомъ единодержавнымъ и съ необычайной энер-

гіей сталъ приводить въ исполненіе свои планы преобразованія всѣхъ отраслей государственнаго управленія. Едва-ли не на первомъ планѣ онъ ставилъ преобразованіе вооруженныхъ силъ Россіи, сухопутныхъ и морскихъ, и, на первое, по крайней мѣрѣ, время, его особенно заботила ясно сознанная имъ необходимость для Россіи обладанія моремъ. Сказавшаяся еще въ раннемъ дѣтствѣ Петра любовь его къ водѣ, страсть къ морю и желаніе придвинуть къ нему границы Россіи побудили Петра предпринять походъ, съ цѣлью завоеванія того Азова, отъ обладанія которымъ его дѣдъ—царь Михаилъ Ѳедоровичъ отказался, когда ему предлагали принять подъ свою державу эту крѣпость козаки, отнявшіе ее у турокъ (1642 г.).

Было составлено двѣ арміи, одна для непосредственнаго дѣйствія подъ Азовомъ подъ начальствомъ самого царя въ числѣ 31 тысячи; въ составъ этой арміи вошелъ Острогожскій полкъ, Харьковскій-же въ числѣ остальныхъ слободскихъ полковъ назначенъ былъ въ другую армію боярина Шереметьева (120 тыс.). Весною 1695 г., когда травы въ степи поднялись на столько, что могли прокормить лошадей, эта вторая армія двинулась къ низовьямъ р. Днѣпра и осадила крѣпости, лежащія на немъ. Назначеніе этой арміи было отвлечь силы татаръ отъ другой, осаждавшей Азовъ. Подъ Казикермень (нынѣ Берисловъ) армія подступила въ іюлѣ и расположилась около крѣпости внѣ выстрѣла. Осаду повели очень энергично: на другой же день пошли на приступъ пѣшіе козаки, между которыми были и слободскіе, прогнали вышедшихъ къ нимъ на встрѣчу янычаръ и на ихъ плечахъ ворвались въ сады и огороды, гдѣ успѣли насыпать шанцы, окруживъ ими весь городъ. Снаряды, пускаемые въ городъ, причиняли очень большой вредъ жителямъ; бомбардировка эта продолжалась въ теченіи четырехъ сутокъ. Подведенный подъ стѣну подкопъ произвелъ проломъ, послѣ чего гарнизонъ сдался и былъ взятъ въ неволю. Часть его была взята Москвою, часть гетманскими войсками. Не смотря на запрещенія, козаки ворвались въ городъ и принялись грабить, но произвели пожаръ и едва успѣли уйти оттуда. Не имѣя возможности удержать за собою крѣпость, русскіе срыли стѣны ея до основанія.

Равнымъ образомъ были покорены крѣпости Таванскъ, Ислamъ-Керей, Мубарекъ-Кермень и др.—эти крѣпости, впрочемъ, сдались безъ боя.

Для дѣйствовавшей на Днѣпрѣ арміи изъ Слободской Украйны поставлялись волы и бараны: за вола платилось отъ 1 до 3 рублей, за барана 6 алт. и 4 денежки [1]). Полковникъ съ Харьковцами участвовалъ въ этомъ походѣ, за что и получилъ похвальную грамоту [2]).

Въ слѣдующемъ году Харьковскій полкъ, вмѣстѣ съ другими слободскими полками (кромѣ Острогожскаго), подъ начальствомъ малороссійскаго гетмана Мазепы, вошелъ снова въ составъ арміи Шереметьева, которая на этотъ разъ ограничилась тѣмъ, что стояла на р. Коломакѣ и оберегала русскія границы отъ нашествія татаръ. Харьковскій полкъ въ этотъ походъ, кромѣ того, что выставилъ въ поле всѣхъ полковыхъ козаковъ, выслалъ еще, повинуясь требованіямъ Шереметьева, и значительное число подпомощниковъ съ подводами [3]). По взятіи Азова 19-го іюня, Харьковскій полкъ былъ отпущенъ домой.

Весною 1697 г. было приказано возстановить укрѣпленія крѣпости Казикерменя и окончить постройку начатой Таванской крѣпости, а также построить 30 галеръ къ веснѣ будущаго года въ виду предстоящей осады Очакова. Полкъ Харьковскій, въ числѣ другихъ (кромѣ Острогожскаго), находился въ распоряженіи начальника бѣлгородскаго разряда—Долгорукаго и исполнялъ разныя работы подъ Казикерменемъ. Когда полкъ съ этой работы возвращался обратно домой, то узналъ о нападеніи все тѣхъ же татаръ на свои слободы. Харьковцы подъ начальствомъ брата полковника—Ивана Григорьевича—стремительно напали на татаръ, заставивъ бѣжать ихъ „неоглядкою". Нападенія повторялись и въ слѣдующемъ году, но были отбиты.

Набѣги татаръ послѣдняго времени, вообще, далеко были слабѣе прежнихъ; по большей части они бывали неудачными

[1]) Н. Костомаровъ. Мазепа и мазепинцы, стр. 123—124, 132; Лѣтопись Самовидца, стр. 166.

[2]) К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 12.

[3]) П. Головинскій. Слоб. коз. полки, гл. III.

и дѣлались съ небольшими сравнительно силами. Татаръ постоянно отражали и побивали. Это происходило какъ отъ того, что населеніе полка къ тому времени возросло, такъ и отъ присутствія въ странѣ россійскихъ войскъ.

Полкъ Харьковскій, считавшій въ 1677 г. 7,773 козака, а въ 1691 г.—7,005 (уменьшеніе это произошло отъ отдѣленія части къ Изюмскому полку), въ 1698 г. заключалъ въ себѣ уже 7,939 козаковъ [1]). При всемъ томъ область полка была большая—въ немъ считалось въ 1692 г., за отдѣленіемъ 13 городовъ въ составъ Изюмскаго полка, слѣд. населенныя мѣста: 1) Волчанскъ (съ 2-мя селами), 2) Салтовъ (съ 4-мя сел и 2 дерев.), 3) Печенѣги (съ 8 сел. и 8 дер.), 4) Золочевъ (съ 2 сел.), 5) Ольшанка (съ 2 сел.), 6) Валки (съ 4 сел.), 7) Мерефа (съ 3 сел.), 8) Соколовъ, 9) Зміевъ (съ 4 сел.), 10) Маяцкій и 11) Селеный [2]).

Въ 1698 г. полкъ, въ числѣ другихъ слободскихъ полковъ, вмѣстѣ съ малороссійскими козаками, подъ начальствомъ гетмана Мазепы, принялъ участіе въ походѣ кн. Долгорукаго къ Перекопу и въ осадѣ этой крѣпости впервые русскими войсками. Хотя и этотъ походъ, подобно походамъ Голицына, не принесъ никакой особенной пользы, такъ какъ армія Долгорукаго, дѣйствовавшая съ большимъ успѣхомъ первое время противъ татаръ, должна была снять осаду Перекопа и отойти на Украину вслѣдствіе подкрѣпленія, полученнаго крѣпостью, и недостатка фуража, но дорога въ Крымъ была уже проложена и покореніе этого разбойничьяго государства составляло уже вопросъ времени.

Полкъ въ этотъ походъ долженъ былъ поставлять провіантъ для продовольствія русскихъ войскъ. Это большою тяжестью ложилось на подпомощниковъ, ибо они, кромѣ того, что должны были содержать ранговыхъ козаковъ, доставляли провіантъ въ русскіе войска. Это отрывало ихъ отъ полевыхъ работъ въ самую горячую пору. Привольное время начало проходить! Въ этотъ-же годъ, когда армія ходила усмирять крымцевъ, орда ворвалась въ Слободскую Украину, разорила многія

---

[1]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 561.

[2]) Ibidem, стр. 542.

слободы по р. Сѣверскому Донцу и г. Салтовъ; самому полковому городу грозила большая опасность, его едва успѣли отстоять [1]).

Въ 1695 г., во время перваго азовскаго похода, была пожалована полку грамота на имя Харьковскаго воеводы Зурова:—этою грамотою подтверждались права Харьковцевъ на безпошлинное владѣніе мельницами [2]).

По окончаніи-же азовскихъ походовъ, въ 1697 г., по повелѣнію царя Петра Алексѣевича, на подпомощниковъ козацкихъ была наложена подать въ размѣрѣ одного рубля съ души. Непривыкшіе къ какимъ-бы-то ни было поборамъ, слобожане подали челобитье царю, въ которомъ просили ихъ отъ этой подати избавить. Въ отвѣтъ на эту просьбу послѣдовало опредѣленіи, или конфирмація, которою козаки всѣхъ слободскихъ полковъ за ихъ вѣрныя и безпорочныя службы жаловались промыслами, владѣніемъ землями и всякими угодьями, мельницами, рыбными ловлями, безпошлиннымъ куреніемъ вина, правомъ открывать шинки, свободою отъ какихъ либо податей и платы таможенныхъ денегъ. За всѣ эти милости козаки должны были только оберегать границы отъ нашествія татаръ, зорко слѣдить за ними, донося о всякомъ ихъ движеніи къ границамъ государства [3]).

Въ грамотѣ, пожалованной полку отъ 28 февраля 1700 г., повелѣвалось въ Харьковскомъ полку быть „въ конной службѣ“ 850 выборнымъ козакамъ—компанейцамъ. Въ это число должны были выбираться козаки и мѣщане, но изъ тѣхъ, которые не состояли въ книгахъ, присланныхъ въ бѣлгородскій разрядъ воеводою; остальные-же козаки подпомощники, на которыхъ была наложена подушная подать, отмѣна которой подтверждалась этою грамотою, должны были помогать въ службѣ выборнымъ козакамъ, снабжая ихъ копями, оружіемъ, запасами въ походахъ, чтобы „скудности имъ никакой не было“. Распредѣленіе этихъ повинностей предоставлялось грамотою самому полку, „по ихъ черкасскому обыкновенію“. Далѣе въ грамотѣ

[1]) Н. Костомаровъ. Мазепа и мазепинцы, стр. 165.

[2]) Грамота 1695 г. Н. Чижевскій. Староз. земли, стр. 113.

[3]) Г. Квитка. Зап. о слоб. пол., стр. 10—11.

говорилось, что выборныхъ козаковъ „кромѣ той валой конной службы никуда на городовую службу не посылать и иныхъ тягостей и подводъ у нихъ... безъ указу и безъ грамотъ изъ разряду никому не имать". Всѣ права и преимущества, перечисленныя въ конфирмаціи этою „милостивою жалованною грамотою" подтверждались снова. Далѣе козакамъ предлагалось, „видя къ себѣ нашу Великаго государя... премногую и превысокую милость и жалованіе", быть вѣрными въ службѣ и „надъ непріятельскими людьми промыслы и поиски чинить со всякимъ усердіемъ и радѣніемъ" и пр., зачто обѣщалось, что служба ихъ „забвенна никогда не будетъ" [1]).

Въ 1705 была пожалована еще грамота отъ 7 марта, на имя воеводы Вас. Кир. Толстого, съ приказомъ, снявъ копію, подлинную передать старшинѣ. Этою грамотою козаки снова освобождались отъ налоговъ на мельницы, на которыя хотѣли въ этомъ году наложить оброки [2]).

Недоразумѣнія между полковою старшиною, черкасами и воеводами продолжались постоянно. Не желая далѣе сносить всѣ тѣ притѣсненія и обиды, которыя воеводы позволяли себѣ по отношеніи къ населенію, жители харьковскіе и золочевскіе обратились словесно къ Харьковскому полковнику съ жалобою, говоря, что воеводы и приказные люди „ихъ, черкасъ, непрестанно бьютъ и подати съ нихъ всякія силуютъ", [3]) „и отъ того-де они разорились, а иные и разбрелись по слобо-

[1]) Грамота 1700 г. Пол. Соб. Зак. IV № 1771.

Примѣчаніе. Харьковскій Слободской полкъ послѣ этого состоялъ изъ слѣдующихъ чиновъ: полковникъ, обозный, судья, по 1; асауловъ, писарей, хорунжихъ, городовыхъ, сотниковъ, ратушныхъ. атамановъ,—по 2; уѣздныхъ сотниковъ—22; сотенныхъ хорунжихъ—10; молодыхъ писарей при ратушѣ—6; сотенныхъ писарей-пушкарей по 24; трубачей—4; фурмановъ, литаврщиковъ по 1; ратушныхъ послушниковъ—26; сотенныхъ послушниковъ (асаульцевъ)—30; компанейцевъ служащихъ—850, а всего всѣхъ чиновъ 1011 человѣкъ. Кромѣ того, въ полку были еще „куренщики";—такъ назывались козаки, назначаемые старшинамъ на время похода для ихъ личныхъ услугъ. Часто эти куренщики и по возвращеніи домой оставлялись старшинами при своихъ дворахъ и обращались постепенно въ подданныхъ. Названіе куренщиковъ происходитъ отъ того, что имъ поручался „курень" старшины (походныя палатки для хозяина и его прислуги) (Мос. Отд. Арх. Гл. Шт., оп. 25 св. 321 и „Павелъ Полуботокъ" Лазаревскаго, Рус. Арх. 1880 г., кн. I, стр. 137).

[2]) Ibidem, грамота 1705 г. В. В. Гуровъ. Сбор. суд. рѣш., стр. 521—524.

[3]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы, т. I, стр. 182.

дамъ, да и достальные хотятъ итить врознь" [1]). Объ этомъ всемъ Θедоръ Григорьевичъ донесъ царю, и результатомъ этого была послѣдняя царская грамота, полученная имъ въ 1706 г. отъ 28 февр., которою повелѣвалось воеводамъ и приказнымъ людямъ выѣхать изъ городовъ, а городовыя постройки, дѣла, ключи, „зелейную и свинцовую казну передать Харьковскому полковнику. Русскихъ-же людей велѣно было приписать къ Чугуеву, болховому" [2]). Такимъ образомъ, полкъ этою грамотою былъ избавленъ отъ русскихъ чиновниковъ, отъ которыхъ много терпѣлъ несправедливостей.

Въ томъ-же 1706 г. скончался полковникъ и стольникъ Θед. Гр. Донецъ-Захаржевскій, до послѣдней минуты своей жизни исполнявшій возложенныя на него обязанности; онъ умеръ на р. Самарѣ, гдѣ находился въ то время съ командою полка своего для наблюденія за крымцами. Тѣло его было перевезено въ Харьковъ, гдѣ протекла вся его жизнь, полная боевыхъ тревогъ и неусыпной многосторонней дѣятельности, и погребено въ нижней церкви Покровскаго монастыря. И теперь еще на металлической дощечкѣ видна надпись: „Року 1706 августа 28 дня въ среду представился рабъ божій Федоръ Григорьевичъ Захаржевскій, полковникъ Харьковскій, въ полку на Самарѣ и погребенъ въ Харьковѣ" [3]).

Донцы—отецъ и сынъ, потрудившіеся на славу своего полка, сдѣлавшіе такъ много для Московскаго государства, охраняя его отъ татаръ и прочно закрѣпивъ за нимъ большую область земли, оставили по себѣ добрую память на Украинѣ. Орновскій, панегиристъ рода Захаржевскихъ, посвятилъ памяти Θедора Григорьевича цѣлую книгу, небывшую, къ несчастью, въ нашихъ рукахъ, гдѣ выставлялъ его заслуги [4]).

По смерти третьяго по счету Харьковскаго полковника, кандидатовъ въ полку на эту должность, видимо, не было: сынъ покойнаго былъ еще малолѣтній. Вся полковая старшина и

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Пр Филаретъ. Отд. I, стр. 49.

[4]) Ornowsky. „Bogaty Wiridarz legatus Theodorowi Zacharzewskiemu", изд. 1705 г. Этой книги, по наведеннымъ нами справкамъ, не оказалось и въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

козаки подали „полковую заручную челобитную" на имя царя (12 септ. 1706 г.), въ которой, изложивъ кратко исторію заселенія Изюмскаго полка Гр. Ер. Донцомъ. просили царя назначить Харьковскимъ полковникомъ Изюмскаго полковника Өедора Владиміровича Шидловскаго, зятя основателя г. Изюма. Просьбу свою они основывали на томъ, что „Харьковскаго и Изюмскаго полку городы поселены между собою поблиску, и селилъ ихъ одинъ полковникъ, тесть его—Григорій Донецъ, и вѣдалъ за одинъ полкъ, чтобы намъ отъ посторонняго полковника въ конецъ не разориться" [1]). Харьковцы, бывшіе до того времени всегда подъ управленіемъ начальниковъ, родственныхъ имъ по крови, обычаямъ и интересамъ, не находя среди себя достойнаго, кому можно было-бы вручить управленіе полкомъ, обратили свои взоры на Шидловскаго, который былъ женатъ на дочери Григорія Ерофеевича; они къ тому-же привыкли къ порядку управленія однимъ лицомъ двумя вполнѣ родственными полками. Такимъ образомъ, Шидловскій вполнѣ удовлетворялъ требованіямъ полчанъ, такъ какъ они видѣли въ немъ своего и, притомъ, родственника Донца, который считалъ его достойнымъ, если отдалъ за него свою дочь, а харьковцы привыкли цѣнить и уважать Донцовъ, въ продолженіи 37 лѣтъ съ честью управлявшихъ имъ, и съ именемъ которыхъ было связано для нихъ много хорошихъ воспоминаній. Петръ Великій, снисходя къ такой общей просьбѣ полка, повелѣлъ Шидловскому (указъ 17 ноября 1706 года), произведя его въ бригадиры, быть полковникомъ и Харьковскаго полка. Притомъ, согласно желанію полчанъ, высказанному въ челобитьѣ ихъ, разрѣшалось Шидловскому жить въ Харьковѣ. Грамота объ этомъ назначеніи была послана въ полкъ; и старшина, козаки и все посполъство были извѣщены, что просьба ихъ уважена. Такая-же грамота была пожалована и бригадиру Шидловскому. Въ этихъ обѣихъ грамотахъ подтверждалось, что въ городахъ русскимъ воеводамъ и приказнымъ людямъ не быть.

Управлялъ полками Өед. Влад. Шидловскій недолго—скоро онъ навлекъ на себя гнѣвъ царя и отданъ былъ подъ судъ,

[1]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы, томъ I, стр. 179.

такъ какъ онъ имѣлъ неосторожность поссориться со всемогущимъ Меншиковымъ. Ссора эта послѣдовала изъ-за того, что Шидловскій не позволилъ собирать поборовъ съ купцовъ въ полкахъ въ пользу Рагузинскаго, въ чемъ, есть основаніе предполагать, былъ замѣшанъ и самъ Меншиковъ. Оскорбленные этимъ, вельможи своими происками достигли того, что всѣми любимый Шидловскій попалъ подъ судъ [1]). Предлогомъ для этого послужилъ доносъ, обвинявшій Шидловскаго въ грабежахъ, которые онъ будто-бы производилъ въ Польшѣ [2]). 23 апрѣля 1711 г., по приказанію царя, Шидловскій былъ арестованъ и, подъ конвоемъ капитана Чириковскаго и поручика Макарова, доставленъ къ нему въ м. Яворъ (Волынской губ.), гдѣ въ то время Петръ находился [3]).

Послѣ произведеннаго слѣдствія, нашедшаго доносъ основательнымъ, Шидловскій былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ и конфискаціи всѣхъ его имѣній. Владѣлъ-же онъ обширнымъ пространствомъ земли съ 710 дворами; все это было отдано кн. Кантеміру для раздѣла между волохами, которые прибыли вмѣстѣ со своимъ господаремъ и поступили въ русскую службу [4]), будучи поселены въ Слободской Украйнѣ.

Подобной же конфискаціи ранѣе этого подверглись имѣнія и ахтырскаго полковника Перекрестова, на котораго весь полкъ приносилъ жалобу; при этомъ кое-что досталось и Меншикову [5]); не надѣялся-ли онъ на то-же при отнятіи имѣній у Шидловскаго, ведя противъ него интригу? Но царь, какъ-бы предусматривая что-то, писалъ письмо Апраксину: „Понеже сей плутъ Шидловскій зѣло богатъ, того ради гораздо въ томъ покажи вѣрность и трудъ свой, чтобы деньги его не пропали, но все чрезъ вѣрныхъ людей списать“ [6]).

Но Өедоръ Владиміровичъ пользовался общею любовью своихъ подчиненныхъ; это краснорѣчиво высказалось въ поданной просьбѣ, которую подписали полковые и сотенные стар-

---

[1]) Ир. Филаретъ. Отд. V, стр. 28—29.
[2]) Ibidem.
[3]) Н. Гербель. Из. сл. коз. п., стр. 54.
[4]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы. Томъ I, стр. 193.
[5]) Шимановъ. Главн. момен. въ ист. землевл. Хар. губ., стр. 15.
[6]) Ир. Филаретъ. Отд. V, стр. 28—29.

шины всѣхъ полковъ, гдѣ они просили царя помиловать ихъ любимца. И эта просьба полковъ была уважена царемъ, но только отчасти: Шидловскій былъ назначенъ въ армію генералъ-маіоромъ, но отнятыя имѣнія ему возвращены не были[1]).

Еще ранѣе, въ 1708 году, наказнымъ Харьковскимъ полковникомъ былъ назначенъ Лаврентій Ивановичъ Шидловскій, утвержденный въ званіи полковника по волѣ царя 3 марта 1710 года, когда разразилась бѣда надъ бригадиромъ Шидловскимъ [2]). На мѣсто-же Лаврентія Ивановича Шидловскаго, опредѣленнаго полковникомъ Изюмскаго полка, именнымъ указомъ царя Петра, Харьковскимъ полковникомъ былъ пожалованъ Прокофій Васильевичъ Куликовскій, молдаванинъ шляхетскаго происхожденія, находившійся предъ этимъ въ службѣ волоскаго господаря, князя Кантеміра, въ чинѣ полковника. Куликовскій во время того крайне затруднительнаго положенія, въ которое попалъ Петръ (въ 1711 году), неосмотрительно начавъ войну съ Турціею,—неоднократно пріѣзжалъ къ царю отъ господаря съ секретнѣйшими бумагами. Тогда-же, въ бытность Петра на Прутѣ при арміи, Куликовскій со всѣмъ своимъ семействомъ, въ числѣ многихъ другихъ чиновниковъ, бывшихъ съ Кантеміромъ, принялъ русское подданство и переселился въ Россію. За вѣрную и безпорочную службу, оказанную имъ въ войнѣ съ Портою, Петръ и назначилъ его полковникомъ [3]).

Куликовскаго въ 1714 году смѣнилъ Григорій Семеновичъ Квитка, происходившій изъ польскаго шляхетства, но малороссіянинъ и православнаго вѣроисповѣданія. Его дѣдъ, Афанасій Квитка, прибылъ изъ Польши и принялъ подданство въ царствованіе Алексѣя Михайловича, служилъ въ Гадячскомъ полку полковникомъ; сынъ его, Семенъ, пришелъ въ Харьковскій полкъ и былъ въ немъ полковымъ судьею [4]).

---

[1]) Пр. Филаретъ. Отд. V, стр. 39.

[2]) Ibidem. Отд. II, стр. 65.

[3]) Мос. отд. арх. гл. шт. Оп. 109, св. 62 и 67.

[4]) Квитка. Записки о сл. пол., стр. 23.

Глава IX.

Объявленіе Сѣверной войны.—Походъ въ Ингерманландію.—Силы шведовъ и русскихъ.—Прибытіе Харьковскаго полка къ армія Шереметьева.—Образъ дѣйствій русскихъ.—Участіе козаковъ въ разореніи края.—Дѣло подъ Рапиномъ, Карагольмомъ и Ригою.—Сраженіе при Эрестферѣ.—Состояніе кавалеріи.—Недостатокъ въ продовольствіи.—Обратный походъ полка на Украину.—Дѣло подъ Опошнею и Веприкомъ.—Движеніе шведовъ на Украину.—Жестокіе морозы, дожди и наводненіе.—Появленіе непріятеля вблизи г. Ахтырки.—Починка Харьковской крѣпости.—Сборъ провіанта и фуража.—Посѣщеніе г. Харькова Петромъ Великимъ.—Гдѣ находились слободскіе полки во время Полтавской битвы.—Содержаніе плѣнныхъ.—Окончаніе войны.—Грамота Петра В. въ полкъ.—Празднества.—Положеніе дѣлъ на Дону.—Бунтъ К. Булавина.—Участіе полка въ его усмиреніи.—Царская грамота Шидловскому.—Гетманъ Ф. Орликъ.—Его планы.—Твердость слобожанъ.—Нападеніе татаръ.—Измѣна жителей г. Водолаги—судьба ихъ.—Потери Харьковскаго полка.—Размежеваніе земель между Турціею и Россіею.—Участіе въ томъ харьковцевъ.—Преобразованія Петра въ Слободской Украинѣ.—Указъ царя полковнику Куликовскому.—Жалоба полчанъ на полковника своего.—Учрежденіе подпрапорныхъ.—Перепись.—Поселеніе молдаванъ въ области полка.—Отношеніе слобожанъ къ переселенцамъ.—Порча нравовъ.—Доносы.—Дѣло сотника Капустина.—Распространеніе грамотности.—Сочиненіе козака Климовскаго.—Участіе полка въ постройкѣ Ладожскаго канала, тягость работъ.—Смертность между козаками.

19 авг. 1700 г. послѣдовало объявленіе Сѣверной войны „за многія неправды Свейскаго короля“.

Указомъ царя въ слободскіе полки предписывалось имъ выступить въ походъ на далекій сѣверъ, гдѣ еще ни разу имъ быть не приходилось, и идти въ Ингерманландію. Послѣ несчастной для русскаго оружія нарвской битвы, во время которой слободскіе полки были еще на походѣ, шведскій король Карлъ XII, думая, что онъ уже совершенно покончилъ съ русскими, бросился на союзника Петра Великаго, короля польскаго—Августа II, оставивъ для защиты края противъ остатковъ разбитыхъ русскихъ войскъ небольшой корпусъ,

силою не болѣе 15 тысячъ, изъ которыхъ около 8 тысячъ находились собранными подъ начальствомъ Шлиппенбаха въ окрестностяхъ г. Юрьева (Дерпта);—остальныя войска находились въ Ингерманландіи.

Противъ этихъ шведскихъ войскъ русскія силы были выставлены около Пскова, подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметьева, единственнаго генерала, избѣжавшаго плѣна подъ Нарвой. Харьковскій полкъ, выступившій въ походъ въ октябрѣ, вошелъ въ составъ арміи Шереметьева и былъ расположенъ въ числѣ другихъ слободскихъ полковъ на зимнихъ квартирахъ по границамъ Лифляндіи. Русская армія, послѣ нарвскаго пораженія, дѣйствовала крайне осторожно и ограничивалась первое время оборонительными дѣйствіями и веденіемъ небольшими отрядами партизанской войны. Партіи легкихъ войскъ и козаковъ постоянно тревожили непріятеля своими внезапными нападеніями. Такой образъ веденія войны былъ давно знакомъ слободскимъ козакамъ, жизнь которыхъ и дома уподоблялась этой партизанской войнѣ. Здѣсь они примѣнили свою опытность и умѣніе, выработанныя въ безпрерывной войнѣ съ татарами, роль которыхъ они превосходно исполнили, внося страшныя опустошенія въ землю непріятельскую, предавая все огню и мечу и забирая плѣнныхъ обоего пола, словомъ, и сами татары не могли-бы лучше очищать страну отъ жителей и ихъ имуществъ. Но въ томъ, впрочемъ, была не ихъ иниціатива—приказаніе было отдано Шереметьевымъ; козаки только явились ревностными исполнителями его и дѣтьми своего вѣка, который иного способа веденія войны и не зналъ. Древнее изреченіе „vae victis!“ (горе побѣжденнымъ!) не перестало еще служить оправданіемъ такого способа нанесенія вреда непріятелю.

Вся непріятельская страна отъ Эмбаха до береговъ Невы обратилась въ пустыню, жители или перебиты, или взяты въ плѣнъ; которымъ же удалось избѣжать этой участи, тѣ разбѣжались; взятые въ плѣнъ съ женами и дѣтьми были разосланы въ Москву, Малороссію, Азовъ [1]). Въ этихъ частыхъ набѣгахъ прошелъ весь 1701 годъ. Петръ, сознавая превосход-

[1]) Н. Устряловъ. Ист. цар. Петра В., т. IV, стр. 118.

ство непріятельской арміи, хотѣлъ постепенно пріучить свои молодыя войска; опасаясь по этому серьезныхъ встрѣчъ съ непріятелемъ, онъ принялъ систему набѣговъ на непріятельскую землю и нападеній на небольшіе отряды шведскихъ войскъ.

4 сент. 1701 г. Харьковскій полкъ находился въ дѣлѣ при Рапино, гдѣ подъ командою М. Шереметьева шведы разбиты были на голову. Изъ всего ихъ отряда (600 чел.) ушелъ живымъ только одинъ поручикъ; всѣ остальные или перебиты, или взяты въ плѣнъ. Это былъ первый успѣхъ русскихъ. Принималъ такъ-же участіе Харьковскій полкъ и въ дѣлахъ подъ Карагальмомъ и Ригою [1]), за что получилъ денежную награду.

Значительный успѣхъ надъ шведами былъ одержанъ Шереметьевымъ при Эрестферѣ (въ 40 вер. отъ Юрьева). По глубокому снѣгу выступилъ Шереметьевъ изъ Пскова въ концѣ декабря, желая неожиданно напасть на Шлиппенбаха, о присутствіи котораго было ему донесено. 29-го русскій авангардъ встрѣтился съ отрядомъ эстляндцевъ въ числѣ 300 чел. и, пользуясь значительнымъ превосходствомъ своихъ силъ, окружилъ его и истребилъ до послѣдняго человѣка. Дальнѣйшее наступленіе русскаго авангарда было остановлено Шлиппенбахомъ, предъ которымъ онъ долженъ былъ отступить, но, съ прибытіемъ главныхъ силъ Шереметьева, завязался бой, который длился 4 часа. Шлиппенбахъ пробился къ Эрестферу, изъ котораго ночью бѣжалъ. Русскіе преслѣдовали шведовъ на протяженіи 30 вер. Въ этотъ день кавалерія сыграла видную роль. Потери непріятеля были велики, на полѣ битвы легло болѣе 3 тысячъ, взято въ плѣнъ 350 чел. и 6 орудій. Потери-же наши ограничились убитыми до тысячи человѣкъ. Царь былъ въ восторгѣ отъ этой побѣды, ибо она была первая надъ шведами.

Послѣ этого сраженія, русскіе продолжали движеніе дальше въ непріятельскую страну, все опустошая на своемъ пути; солдатъ было взято въ плѣнъ 140 чел., „а сколько чухны взято— нельзя опредѣлить, потому что черкасы по себѣ ее разобрали; я отнимать не велѣлъ, чтобы охочѣе были"—такими словами

[1]) К. П. Щелковъ. Хронол. Харьк. губ.

доносилъ Шереметьевъ въ письмѣ своемъ къ царю. Вскорѣ, однако, пришлось пріостановить дальнѣйшее движеніе войскъ, по причинѣ необыкновенно глубокихъ снѣговъ, сильно утомлявшихъ войска, которыя тонули въ нихъ [1]). Слободскіе полки и малороссійскіе козаки были отпущены домой, ибо „обезлошадили" [2]). За полной невозможностью собирать фуражъ въ опустошенной странѣ, такъ какъ въ ней „ничего не вспахано, и не кошено" [3]),—нельзя было держать при войскѣ значительныхъ кавалерійскихъ массъ, да и ремонтировать полки недостающими лошадьми тоже представлялось задачей крайне трудной.

Въ концѣ 1702 г. Харьковскій полкъ прибылъ домой.

Въ концѣ января 1709 г. Карлъ XII двинулся къ Опошнѣ; въ происшедшемъ здѣсь дѣлѣ принималъ участіе и Харьковскій полкъ, а такъ-же и подъ Веприкомъ подъ командою полковника Лав. Ив. Шидловскаго [4]). Карлъ вступилъ затѣмъ въ предѣлы Слободской Украины; ожидали даже нападенія его на г. Ахтырку и, въ видахъ обороны, укрѣпили ее и сожгли предмѣстіе, но шведы двинулись на Красный Кутъ. Происходили нѣкоторыя стычки съ непріятелемъ въ предѣлахъ Ахтырскаго полка. Красный Кутъ, Городня были сожжены по приказу короля [5]), а такъ-же и г. Опошня.

Державшіеся до этого времени необычайно жестокіе морозы, погубившіе не мало людей, сразу смѣнились оттепелью, а 13 фев. былъ сильный дождь, благодаря чему быстро и сильно разлились рѣки, и всѣ низкія мѣста были затоплены. Это заставило Карла поспѣшить обратно въ гетманщину, добраться куда, идя по водѣ, подъ которою скрылись всѣ дороги и мосты, стоило шведамъ не мало усилій и жертвъ.

Появленіе шведовъ вблизи Ахтырки давало основаніе опасаться нападенія и на Харьковъ. По этому было предписано (20 янв.) заготовить лѣсъ для починки Харьковской крѣпос-

---

[1]) Н Устряловъ. Ист. цар. Петра В., т. IV, стр. 112.

[2]) Ibidem, стр. 115.

[3]) Ibidem.

[4]) К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 12. (Опираясь на показанія Л Шидловскаго 1725 г. Герольдмейстеру).

[5]) Н. Костомаровъ. Мазепа и Мазепинцы, стр. 493.

тя, пришедшей нѣсколько въ упадокъ; предписывалось также, собравъ возможно скорѣе провіантъ и фуражъ, выслать его въ Лебединъ, гдѣ собраны были тогда русскія войска [1]).

Лѣтомъ этого года, въ день Вознесенія Господня (2 іюня), проѣзжая чрезъ г. Харьковъ, Петръ Великій, принявъ церковь св. Николая за соборную, слушалъ въ ней часы, послѣ былъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ читалъ Апостола; осмотрѣвъ городъ и крѣпость и пообѣдавъ у Гр. Сем. Квитки, царь уѣхалъ чрезъ Люботинъ и Валки въ армію [2]).

Полки слободскіе, въ числѣ которыхъ былъ и Харьковскій, были расположены по границамъ гетманщины, чтобы не пропускать отрядовъ запорожцевъ, проникать въ Украину (манифестъ 26 мая 1709 года) [3]); поэтому полку Харьковскому не пришлось принять участіе въ знаменитой Полтавской битвѣ (27 іюня 1709 г.), окончившейся полнымъ разгромомъ арміи Карла XII, которую онъ привелъ въ Украину.

Хотя полтавское сраженіе и нанесло шведамъ страшный ударъ, но война на этомъ не кончилась; она тянулась еще много лѣтъ, и только 1721 г. 30 авг. былъ заключенъ славный для Россіи Ништадскій миръ. Полкъ Харьковскій хотя и не принималъ участія въ послѣднихъ годахъ этой войны, но тѣмъ не менѣе понесъ много бѣдъ и потерь отъ обстоятельствъ, вызванныхъ этою войною, благодаря измѣнѣ малороссійскаго гетмана Мазепы. Въ предѣлахъ Слободской Украины, къ тому же, были размѣщены плѣнные шведы, взятые подъ Полтавою—это легло тяжелымъ бременемъ на жителей, ибо они должны были содержать ихъ на свой счетъ и нести по этому случаю еще другія повинности [4]).

[1]) К. П. Щелковъ. Харьковъ, стр. 12. Авторъ названной книги часто ссылается на №№ дѣлъ архива Харьк. Губер. Правленія. Архивъ этотъ въ послѣднее время переданъ въ вѣдѣніе Харьковскаго Университета и называется „Харьковскимъ историческимъ архивомъ“. Въ немъ хранятся дѣла Харьк. полковой канцеляріи, начиная съ 1736 г. (есть, впрочемъ, нѣсколько связокъ дѣлъ 1713 г.).

Авторъ, работая въ названномъ архивѣ, не могъ найти многихъ тѣхъ дѣлъ, на которыя ссылаются въ своихъ сочиненіяхъ пр. Филаретъ и К. П. Щелковъ. Гдѣ могли дѣваться эти дѣла при общей передачѣ архива университету—неизвѣстно.

[2]) Пр. Филаретъ. Ист.—ст. обозрѣніе, отд. II, стр. 66.

[3]) И. Гербель. Из. сл. коз. п., стр. 54.

[4]) И. Головинскій. Слоб. коз. п., гл. IV.

Торжествуя окончаніе многолѣтней и трудной войны, въ которой онъ побѣдилъ противника, считавшагося непобѣдимымъ, Петръ Великій на славу отпраздновалъ заключеніе мира, который принесъ столько выгодъ и далъ ему возможность „ногою твердой стать у моря". Праздновала со своимъ новымъ Императоромъ и вся Россія. Этою „всерадостною вѣдомостью" Петръ спѣшилъ подѣлиться со своими вѣрными подданными и съ нарочнымъ курьеромъ, Аф. Мелгуновымъ, прислалъ въ Харьковскій полкъ на имя его полковника, Гр. Сем. Квитки, грамоту (8 сент.), въ которой извѣщалъ о заключенномъ „вѣчномъ мирѣ". Грамота эта повелѣвала, чтобы въ полку, съ полученіемъ ея „достодолжное благодареніе отправляли празднественное съ молебнымъ пѣніемъ торжество въ разныя времена трекратно". Первое—въ день полученія грамоты, второе—22 окт., третіе—28 янв. 1722 г. съ семидневнымъ звономъ, какъ это бываетъ въ праздникъ св. Пасхи [1]).

Во время Великой Сѣверной войны, въ которой Петръ напрягалъ всѣ свои силы въ борьбѣ съ энергичнымъ и даровитымъ Карломъ XII, всѣ недоброжелатели царя, стремившіеся помѣшать ему въ его преобразованіяхъ, пытались подбивать народъ къ безпорядкамъ, приглашая „стоять за бороды и стараго покроя платье".

Вслѣдъ за вспыхнувшимъ въ Астрахани бунтомъ, который былъ подавленъ Шереметьевымъ, въ 1707 г. поднятъ былъ по Дону снова и на этотъ разъ грозившій принять серьезные размѣры бунтъ козаковъ, во главѣ которыхъ сталъ атаманъ Кондратій Булавинъ. Причины, вызвавшія это волненіе, были слѣдующія:

Съ давнихъ временъ Волга и Донъ служили притономъ для всѣхъ уходившихъ туда, чтобы избѣжать гнета, тягости денежныхъ поборовъ и несправедливостей воеводъ; кому грозила петля или плаха за разбои и грабежи на большихъ дорогахъ, всѣ недовольные нововведеніями Петра, спасая свои бороды и длиннополые кафтаны, спѣшили уйти на Донъ, кото-

---

[1]) Грамота 1721 г. Квитка. Зап. о Слоб. пол., стр. 13.

рый принималъ ихъ охотно и обратно уже, не взирая на царскіе приказы, не выдавалъ. Козаки смотрѣли на эти требованія, какъ на нарушеніе своихъ вольностей, и потому не подчинялись имъ. Съ теченіемъ времени на Дону накоплялось все больше и больше бѣглыхъ „гультаевъ", число которыхъ увеличивали такъ-же бѣгавшіе изъ арміи солдаты и драгуны. Въ 1707 г. Петръ Великій, желая положить конецъ дальнѣйшему накопленію на Дону бѣглецовъ, предусматривая въ томъ опасность для государства, послалъ на Донъ отрядъ войска подъ начальствомъ кн. Юр. Вл. Долгорукаго для выселенія бѣглецовъ и разоренія городковъ, въ которыхъ они ютились. Всѣ, кому пришлось-бы возвратиться обратно къ той жизни, отъ которой они бѣгали, а такъ-же и козаки, недовольные нарушеніемъ ихъ вольностей, возстали съ атаманомъ Кондратомъ Булавинымъ во главѣ; они внезапно напали на царское войско, истребили его до единаго и убили его предводителя. Ободренный успѣхомъ, Булавинъ сталъ разсылать призывныя грамоты и пошелъ по донецкимъ городамъ. Предположенія Булавина, въ случаѣ успѣха, были смѣлы—онъ хотѣлъ идти на Воронежъ и далѣе—до самой Москвы.

Донской атаманъ Лукьянъ Максимовъ выступилъ между тѣмъ противъ Булавина и разбилъ его у р. Айдары, послѣ чего Булавинъ ушелъ въ Запорожье, гдѣ его приняли и даже позволили набирать охотниковъ; къ нему пристало нѣсколько сотенъ, съ которыми онъ, перейдя р. Днѣпръ, сталъ на р. Вороновкѣ и разослалъ призывныя грамоты: „Атаманы—молодцы, дорогіе охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! Кто похочетъ съ военнымъ походнымъ атаманомъ К. Булавинымъ, кто похочетъ съ нимъ погулять, по чисту полю славно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить, то пріѣзжайте на черныя вершины самарскія". Охотниковъ набралось много. Булавинъ перебрался въ верхніе донскіе городки, гдѣ встрѣтилъ много сторонниковъ. Высланный противъ Булавина полк. Васильевъ вмѣстѣ съ атаманомъ Максимовымъ при р. Лисковаткѣ былъ разбитъ (8 апр. 1708 г.). Побѣда эта доставила Булавину еще больше сторонниковъ, и бунтъ этотъ очень встревожилъ Петра тѣмъ

болѣе, что нашествіе Карла на Украину сильно осложняло положеніе дѣлъ. Петръ послалъ противъ мятежниковъ лучшаго изъ своихъ офицеровъ кн. Вас. Вл. Долгорукаго, брата убитаго, съ приказаніемъ жечь „безъ остатку" городки и деревни и „людей рубить"... „ибо сія сарынь, кромѣ жесточи, не можетъ унята быть" [1]).

Между тѣмъ Булавинъ, не встрѣтя нигдѣ сопротивленія, пошелъ внизъ по Дону, осадилъ (28 апр.) Черкаскъ и взялъ его. Булавинъ былъ выбранъ атаманомъ, вмѣсто казненнаго имъ Максимова; онъ остался въ бездѣйствіи въ Черкаскѣ, дробилъ безполезно свои силы, высылая отряды по разнымъ направленіямъ.

Харьковскій полковникъ и бригадиръ Ѳед. Вл. Шидловскій съ отрядомъ, въ которомъ участвовалъ и Харьковскій полкъ, подъ начальствомъ своего наказнаго полковника Л. Шидловскаго [2]), вступилъ съ бунтовщиками въ бой въ урочищѣ Кривая Лука, недалеко отъ Тора (Славянска). У непріятеля было 5 тысячъ донскихъ козаковъ и $1^1/_2$ тысячи запорожцевъ; мятежники понесли пораженіе. Запорожцы ушли въ Бахмутъ, гдѣ ихъ и осадилъ Шидловскій; бунтовщики сдались и просили пощады, но ихъ, какъ измѣнниковъ, истребили, а городъ сожгли [3]).

Дѣла Булавина становились плохи. Козаки были раздражены противъ атамана за то, что онъ не выручалъ своихъ отрядовъ, которыхъ били, и рѣшили съ нимъ покончить. Они осадили Булавина въ домѣ, гдѣ онъ заперся. Видя безполезность борьбы и хорошо зная, что ждетъ его, если онъ будетъ схваченъ и выданъ правительству, Булавинъ застрѣлился. Съ его жизнію кончилось и возстаніе [4]).

По окончаніи бунта, Петръ Великій прислалъ бригадиру Ф. Вл. Шидловскому и „прочей тамошней (Харьковскаго и Изюмскаго) старшинѣ и козакамъ" грамоту изъ Лебедина (отъ 12 дек. 1708 г.), гдѣ „милостиво похвалялъ" козаковъ этихъ

---

[1]) Н. И. Ламбинъ. Ист. Петра В., стр. 394.

[2]) Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 25, св. 321 и Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 65.

[3]) Н. Костомаровъ. Мазепа и Мазеп., стр. 352.

[4]) С. Соловьевъ. Ист. Россіи, т. XV, стр. 218—244.

двухъ полковъ за ихъ вѣрную службу, которую они „дѣйствомъ показали", во время подавленія булавинскаго бунта и измѣны гетмана Мазепы, которая тогда уже была обнаружена. Козаки приглашались и впередъ такъ-же служить вѣрно, не поддаваясь ни на какіе соблазны, за что обѣщались „милость и награжденіе" [1]).

Татарскія нападенія по прежнему продолжали не давать покоя харьковцамъ; даже присутствіе въ Слободской Украйнѣ большого числа русскихъ войскъ не удерживало ихъ отъ нашествій. Въ 1710 г. былъ сдѣланъ набѣгъ на полкъ самимъ ханомъ съ 50 тысячами ордынцевъ. Призвалъ этихъ татаръ Филиппъ Орликъ, писарь генеральный, признанный шведскимъ королемъ и запорожцами гетманомъ, послѣ смерти измѣнника Мазепы. Новый гетманъ слѣдовалъ по пути своего предшественника. Чтобы побудить слобожанъ къ измѣнѣ, онъ разослалъ письма, которыми старался, расточая въ нихъ лесть и разныя обѣщанія, привлечь ихъ на свою сторону [2]); но наученные опытомъ прежнихъ измѣнъ Выговскаго и Брюховецкаго, слобожане устояли. Орликъ вступилъ въ переговоры съ ханомъ, которому относительно слобожанъ говорилъ: „если обыватели слободъ, переведенные изъ-за днѣпровской Украйны, откажутся отъ союза съ нами и станутъ упорствовать, тогда надобно поступить съ ними, какъ съ врагами, и если встрѣтится препятствіе къ занятію слободъ, тогда надобно принудить слобожанъ силою къ тому, чтобы они вышли изъ слободъ и поселились на правомъ берегу Днѣпра" [3]) (этимъ-же прельщалъ татаръ и Петрикъ). Большая снова грозила слобожанамъ опасность, если бы этотъ коварный планъ удался.

Взявъ русскій г. Сергіевскъ, ханъ появился въ предѣлахъ Харьковскаго полка и дошелъ до д. Водолагъ. Здѣсь произошелъ прискорбный случай: жители Водолагъ, вмѣсто того, чтобы, по примѣру своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, биться съ татарами, встрѣтили крымскаго хана съ хлѣбомъ и солью,

---

[1]) Грамота 1708 г. В. В. Гуровъ. Сбор. суд. рѣш., стр. 582.

[2]) Лѣтопись самовидца, стр. 301.

[3]) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 66.

изъявляя ему тѣмъ свою покорность. „Прелестныя“ воззванія Орлика, видимо, произвели свое дѣйствіе. Передавшихся слобожанъ ханъ приказалъ отправить къ г. Вольному, чтобы поселить ихъ тамъ въ степяхъ, принадлежавшихъ татарамъ. Измѣнниковъ этихъ нагналъ на дорогѣ полтавскій полковой судья П. Кованько, но они встрѣтили его не какъ своего избавителя, чего можно было-бы ожидать въ предположеніи, что передались они, будучи къ тому вынуждены обстоятельствами, а встрѣтили съ оружіемъ въ рукахъ, думая отбиваться. Кованько пригналъ ихъ къ Полтавѣ, гдѣ съ ними поступили, какъ съ измѣнниками, поднявшими оружіе противъ своего государя: десятый человѣкъ изъ нихъ былъ казненъ смертью, а остальные съ женами и дѣтьми отправлены въ ссылку [1]).

Въ продолженіи двухъ лѣтъ (1711—1712 гг.) Орликъ продолжалъ все таки „Украйнего колотить“. Харьковцы бѣдствовали отъ нападеній татаръ и буйныхъ, непостоянныхъ запорожцевъ. Толпы грабителей жгли деревни, грабили имущества и уводили жителей въ плѣнъ. Самому полковому г. Харькову грозила большая опасность; его укрѣпленія и пушки, державшія всегда ордынцевъ въ почтительномъ отдаленіи, удержали ихъ и на этотъ разъ, но жители были въ большомъ страхѣ и начали уже принимать мѣры предосторожности на случай осады, ибо непріятель не дошелъ только трехъ верстъ до города. Не такъ благополучно и дешево отдѣлались другія мѣстечка полка: Мерефа (1711 г.) была страшно разорена, выжжена,—сгорѣла и церковь, многіе жители уведены въ плѣнъ; потерпѣли много Валки и Перекопъ; этотъ злосчастный городъ въ 1711 г. въ третій разъ (1680 г. и 1699 г.) былъ разрушенъ и сожженъ, и, на этотъ уже разъ, до основанія; „того городка всѣ обыватели отъ мала до велика въ полонъ забрали со всѣми ихъ скоты и пожитки“. Подобные грабежи продолжались много лѣтъ. Только въ три года (1718—1720 гг.) постоянныхъ нападеній и грабежей запорожцевъ—или, какъ ихъ называли, „харцызовъ“—Харьковскому полку, причинено было убытку на 4530 руб. по оцѣнкѣ того времени, а

[1]) Н. Костомаровъ. Мазепа и Маз., ст. 635. Хронограф. описаніе г. Харьк.

на наши деньги будетъ около 45 тысячъ. Данныя эти почерпнуты изъ сохранившихся дѣлъ объ этихъ грабежахъ: въ 1718 г. было награблено на 1177, въ 1719—на 3085 и въ 1720 на 268 руб.

Ханъ, противъ воли котораго производились эти грабежи, вслѣдствіе сношеній и требованія царя, въ вознагражденіе прислалъ скота на сумму 876 руб. Этимъ пришлось подѣлиться еще съ Изюмскимъ полкомъ, такъ что едва $^{1}/_{10}$ часть убытковъ была вознаграждена и то только 1718—1720 годовъ, а раньше произведенныхъ грабежей (1714—1717 гг.) ханъ не призналъ. Кромѣ этихъ, такъ сказать, явныхъ враговъ, въ Харьковскомъ полку, во время послѣднихъ смутъ Булавина и Мазепы, наплодилось множество бродягъ—„бурлаковъ", шатавшихся по лѣсамъ; они производили грабежи по большимъ дорогамъ, нападали на уединенные хутора и пасѣки [1]).

Тяжелое это было время для полка: съ одной стороны нападенія татаръ и запорожцевъ — „харцызъ" — и внутренніе разбои, съ другой — присутствіе русскаго войска, на содержаніе котораго брали безъ всякаго контроля и вознагражденія провіантъ, фуражъ и деньги, а къ тому-же въ 1718 и 1719 годахъ посѣтила Слободскую Украину и моровая язва, отъ которой умирало много козаковъ [2]). По окончаніи войны съ Турціею и заключеніи Прутскаго мира (1711 г.), по которому Азовъ снова переходилъ къ Турціи, для размежеванія границъ отъ Харьковскаго полка потребованы были казаки—компанейцы въ распоряженіе губернатора Комѣева; людей приказывалось назначить такихъ, которые-бы хорошо были знакомы съ пограничными степями и всякими урочищами отъ рр. Самары и Орели до Азова. Отъ Харьковскаго полка для этой цѣли были назначены два сотника — Ольшанскій Як. Ковалевскій и Угольчанскій Ив. Капустянскій съ 150 козаками отъ 14 сотенъ полка, съ нужнымъ числомъ подводъ [3]); въ этой командировкѣ козаки пробыли 1713 и 1714 года.

---

[1]) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 59, 62, 63, 66, 68, 90, 198—201, 275.

[2]) Мос. Отд. арх. гл. шт., оп. 95, св. 321.

[3]) Хар. Ист. Арх., отд. VIII, № 21 (1714) и Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 25, св. 321.

При Петрѣ Великомъ Слободская Украина начала подвергаться нѣкоторымъ преобразованіямъ. Хотя этотъ государь своими жалованными грамотами постоянно и подтверждалъ козацкія вольности, но, рядомъ съ этимъ, издавалъ такія постановленія, которыя начали понемногу выводить ее изъ того исключительнаго положенія, въ которомъ она была при прежнихъ государяхъ, и уравнивать ее съ прочими областями государства. Такъ, самая территорія Харьковскаго полка, при раздѣленіи Россіи на 8 губерній (указъ 18 дек. 1708 г.), отошла къ Кіевской. Указомъ-же 1719 г. 29 мая всѣмъ слободскимъ полкамъ по судебнымъ и уголовнымъ дѣламъ велѣно было быть подъ вѣдомствомъ бѣлгородской провинціальной канцеляріи Кіевской губерніи [1]).

Это уже было большое ослабленіе власти полковниковъ. Да и самъ полковникъ, избранный полкомъ, теперь долженъ былъ утверждаться царемъ, если только притомъ онъ соглашался съ такимъ выборомъ, а если нѣтъ, то выбирался тогда другой, а то и просто назначался царемъ. Слобожанамъ было предоставлено право на неправильныя рѣшенія полковой ратуши и на полковую старшину жаловаться бѣлгородскому воеводѣ, а на этого послѣдняго въ Курскій надворный судъ[2]).

Въ полку, по распоряженію царя, были заведены трубачи и литаврщики. Самая служба полковая сдѣлалась строже [3]).

Въ предѣлахъ слободскихъ полковъ въ 1709 г. была расположена на квартирахъ цѣлая дивизія русскихъ войскъ подъ начальствомъ Апраксина; ему подчинены были также и всѣ слободскіе полки; военными и гражданскими дѣлами ихъ съ этого времени начали завѣдывать русскіе генералы, начальники дивизіи, называвшейся по мѣсту своей стоянки „Украинскою" [4]). Это былъ большой ударъ для полковниковъ: ихъ прежняя самостоятельность и независимость съ того времени отошла въ область преданій; полковая старшина и сотники стали назначаться генераломъ, правда, по аттестаціи полковниковъ.

---

[1]) Пол. Соб. Зак., т. V, № 3380.
[2]) П. Головинскій. Сл. коз. п., гл. IV.
[3]) И. И. Срезневскій. Ист. об., стр. 14.
[4]) П. Головинскій. Сл. коз. п., гл. IV.

Квартированіе русскихъ войскъ ложилось большимъ гнетомъ на полкъ, вслѣдствіе того, что продовольствіе, какъ на солдатъ, такъ и на офицеровъ забиралось у козаковъ безотчетно [1]), ибо солдаты стояли по квартирамъ у обывателей и получали кормъ для себя и для своихъ лошадей безъ всякихъ росписокъ[2]).

Въ заботѣ своей о населеніи Слободской Украины Петръ Великій издалъ указъ (18 сен. 1712 г.), присланный на имя Харьковскаго полковника Пр. Вас. Куликовскаго; вызванъ этотъ указъ былъ слѣдующимъ обстоятельствомъ: члены полковой харьковской старшины — обозный Вас. Ковалевскій, судья Сем. Афанасьевъ, есаулъ Гр. Афанасьевъ, писарь Дм. Ходоленко, всѣ сотники и посполитые подали царю челобитье, въ которомъ приносили жалобу на своего полковника, обвиняя его въ томъ, что онъ, безъ видимыхъ причинъ. смѣщаетъ полковыхъ старшинъ и беретъ для своихъ домашнихъ работъ число работниковъ болѣе положеннаго. Такъ какъ эта жалоба была основательна, то царскій указъ „подъ жестокимъ штрафомъ" предписывалъ старшинъ безъ указа не перемѣнять и работниковъ болѣе назначеннаго числа не брать. Куликовскому повелѣвалось, снявъ съ этой грамоты копію, подлинную передать въ ратушу „для вѣдома". По прежнимъ-же правиламъ, выработаннымъ „обыкностью", полковникъ пользовался служилыми людьми для своихъ работъ, для возки дровъ и т. п. изъ своихъ маетностей, членамъ-же полковой старшины „для вспоможенія въ службѣ" назначались служилые люди: обозному, судьѣ, есаулу, городничему (атаману) и писарю по 15, а сотникамъ по 10 чел. Полковникъ Куликовскій, видимо, безотчетно распоряжался и денежными сборами, ибо полчане въ своей челобитной просятъ также, чтобы относительно сборовъ и расходовъ по различнымъ нуждамъ полка быть по прежнему, т. е., съ общаго согласія со старшиною—исполнить эту просьбу указъ этотъ также предписывалъ Куликовскому [3]).

Въ 1714 г. послѣдовало нововведеніе: изъ старшинскихъ дѣтей, называвшихся полковыми козаками, были учреждены

[1]) П. Головинскій. Сл. коз. п., гл. VI.

[2]) Хар. ист. арх., отд. VIII, № 54. (Экстр. о слобод. полкахъ).

[3]) Полн. собр. зак., т. VI, № 2585.

подпрапорные—въ полку ихъ положено имѣть 39; ихъ назначеніе было состоять при полковомъ прапорѣ, для посылокъ по разнымъ дѣламъ, съ командами; служили они „съ своихъ грунтовъ“, т. е., не получали никакого содержанія отъ полка. Назначеніе въ подпрапорные зависѣло отъ полковника [1]). При Петрѣ была произведена въ Слободскихъ полкахъ въ первый разъ поголовная перепись; для этой цѣли въ Харьковскій полкъ былъ присланъ маіоръ Дм. Лихаревъ (1722 г.) [2]).

Въ 1711 г. поселены были въ предѣлахъ Харьковскаго полка молдаване, пришедшіе туда съ кн. Кантеміромъ. Было приказано дать ему въ г. Харьковѣ дворъ съ фольваркомъ и деревни, принадлежавшія прежде Ѳед. Вл. Шидловскому. Далѣе, с. Балаклея отдана была волошскому стольнику Дм. Еникею, Новомышскъ волошскому спатарю Юр. Меченку, Волосскій Кутъ полковнику Абазѣ. Кромѣ молдаванъ переселились и были размѣщены въ слободскихъ полкахъ еще сербы и калмыки. Народъ украинскій очень недружелюбно смотрѣлъ на этихъ переселенцевъ: они были имъ люди чужіе, не несли съ ними никакихъ тягостей, такъ какъ отъ всякихъ податей были избавлены. Явились они въ этотъ край, такъ сказать, на готовое, тогда какъ слобожанамъ приходилось долго здѣсь бороться и вложить не мало труда, пока они не устроили занятаго ими края и не оградили себя капитальными сооруженіями отъ опустошительныхъ набѣговъ татарскихъ. Волошскіе дворяне получили въ слободскихъ полкахъ 710 дворовъ [3]).

Недовольство козаковъ на пришельцевъ увеличивалось еще и тѣмъ, что эти чужеземцы, получившіе незаслуженно такъ много привиллегій, позволяли себѣ многія притѣсненія и насилія надъ истинными владѣтелями, бывшими постоянно вѣрными царю, своею жизнію жертвовавшими для защиты границъ государства.

Такимъ образомъ, на Украинѣ черкасы перестали быть хозяевами, а ихъ шляхетство уступило свое мѣсто русскимъ вельможамъ, да иноземнымъ выходцамъ.

[1]) Хар. ист. арх., от. VIII, № 54 (Экст.)
[2]) Пол. соб. зак., т. VI, № 4090.
[3]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 527.

При большомъ наплывѣ чужеземцевъ, русскихъ чиновниковъ и служилыхъ людей, внесшихъ свои взгляды, порядки и привычки того времени, и вслѣдствіе частаго и тѣснаго общенія полчанъ съ ними, нравы ихъ начали портиться. Среди слобожанъ стали практиковаться доносы другъ на друга, благодаря которымъ возбуждались такія дѣла, о которыхъ козаки въ прежнее время не имѣли ровно никакого понятія. Часто одно неосторожное слово, вылетѣвшее спроста изъ устъ подгулявшаго козака, и донесенное кѣмъ либо изъ желанія выслужиться или попасть въ милость у русскихъ начальниковъ, служило поводомъ къ возникновенію цѣлаго дѣла и влекло за собою тяжелыя наказанія. Для нагляднаго примѣра приведемъ здѣсь одно такое характерное дѣло, случившееся въ Харьковскомъ полку въ послѣдній годъ царствованія Петра Великаго.

Изъ мѣстечка Перекопца (въ силу указа 13 нояб. 1723 г.) приказано было доставлять провіантъ въ г. Царевъ. Наряженный везти его козакъ Федоръ Антоновъ пришелъ къ своему сотнику, Ивану Капустину, и сталъ просить его позволенія взять у другого козака вола, для припряжки къ своему, такъ какъ одинъ изъ его воловъ заболѣлъ. „Лихо намъ, пане сотнику, съ тѣмъ провіантомъ отъ такого лихого пути", сказалъ при этомъ козакъ. На что сотникъ ему отвѣтилъ: „по мнѣ ты хоть найми, а провіантъ повези, а я тебѣ другого вола къ твоему въ припряжку не дамъ. Теперь вы кажете лихо, але не допусти, Боже, нашему Императору турчина подъ свою область подживити, то будутъ на нашихъ головахъ драгуны колъ острить".

Слова эти были сказаны сотникомъ при двухъ свидѣтеляхъ и не замедлили достигнуть до ушей „попа Василя", который и поспѣшилъ подать письменный доносъ. Генералъ-маіоръ фонъ-деръ-Ропъ приказалъ разслѣдовать это дѣло полковнику Еропкину и, по окончаніи, направилъ его къ князю Голицыну, который представилъ его на разсмотрѣніе въ военную коллегію.

При производствѣ слѣдствія, сотникъ Капустинъ пробовалъ было запираться, говоря, что „тѣми словами онъ, попъ, оболгалъ его напрасно", но при очной ставкѣ со свидѣтелями

повинился—„призналъ себя винна“, говоря, что сказалъ эти слова, „осердясь на мужика Антонова, съ простоты своей не признавая, что есть въ тѣхъ словахъ важность“. Къ этому онъ еще прибавилъ, что „никогда ничего подобнаго ни прежде, ни послѣ не говорилъ и умышленія на Императорское Величество никакого не имѣетъ, такъ переписки и словеснаго согласія съ неприятелями изъ-за турецкой границы никакого не имѣетъ“. Значитъ, словамъ Капустина, сказаннымъ козаку Антонову, придали серьезное значеніе и заподозрили чуть-ли не въ государственной измѣнѣ.

На донесеніе Голицына военная коллегія отвѣтила, что право разбирать судебныя дѣла въ слободскихъ полкахъ и наказывать виновныхъ, въ силу данной инструкціи (1723 г. 29 апр.), принадлежитъ ему, Голицыну, какъ начальнику слободскихъ полковъ и другихъ нерегулярныхъ войскъ на Украйнѣ. Чрезъ годъ послѣ начатія дѣла, въ продолженіи котораго Капустинъ, по всей вѣроятности, томился подъ арестомъ, Голицынъ произнесъ надъ сотникомъ свой приговоръ, который былъ сравнительно еще очень милостивъ, благодаря только случайнымъ обстоятельствамъ. Въ приговорѣ говорилось, что хотя сотникъ Капустинъ и осмѣлился произнести такія „непотребныя слова“ и что ему за то преступленіе и слѣдовала-бы смерть („хотя не донатурально, но политически“), но, въ силу указовъ (отъ 25 января и 5 февраля 1725 г.), „для поминовенія Его Величества и для многолѣтія здравія Ея Императорскаго Величества вящая ему вина отпущена“, но чтобы впредь ему ничего подобнаго въ голову не приходило, опредѣлялось „по ихъ козацкому обыкновенію выбить (сотника Капустина) кіями и написать въ рядовые козаки, а на его мѣсто выбрать въ сотники достойнаго“ [1]).

Но рядомъ съ этими неотрадными явленіями на Украйнѣ, въ слободскихъ полкахъ начала понемногу распространяться грамотность, заводились школы, гдѣ дѣти козаковъ учились церковному чтенію и письму. Не чужды были полку Харьковскому въ этотъ ранній періодъ и литературныя занятія: такъ, козакъ Семенъ Климовскій написалъ книгу: „О правдѣ и

[1]) Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 47, св. 263.

великодушія добродѣтелей“. Книга эта написана стихами и относится къ 1724 г., рукопись ея хранится въ Императорской публичной библіотекѣ. Климовскому, какъ говорятъ, принадлежатъ также и слѣдующія сочиненія: „О дивныхъ всероссійскаго монарха (Петра I) дѣлахъ, о мудрости его и трудахъ“ и „О пришествіи короля шведскаго Карла XII внутрь Украйны и объ измѣнѣ Мазепы“. Этому поэту-козаку приписываютъ сочиненіе пѣсни, обратившейся со временемъ въ народную,— „не хочу я никого, только тебе одного“ [1]).

—

Построивъ Петербургъ, царь Петръ задумалъ связать его съ внутренними губерніями удобнымъ воднымъ путемъ, который снабжалъ-бы городъ хлѣбомъ и способствовалъ-бы развитію внутренней торговли. Петръ даже мечталъ проѣхать когда-либо водою изъ новой столицы въ Москву. Было рѣшено прорыть каналъ, который тянулся-бы параллельно берегу Ладожскаго озера и связывалъ-бы р. Неву съ р. Волховомъ, избѣгая, такимъ образомъ, бурливаго и опаснаго для плаванія озера, поглощавшаго ежегодно до одной трети плававшихъ по немъ судовъ. Длина канала должна была равняться 104 верстамъ [2]). Постановивъ въ своей всеобъемлющей головѣ необходимость этой постройки, царь Петръ съ свойственными ему энергіею и настойчивостью приступилъ къ исполненію задуманнаго. Онъ повелѣлъ начать постройку канала немедленно и работникамъ быть со всего государства. Указомъ 17 окт. 1718 года приказывалось, между прочимъ, и слободскимъ полкамъ выставить работниковъ, назначая по одному человѣку съ семи дворовъ [3]). Каждымъ тремъ работникамъ вмѣнялось въ обязанность взять съ собою заступъ, лопату, кирку и топоръ. Кіевская и Воронежская губерніи всѣхъ наряженныхъ по этому разсчету рабочихъ должны были выслать въ Петербургъ къ апрѣлю 1719 года, въ сопровожденіи „добрыхъ приводцевъ“ и снабдить ихъ провіантомъ на одинъ

[1]) Харьковскій Календарь 1886 г., стр. 138.
[2]) П. Семеновъ. Геогр. стат. сл.
[3]) Полн. соб. зак., т. V, № 3233.

мѣсяцъ. Въ Петербургѣ козаки получали провіантъ изъ магазиновъ. На одного человѣка полагалось въ мѣсяцъ по полъосмины муки, по одной восьмой четверика крупъ и по два фунта соли [1]). Правительство, впрочемъ, не на свой счетъ кормило работниковъ, ибо было приказано взыскать за выданный провіантъ деньги еще впередъ по подрядной цѣнѣ съ тѣхъ шести дворовъ, которымъ не пришлось выставить работника. Съ этихъ-же дворовъ приказано было взыскать еще и деньги съ такимъ разсчетомъ, чтобы на каждаго человѣка приходилось въ теченіе перваго мѣсяца на подъемъ и кормъ по полтора рубля, а на остальные семь мѣсяцевъ по одному рублю, что и составило сумму въ 50,362 р. Изъ нихъ на руки было отдано людямъ по полтора рубля на человѣка, а остальныя деньги приводцы должны были принести съ собою въ Петербургъ.

Архивы намъ не сохранили никакихъ подробностей о числѣ харьковцевъ, принимавшихъ участіе въ этой „канальной работѣ", ни объ ихъ положеніи тамъ. Одно только, случайно уцѣлѣвшее, „вѣдѣніе" [2]) о Харьковскомъ полку, подписанное полковникомъ Квиткою, сообщаетъ отрывочное извѣстіе объ участіи полка въ постройкѣ Ладожскаго канала въ 1721 и 1722 годахъ. Оно говоритъ о томъ, что не мало тамъ погибло козаковъ отъ тягости земляныхъ работъ. Но сколько именно пало жертвою харьковскихъ слобожанъ—неизвѣстно, хотя приблизительно о томъ можно судить изъ подобнаго-же „вѣдѣнія" объ Ахтырскомъ полку [3]), гдѣ говорится, что въ одномъ только 1721 году при этой работѣ умерло 260 козаковъ. Командировки эти, начавшіяся въ 1719 году, продолжались, кажется, по 1723 годъ; работы производились круглый годъ [4]).

Тягость зимнихъ работъ, недостатокъ въ удобныхъ жилыхъ помѣщеніяхъ и непривычка украинцевъ къ сѣверному суровому климату послужили причиною тому, что немалое число погибшихъ вдали отъ родины козаковъ запечатлѣли своею смертію эту тяжелую работу.

---

[1]) Полн. соб. зак., т. V, № 3233.

[2]) Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 25, св. 321.

[3]) Ibidem.

[4]) Пол. соб. зак., т. VII, № 4156.

Глава X.

Походъ полковника Квитки въ Персію въ 1725 году, составъ его отряда и назначеніе.—Крѣпость св. Креста.—Потери полка въ походѣ.—Экспедиція въ горы.—Продолжительность командировки.—Походы слѣдующихъ годовъ.—Командировка команды въ Саратовъ.—Росписаніе нарядовъ, которые полкъ несъ въ то время.—Просьба слободскихъ полковниковъ къ Императору.—Посылка сотника Лисаневича и инструкція ему.—Взяточничество старшинъ.—Результатъ посольства Лисаневича.—Компаментъ.—Указъ о подчиненіи слободскихъ полковъ военной коллегіи.—Архивъ въ Лефортовскомъ дворцѣ въ Москвѣ.—Харьковскій историческій архивъ.—Слѣдствіе реформъ кн. Шаховскаго.—Запутанность отношеній.—Введеніе чина ротмистра, регулярной роты; ея штатъ.—Перепись Хрущева.—Виды поселеній.—Число и названія сотенъ полка.—Реформы, введенныя въ полкъ кн. Шаховскимъ.—Коммиссія учрежденія слободскихъ полковъ.—Штатъ полка, распредѣленіе козаковъ по сотнямъ.—Дѣленіе населенія на дворы; подати.—Драгунскій полкъ.—Расквартированіе русскихъ полковъ на Украйнѣ.—Положеніе козаковъ.—Отголосокъ „слова и дѣла“ въ странѣ.—Бригадиры слободскихъ полковъ.—Полковое и сотенныя знамена, полковая печать.—Гдѣ покупался порохъ.

Къ первому году царствованія Императрицы Екатерины I относится походъ отряда русскихъ войскъ на усиленіе „низоваго“ корпуса генерала Матюшина, расположеннаго въ провинціяхъ Дагестана—въ Гильянѣ, Мазандеранѣ и Астербахѣ и остававшагося тамъ со времени похода въ Персію императора Петра Великаго.—Въ составъ войскъ этого вспомогательнаго корпуса, вошелъ отрядъ силою въ тысячу козаковъ, нарѣженныхъ отъ слободскихъ полковъ. Общее начальство надъ слобожанами поручено было Харьковскаго полка полковнику Григорію Семеновичу Квиткѣ; подъ его командою состояли также двѣ тысячи малороссійскихъ козаковъ, съ ихъ старшинами. Общее-же начальство надъ всѣми войсками было поручено Еропкину.

Отъ Харьковскаго полка въ этотъ походъ пошли: полковникъ, асаулъ, хорунжій, три сотника, попъ и 247 ранговыхъ

козаковъ, всего 257 человѣкъ [1]). Войска направились въ построенную русскими крѣпость св. Креста, въ провинціи Гильянъ, почему этотъ походъ и извѣстенъ подъ именемъ „Гильянскаго". Крѣпость эта (нынѣ Ставрополь, по гречески stavros—крестъ, polis — городъ) была построена при сліяніи р. Сулака съ р. Аграханомъ; мѣсто это найдено было удобнымъ, ибо оно изобиловало пастбищами и лѣсами, а, главное, отсюда было легко наблюдать за дагестанцами, съ которыми приходилось вести борьбу, и поддерживать сношенія съ Дербентомъ. Въ древности на томъ мѣстѣ былъ нѣкогда городъ, населенный христіанами, но его разрушили татары [2]). Въ 1735 году крѣпость св. Креста русскіе оставили по причинѣ нездороваго климата; жителей перевели въ Кизляръ, а укрѣпленія срыли.

Изъ рапорта Еропкина видно, что изъ отряда Харьковскаго полка во время похода въ Гильянъ умерло 3 козака и убыло лошадей 52—(пало отъ изнуренія 10, потонуло на переправахъ—12, брошено за негодностью 10 и безъ вѣсти пропало 9).

26 сентября изъ крѣпости св. Креста былъ посланъ отрядъ въ экспедицію противъ горцевъ; въ предписаніи своемъ ему, генералъ Матюшкинъ ставилъ слѣдующую задачу: „надъ супротивными и недоброжелательными ко имперіи россійской чинить (поискъ), а особливо всячески трудиться, дабы, самого Шемхала (повелителя Дагестана) въ свои руки достать; а ежели поймать его будетъ невозможно, или усмотрѣтся, что онъ уйти куды можетъ, тобъ хотя его, Шемхала, избить" [3]). 13 октября команда послѣ восемнадцатидневнаго похода возвратилась обратно въ крѣпость, прогнавъ непріятеля въ дальнія горы, убивъ 639 дагестанцевъ, спаливъ и разграбивъ въ двадцати деревняхъ нѣсколько тысячъ дворовъ, „по басурмански" называемыхъ „кутокъ" [4]). Въ числѣ разоренныхъ деревень была и крѣпость Торки, мѣсто жительства Шемхалы, поймать или „избить" котораго не удалось. Войска наши пригнали съ со-

¹) Моск. отд. арх. гл. шт., оп. 47, св. 18.

²) Метлинскій. Матер. для ист. Малор., Хар. губ. вѣд. 1840 г., № 1—15

³) Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 47, св. 18.

⁴) Ibidem.

бою множество скота и лошадей. Съ нашей стороны было убито 52 козака, 5 регулярныхъ солдатъ и 111 лошадей.

Служба войскъ, расположенныхъ въ провинціяхъ Дагестана, видимо, была не легкая, ибо Еропкинъ въ рапортѣ своемъ (отъ 30 января 1726 года) доносилъ, что лошади козаковъ, бывшихъ подъ его командою, находились въ „весьма слабомъ состояніи", въ которое пришли вслѣдствіе безкормицы и тяжелыхъ карауловъ, трудной сторожевой службы въ степи и отъ частыхъ экспедицій; въ 1725 году таковыхъ было три [1]). Къ тому же въ мѣстности, гдѣ имъ приходилось жить, господствовали разныя болѣзни, особенно „горячія лихорадки и цынгота", какъ о томъ доносилъ генералъ-фельдмаршалъ Долгоруковъ (отъ 11 августа 1727 года), что онъ приписываетъ главнымъ образомъ, тягостямъ службы, которыми отличался особенно 1727 годъ. Но и мѣстность сама по себѣ была нездорова—это и было причиною оставленія русскими крѣпости св. Креста.

Въ этомъ Гильянскомъ походѣ харьковцамъ пришлось пробыть долго. Изъ письма полковника Квитки (отъ 5 марта 1728 года) къ Голицыну, видно, что въ этомъ году отъ полка требовалось 250 человѣкъ на перемѣну козаковъ, которые „нынѣ въ низовомъ походѣ обрѣтаются уже три года". [2]). По фамильной лѣтописи Квитокъ, полковникъ Григорій Семеновичъ возвратился домой въ 1727 году [3]), но возвратился самъ, такъ какъ отрядъ харьковцевъ тамъ оставался еще одинъ годъ, пока его не перемѣнили новымъ, что видно изъ краткой „вѣдомости", поданной отъ полка въ военную коллегію.

Въ царствованіе императора Петра II послѣдовалъ указъ, повелѣвающій назначить отъ слободскихъ полковъ отрядъ, силою въ тысячу человѣкъ: отъ Харьковскаго полка требовалось 250 козаковъ. Приказъ этотъ (отъ 21 янв. 1728 года) предписывалъ отряду выступить „по самой первой травѣ" и слѣдовать въ тотъ-же гилянскій походъ, въ крѣпость св. Креста. Командованіе сначала предполагалось поручить полков-

[1]) Моск. отд. арх. гл. шт., оп. 47, св. 14.

[2]) Матеріалы Метлинскаго. Харьк. губ. вѣд. 1840 г., №№ 1—15.

[3]) Ibidem.

нику Ушакову и подполковнику Кошелеву; но такъ какъ къ марту Ушаковъ отъ службы былъ отставленъ, а Кошелевъ „неизвѣстно гдѣ обрѣтался“, то новымъ указомъ Голицына (отъ 28 марта) предписывалось отправиться въ походъ, не ожидая великороссійскихъ офицеровъ, и начальство надъ отрядомъ принять изюмскому полковнику Лаврентію Ив. Шидловскому (бывшему харьковскому полковнику). На необходимыя издержки по этому походу положено было собирать деньги, въ разсчетѣ по 5 рублей на человѣка, на 4-го апр. Голицынъ приказалъ не производить никакихъ особыхъ сборовъ на содержаніе отправляемыхъ козаковъ.

Не прошло и мѣсяца послѣ полученія указа о назначеніи въ гилянскій походъ, какъ послѣдовало новое распоряженіе Голицына (7 фев.) назначить отъ Харьковскаго полка 60 козаковъ при сотникѣ и подпрапорномъ въ отрядъ, силою въ 300 человѣкъ. Козаки эти назначались въ распоряженіе саратовскаго воеводы Беклемишева и должны были быть „добры, доброконны и оружейные“. Выступленіе назначалось безъ всякаго отлагательства, какъ только трава поднимется настолько, что можно будетъ прокормить лошадей.

Всѣ эти командировки для козаковъ были въ высшей степени тягостны, ибо правительство имъ ничего на это не отпускало, а доставить все необходимое должны были подпомощники; особенно тяжелы были далекія и долговременныя командировки, когда фуражъ и провіантъ приходилось покупать на деньги, собираемыя съ нихъ. Командировки же были безпрестанны—весь полкъ былъ, по большей части, въ разгонѣ. Такъ, напримѣръ, въ то время Харьковскій полкъ несъ слѣдующіе наряды (изъ письма полковника Квитки къ Голицыну отъ 5 марта [1]).

1) Назначенные въ Гилянскій походъ . .	250	козак.
2) Въ Царицынъ подъ команду Беклемишева.	60	„
3) Въ Бахмутъ*).	40	„

[1]) Метлинскій. Мат. для ист. Малор., Хар. губ. вѣд. 1840 г.

*) Г. Бахмутъ, стоящій на рѣкѣ того-же наименованія, возникъ послѣ открытія въ томъ мѣстѣ соленыхъ источниковъ (во второй половинѣ XVII в.); деревянная крѣпость была построена въ 1703 г. (П. Семеновъ. Геог. Ст. Сл.).

4) На пасахъ . . . . ? козак.
5) Въ г. Шатиловѣ . . . . ? „
6) Въ Перами (?) . . . . 30 „
7) Въ Бахтинѣ . . . . 25 „
8) Для охраненія бударъ и бударныхъ припасовъ въ Изюмѣ . . . . ? „
9) При драгунской почтѣ въ 5 мѣстахъ по 15 человѣкъ . . . . 75 „
10) Въ Харьковѣ по баштамъ (башнямъ). . ? „
11) Для наблюденія отъ Крымской стороны (съ перемѣнною) . . . . 30 „
12) „Въ низовомъ походѣ обрѣтаются уже три года и воротиться домой здоровыми уже не надѣются“ . . . . 250 (?) “

Въ виду такого большого расхода людей, новый назначенный гилянскій походъ былъ для полка очень обременителенъ; кромѣ матеріальныхъ большихъ расходовъ, самая служба тамъ была очень трудна; къ тому-же перемѣнять людей, находящихся въ командировкахъ, было некѣмъ. Такъ какъ подобный порядокъ вещей являлся не временнымъ, вызваннымъ случайными обстоятельствами, съ чѣмъ еще можно было-бы помириться, и такъ какъ этому не предвидѣлось конца, то слободскіе полковники (изюмскаго—Шидловскій, ахтырскаго—Лесевицкій и Григ. Сем. Квитка), съ общаго согласія, рѣшили послать въ Москву къ Императору „просить милости о всенародныхъ необъятныхъ нуждахъ, наче-же о гилянской и саратовской, и бахмутской командираціяхъ“.

Для этой цѣли выбранъ былъ балаклейскій сотникъ Ст. Лисаневичъ; ему вручили „полковое прошеніе“ и „меморіялъ“, въ которомъ излагалась инструкція, какъ ему поступать. На разные расходы посла этого снабдили деньгами (122 руб., 30 алтынъ и 2 деньги), которыя собрали въ слободскихъ полкахъ съ каждаго двора по одному алтыну. Деньгамъ этимъ по возвращеніи Лисаневичъ долженъ былъ представить счетъ. Такъ какъ полковникамъ хорошо было извѣстно, что хлопотать о чемъ-либо въ то время можно было, давая только на право и на лѣво взятки, что они въ своей инструкціи называли „пе-

обходимою нуждою", то Лисаневичу разрѣшалось, если дѣло будетъ клеиться, занять нужныя на это деньги „въ добрыхъ людей на полковой счетъ". Если-же такихъ добрыхъ людей не оказалось-бы, то Лисаневичу приказывалось дать о томъ знать, и тогда деньги ему были-бы высланы съ нарочнымъ. Эти взятки, или какъ ихъ называли еще „откупки", процвѣтали тогда и въ полку, что видно изъ того-же дѣла. При нарядѣ козаковъ въ походъ, козаки Як. Туланиковъ, Вас. Исаевъ и Мих. Куськовъ, Пет. Яременко и Терехъ Исаевъ попали въ число назначенныхъ, но тишковскій сотникъ, Сем. Авксентіевъ, взявъ съ первыхъ трехъ по лошади, а съ остальныхъ по 4 руб., рѣшеніе свое измѣнилъ и назначилъ другихъ. Но этимъ Вас. Исаевъ еще не отдѣлался, съ него сотенный писарь, Осипъ Еременко, содралъ и для себя одного вола [1]). Это лихоимство, видимо, не прошло даромъ для сотника и писаря, разъ фактъ этотъ попалъ въ документъ, но чѣмъ они за это поплатились—неизвѣстно.

Лисаневичъ въ Москвѣ успѣлъ добиться только отчасти цѣли своего путешествія, ибо въ гилянскій походъ, по указу Голицына (6 окт.), предписывалось назначать, вмѣсто тысячи, только 500 чел., и то пѣшихъ; на долю харьковскаго полка приходилось посылать теперь 85 козаковъ. Въ виду-же того, что шла осень, возвращеніе находящихся въ крѣпости св. Креста козаковъ Шидловскій отложилъ до весны будущаго года. Командировки эти продолжались и по 1731 годъ, ибо есть указъ (отъ 23 января 1730 г.) о высылкѣ на перемѣну новыхъ козаковъ (85 челов. при одномъ сотникѣ), такъ какъ въ томъ году истекали два года—время, на которое положено было посылать козаковъ въ крѣпость св. Креста [2]).

Изъ дѣла этого—о командировкахъ въ гилянскій походъ можно видѣть, что въ то время полкъ принималъ участіе въ лѣтнихъ сборахъ, которые и тогда назывались уже компаментами. Полковникъ Квитка, въ письмѣ своемъ, о которомъ мы говорили выше, приводя разсчетъ расхода козаковъ своего

---

[1]) П. Семеновъ. Геог. ст. сл.

[2]) Ibidem и Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 25, св. 321.

полка, пишетъ: „то и всѣ въ расходѣ, а предбудущую весну въ кампаментъ и выслать будетъ подъ Ракитную некого“ [1]).

Въ царствованіе-же Екатерины I, относительно слободскихъ полковъ былъ изданъ указъ, повелѣвающій военной коллегіи завѣдывать означенными полками: приказывалось во всѣхъ полкахъ по прежнему имѣть выборныхъ козаковъ (компанейцовъ), между которыми распредѣлить сербовъ, явившихся сюда и состоявшихъ въ распоряженіи кіевскаго генералъ-губернатора (2 апр. 1726 г.) [2]).

Рядомъ съ этимъ приказано было собрать всѣ указы и вѣдомости, все, что находилось въ сенатѣ относительно слободскихъ полковъ, и передать въ военную коллегію, которой они отнынѣ подчинялись, оставаясь, впрочемъ, попрежнему въ зависимости отъ генерала, командовавшаго Украинскою дивизіею.

Надо думать, что дѣла этой военной коллегіи, должны заключать въ себѣ много цѣнныхъ свѣдѣній, какъ начиная съ 1726 г., съ котораго она стала завѣдывать Слободскими полками, такъ и до этого времени, ибо туда переданы были изъ сената дѣла о слободскихъ полкахъ. Харьковскій историческій архивъ заключаетъ въ себѣ дѣла полковой канцеляріи (съ 1736 г.), по большей части состоящія изъ черновыхъ бумагъ, которыя писались полкомъ въ военную коллегію. Дѣла эти перечеркнуты, перемараны, очень трудно читаются и, главное, благодаря этимъ зачеркиваніямъ, часто нельзя съ увѣренностью рѣшить, что было отправлено и исполнено, а что осталось измѣненнымъ. Матеріалъ поэтому, заключающійся въ архивѣ военной коллегіи, могъ бы пролить яркій свѣтъ на многія темныя стороны жизни слободскихъ полковъ, жизни весьма своеобразной, благодаря исключительнымъ условіямъ, при которыхъ образовались эти полки.

---

[1]) Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 25, св. 321.

[2]) Полн. собр. зак., т. VII, № 4867.

Примѣчаніе. Военная коллегія учреждена была Петромъ В. въ 1719 г.; въ ней былъ президентъ, вице-президентъ и нѣсколько членовъ; состояла она изъ трехъ экспедицій: 1) армейской (дѣла по кавалеріи и по инфантеріи), 2) гарнизонной и 3) артиллерійской и фортификаціонной. Въ 1812 г. коллегія эта была преобразована въ военное министерство.

Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны на слободскіе полки обрушился цѣлый рядъ реформъ и другихъ бѣдствій, приведшихъ ихъ въ крайнее разстройство. То исключительное положеніе, которымъ пользовалась Слободская Украйна, шло нѣсколько въ разрѣзъ съ общимъ строемъ государства, почему это и задумали уничтожить. Но реформа поведена была настолько неумѣло и заключалась въ полумѣрахъ, которыя обыкновенно не достигаютъ цѣли, что вмѣсто исправленія вкравшихся непорядковъ, какъ гласилъ приказъ императрицы, данный на имя ген.-маіора кн. Шаховскаго (отъ 23 декабря 1732 г. [1]), въ полки введены были преобразованія, принесшія только вредъ слобожанамъ, повергнувъ ихъ въ состояніе сильно запутанныхъ отношеній, среди которыхъ трудно было разобраться. Оставивъ, повидимому, козачество существовать по прежнему, кн. Шаховской устранилъ полковника и старшинъ отъ управленія полкомъ, часть козаковъ обратилъ въ регулярныхъ солдатъ, лучшихъ позабиралъ въ драгунскій полкъ. Полковникъ лишенъ былъ прежней своей власти; одно было подчинено ему, другое стало зависѣть отъ бригадира—начальника всѣхъ слободскихъ полковъ, третье отъ начальника Украинской дивизіи. Когда-же для службы нужными являлись козаки, то на полковника сыпались такія требованія, которыя ясно показывали, что люди, призванные отнынѣ вѣдать полками, были положительно незнакомы съ общимъ строемъ слободскаго козачества, а также и съ послѣдствіями тѣхъ реформъ, которыя они-же сами ввели въ него.

Еще раньше нововведеній Шаховскаго, во всѣхъ пяти слободскихъ полкахъ указомъ ген.-аншефа гр. Вейсбаха (1731 г.) [2]) введенъ былъ чинъ ротмистра; этотъ новый членъ полковой старшины занялъ мѣсто между судьею и есауломъ. Производство въ чинъ этотъ зависѣло отъ дивизіоннаго генерала [3]). Ротмистръ получалъ по 5 подпомощниковъ. Въ томъже году введена была еще и регулярная рота [4]), въ составъ кото-

[1]) Пол. соб. зак., т. VIII, № 6282.

[2]) Хар. ист. арх., отд. VIII № 54; пол. соб. зак., т. IX, № 6430.

[3]) Н. Головинскій. Слоб. коз. пол., гл. V.

[4]) Ibidem.

рой отдѣлено было отъ полка 100 чел.; штатъ ея былъ слѣд.:

Оберъ-офицеры:	1) Капитанъ	1,	получавшій 7 подпомощниковъ
	2) Поручикъ	1,	„ 6 „
	3) Прапорщикъ . . .	1,	„ — „
Унтер. офицеры:	4) Вахмистръ . . .	1,	„ 2 „
	5) Квартермистръ .	1,	„ 2 „
	6) Каптенармусъ . .	1,	„ 2 „
	7) Подпрапорщикъ .	1,	„ 2 „
Строевые и не строевые:	8) Капраловъ . . .	4	Капраломъ и рядовымъ регулярной роты число подпомощниковъ предоставлялось опредѣлять полковнику[1].
	9) Барабанщиковъ .	2	
	10) Рядовыхъ . .	100	

Такъ какъ эти регулярныя роты, участвуя во время крымскихъ походовъ 1735 и 1736 годовъ, несли службу наравнѣ съ полевыми полками и заслужили одобренія, то (въ 1736 году) „высокимъ генералитетомъ" и предписано было Барятинскому сформировать въ каждомъ слободскомъ полку еще по одной такой ротѣ, силою въ сто человѣкъ, отчисленныхъ изъ штатнаго числа полка. Приказывалось, чтобы роты „неотмѣнно вскорости набраны, войсковой экзерциціи обучены и всѣмъ требующимся къ компаніи (1737 года) снабжены были" [2]. Козаки регулярныхъ ротъ одѣты были въ ландмилицкіе мундиры; въ ротѣ положено было имѣть знамя, которое заводилось на деньги изъ подпомощичьей суммы [3]). Въ эту роту приказано было впослѣдствіи давать изъ полка пушки со всѣми артеллерійскими принадлежностями на время похода, а по окончаніи сдавать ихъ обратно [4]).

Въ 1732 г. во всѣхъ слободскихъ полкахъ была произведена перепись. Сдѣлано это было въ виду необходимости правительству знать о состояніи полковъ для введенія задуманныхъ имъ реформъ. Перепись эту производилъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка маіоръ Хрущевъ. Населеніе Харьковскаго полка, согласно этой переписи, равнялось 37,363 чел.; въ это число входили всѣ виды населенія: козаки, великороссіяне, иностранцы и др.

1) Въ этомъ числѣ: козаковъ, ихъ свойственниковъ и братьевъ по всѣмъ сотнямъ считалось 5,878 чел.

[1]) Мос. отд. арх. гл. шт., стр. 109, св. 50.

[2]) Хар. ист. арх., отд. I, № 19 и ibidem.

[3]) Пол. соб. зак., т. IX, № 6610.

[4]) Ibidem, т. X, № 7451.

2) Казацкихъ сосѣдей (подсосѣдковъ) . . . 462 „
3) Подпомощниковъ казацкихъ. . . . . . . 11.787 „
4) Великороссіянъ, служившихъ казацкую службу по грамотамъ, записанныхъ въ ландмилицкіе полки, подданыхъ и торгующихъ . 1,311 „
5) Подданыхъ, находившихся во владѣніи полковой и сотенной старшины и др.[1]). . . 13.368 „

Въ полку было 2 города (Харьковъ и Салтовъ), 11 мѣстечекъ, 44 села, 8 деревень, 6 слободокъ, 3 сельца и 45 хуторовъ.

Всѣ эти населенныя мѣста представляли изъ себя три вида поселеній: къ первому принадлежали города, къ нимъ нужно причислить и мѣстечки, которыя по большей части были сотенными, имѣли укрѣпленія, что и отличало ихъ отъ селъ и деревень; ко второй группѣ относились деревни и слободы, а къ третьей—хутора.

Въ полку считалось 18 сотенъ [2]), и носили онѣ по мѣстечкамъ, гдѣ помѣщались ихъ управленія, слѣд. названія:

1)	Первая Харьковская	въ г. Харьковѣ	10)	Угольчанская	въ м. Угольцахъ
2)	Вторая	„ „ „	11)	Циркуновская	„ „ Циркунахъ.
3)	Деркачевская	„ м. Деркачахъ.	12)	Перекопская	„ „ Перекопѣ.
4)	Соколовская	„ „ Соколовѣ.	13)	Липецкая	„ „ Липцахъ.
5)	Тишковская	„ „ Тишкахъ.	14)	Хорошевская	„ „ Хорошевѣ.
6)	Ольшанская	„ „ Ольшаномъ.	15)	Люботинская	„ „ Люботинѣ.
7)	Пересѣчанская [3])	„ „ Пересѣчномъ	16)	Золочевская	„ „ Золочевѣ.
8)	Валковская	„ „ Валкахъ.	17)	Тарановская	„ „ Тарановкѣ.
9)	Салтовская	„ г. Салтовѣ.	18)	Мерефянская	„ „ Мерефѣ.

Въ полку Харьковскомъ с. Веселое принадлежало цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Въ этомъ селѣ подданныхъ, работавшихъ два дня въ недѣлю, считалось 576 чел. [4]).

Князь Шаховской, дабы „доброе, основательное разсмотрѣніе учинить“, какъ гласилъ полученный имъ указъ, прибывъ на Украйну, избралъ мѣстомъ своего жительства г. Сумы. Прежде всего, чтобы познакомиться съ внутреннею жизнью слободскихъ полковъ, изъ которыхъ онъ намѣревался своими

[1]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы, томъ I.
[2]) Хар. ист. арх., отд. VIII, № 54.
[3]) Харьк. Календарь за 1886 г., стр. 643.
[4]) Д. И. Багалѣй. Матер., т. I.

реформами изгнать всѣ несправедливости и безпорядки, кн. Шаховской потребовалъ изъ кабинета Императрицы всѣ свѣдѣнія о царскихъ грамотахъ, когда-либо пожалованныхъ полкамъ, а отъ этихъ послѣднихъ—объ ихъ внутреннемъ строѣ [1]). Всѣ реформы, введенныя Шаховскимъ, сводились къ слѣдующему:

Прежде всего въ Сумахъ была образована „коммиссія учрежденія слободскихъ полковъ". Предсѣдателемъ въ ней былъ самъ Шаховской, а членами—два гвардейскіе штабъ-офицера. Въ рѣдкихъ только случаяхъ въ коммиссію приглашался какой-либо изъ слободскихъ полковниковъ, для рѣшенія затруднительныхъ вопросовъ, но прямого какого-либо участія въ дѣлахъ онъ не принималъ. Коммисія эта должна была наблюдать за правильнымъ рѣшеніемъ дѣлъ въ полковыхъ канцеляріяхъ. Эти канцеляріи образованы были изъ прежнихъ полковыхъ ратушъ, въ нихъ предсѣдателемъ былъ полковникъ, а членами—чины полковой старшины; когда-же полкъ находился въ походѣ,—въ канцеляріи засѣдалъ полковой судья съ писаремъ. На неправильное рѣшеніе судебныхъ дѣлъ, рѣшать которыя отнынѣ приказывалось по уложенію и указамъ, вмѣсто прежнихъ „обыкностей", представлялось право жаловаться въ канцелярію коммиссіи, а на эту послѣднюю апелляція приносилась въ военную коллегію, или сенатъ.

При канцеляріи коммиссіи, кромѣ ея членовъ—гвардейскихъ штабъ-офицеровъ, находился одинъ секретарь и 8 канцеляристовъ и копіистовъ: жалованіе они получали изъ доходовъ, собираемыхъ въ слободскихъ полкахъ; такимъ образомъ, эта канцелярія содержалась слобожанами, которые и безъ того отягощены были немалыми налогами. При полковой канцеляріи была учреждена контора, гдѣ приказывалось записывать всѣ документы землевладѣтелей, свидѣтельствовавшіе ихъ

[1]) Изъ доставленныхъ отъ полковъ вѣдомостей былъ составленъ коммиссіею „экстрактъ о слободскихъ полкахъ", заключавшій очень цѣнныя данныя. Этимъ оффиціальнымъ документомъ пользовался И. И. Срезневскій и пр. Филаретъ. Находящійся въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ экстрактъ о слободскихъ полкахъ (отд. VIII, № 54) существенно отличается отъ того, который былъ въ рукахъ приведенныхъ писателей. Неизвѣстно, гдѣ дѣлся этотъ драгоцѣнный для исторіи Слободской Украйны документъ.

права на земли, какъ-то: купчія, уступныя и мѣновыя записи, универсалы полковниковъ. Уничтожено было самое главное преимущество козаковъ—свободное занятіе земель. Полковникъ не могъ уже своими универсалами раздавать ихъ полчанамъ, что особенно высоко ставило его прежде въ глазахъ подчиненныхъ. Кто-же владѣлъ до этого времени землею, за тѣмъ это право сохранялось, хотя бы на это и не было никакихъ письменныхъ данныхъ.

Число козаковъ въ Харьковскомъ полку было ограничено 800 чел. (прежде 850). За вычетомъ 200, взятыхъ въ регулярныя роты, число ранговыхъ козаковъ въ полку сводилось только къ 600, которые и распредѣлялись по всѣмъ сотнямъ слѣд. образомъ, согласно утвержденному штату, часто, впрочемъ, мѣняемому:

1) Въ 1-ой Харьк.	сотнѣ	48	коз.	9) Въ Золочевской	сотнѣ	32	коз.
2) Во 2-ой Харьк.	„	47	„	10) „ Люботинской	„	26	„
3) Въ Пересѣчанской	„	33	„	11) „ Угольчанской	„	38	„
4) „ Ольшанской	„	45	„	12) „ Валковской	„	52	„
5) „ Хорошевской	„	28	„	13) „ Перекопской	„	29	„
6) „ Мерефянской	„	29	„	14) „ Тишковской	„	12	„
7) „ Соколовской	„	44	„	15) „ Липецкой	„	38	„
8) „ Деркачевской	„	49	„	16) „ Салтовской	„	50	„ [1]

Чины полковой старшины остались тѣ-же; имъ полагалось слѣдующее количество дворовъ подпомощниковъ во временное владѣніе. Помѣщаемъ здѣсь штатъ полка того времени, съ указаніемъ числа подпомощничьихъ дворовъ, назначенныхъ старшинамъ, вмѣсто жалованія:

1) Полковникъ	1, ему полагалось	во владѣніе				15	дворовъ.
2) Полковой обозный.	1	„	„	„	„	7	„
3) „ судья	1	„	„	„	„	6	„
4) „ ротмистръ . .	1	„	„	„	„	5	„
5) „ есаулъ старшій	1	„	„	„	„	6	„
6) „ „ младшій	1	„	„	„	„	4	двора.
7) „ писарей. . . .	2, имъ		„	„	„ по	3	„
8) „ хорунжій	1, ему		„	„	„	3	„
9) Канцелярскихъ писарей.	6	„	„	„	по 1 и по	2	„
10) Сотниковъ	16, имъ		„	„	„	3	„

[1] Хар. ист. арх., отд. I, № 27.

11) Подпрапорныхъ 30	14) Трубачей 3
12) Пушкарей 10	15) Цирульникъ 1
3) Литаврщикъ 1	16) Рядовыхъ козаковъ . 590[1]).

Кромѣ этого назначенія извѣстнаго числа подпомощниковъ, нѣкоторые чины получали еще также и денежное содержаніе. Такъ, первый полковой писарь получалъ 50 руб., второй—40 руб.; тремъ канцеляристамъ и тремъ канцелярійскимъ писарямъ опредѣлено было жалованіе по 10 руб.; полковому хорунжему 25 руб.; литаврщику 20 руб.; первому трубачу 20 руб., второму 18 р., третьему 14 р.; цирульнику 4 р. въ годъ. На канцелярскіе расходы полагалось 25 руб., къ которымъ въ Харьковскомъ полку присоединялись еще и сборы съ цыганъ, живших на его территоріи; для этой цѣли былъ назначенъ особый чиновникъ, состоявшій въ распоряженіи полковника. Чины сотенной старшины содержались тоже съ подпомощничьихъ дворовъ, число которыхъ опредѣлялось полковникомъ. Чинъ слободскаго полковника сравненъ былъ съ чиномъ премьеръ-маіора; сотники стали производиться въ военной коллегіи изъ 3 кандидатовъ „по аттестаціямъ за руками полковниковъ и старшины“. Всѣ жители, невошедшіе въ число выборныхъ козаковъ, были причислены къ войсковымъ обывателямъ, или къ владѣльческимъ подданнымъ. Изъ первыхъ, козаки шли на укомплектованіе полковъ, вторые—были назначаемы во владѣніе. Всѣ они были подѣлены на дворы и обложены податями; въ каждомъ дворѣ полагалось по 50 душъ. Всѣ посполитые, попавъ во владѣніе сформированнаго драгунскаго полка, обратились въ крѣпостныхъ. Этотъ драгунскій полкъ былъ очень тягостенъ для жителей Украйны, ибо въ него выбирались лучшіе козаки; притомъ содержаніе этого полка, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ, всецѣло ложилось на слобожанъ; кромѣ этого полка, въ Украйнѣ были еще расквартированы 8 драгунскихъ и 2 гарнизонныхъ полка; на нихъ брался фуражъ и провіантъ безвозмездно[2]). Ко всему этому присоединились еще и несправедливости, и взяточничество лицъ, окружавшихъ Шаховскаго, которыя оставались

[1]) Хар. ист. арх., отд. I.

[2]) П. Головинскій. Сл. коз. пол., гл. V.

безнаказанными во всѣхъ своихъ неправыхъ дѣяніяхъ. Легко вообразить себѣ положеніе козаковъ при такихъ порядкахъ. Они это тѣмъ болѣе могли чувствовать, что у нихъ еще свѣжо было въ памяти лучшее время. Ко всѣмъ этимъ невзгодамъ присоединялось еще грозное „слово и дѣло", влекшее за собою столько страданій, заставлявшее въ то печальное время трепетать весь русскій народъ. Тяжесть бироновскаго правленія, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, благодаря отдаленію, все-же отзывалась и на Украйнѣ. Всѣ слободскіе полки подчинены были бригадиру, который находился въ вѣдѣніи начальника дивизіи; первымъ бригадиромъ былъ полковникъ ахтырскаго полка Лесевицкій. Наконецъ, полковыя и сотенныя знамена, а также печати канцелярій положено имѣть съ государственнымъ гербомъ. Полковыя знамена, переставшія, вѣроятно, съ этого времени называться хоругвями, дѣлались на счетъ подпомощничьей суммы, а также знамена сотенныя и регулярныхъ ротъ [1]).

Намъ не удалось найти гдѣ-либо описаніе знамени Харьковскаго полка; только изъ одного дѣла можно видѣть, что полковое знамя было бѣлаго цвѣта, а сотенныя—желтаго [2]).

Порохъ было приказано слобожанамъ покупать на заводѣ, устроенномъ въ Малороссіи, на хуторѣ Ткирмановскомъ, платя по 3 руб. 76 коп. за пудъ [3]).

---

[1]) Пол. соб. зак., т. IX, №№ 6366, 6430, 6454, 6578, 6610. 6619, т. X, № 7451.
[2]) Хар. ист. арх., отд. I, № 238.
[3]) Пол. соб. зак., т. X, № 7700.

Глава XI.

Поддержка Россiею претендента на польскiй престолъ, курфюрста Саксонскаго, короля Августа III.—Указъ полку Вейсбаха.—Смотръ полковъ въ Сумахъ.—Медленность похода.—Стычка съ конфедератами.—Потеря полка.—Битва подъ Вильною и битва въ бору.—Возвращенiе домой.—Смерть полковника Квитки.—Новый полковникъ Степанъ Ивановичъ Тевяшевъ.—Пожаръ въ Харьковѣ.—Постройка Украинской линiи.—Участiе полка въ ея постройкѣ.—Продолженiе работъ въ слѣдующемъ году.—Командировка козаковъ въ Бахмутъ.—Причины неточнаго исполненiя указа. Побѣги козаковъ.—Отношенiе ихъ къ этой постройкѣ.—Причины медленности работъ и тяжесть ихъ.—Командировки козаковъ на линiю.—Служба тамъ.—Состоянiе команды сотника Ковалевскаго и другихъ.—Отношенiе генералитета къ полкамъ.—Непосильныя требованiя.—Жертвы Украинской линiи.

По смерти короля Августа II, Россiя протежировала претенденту на польскiй престолъ, сыну его, курфюрсту Саксонскому, сторону котораго приняли также Австрiя и Германiя. Одна только Францiя сильно поддерживала Станислава Лещинскаго, снова заявившаго свои претензiи на корону польскую и вступившаго изъ за нея въ борьбу съ Августомъ III, избраннымъ въ короли только частью нацiи. Онъ нѣкогда спорилъ изъ-за нея-же съ отцомъ курфюрста, будучи возведенъ на польскiй престолъ шведскимъ королемъ Карломъ XII. Для побужденiя поляковъ добровольно признать Августа своимъ королемъ, были посланы въ предѣлы польскаго королевства два корпуса: одинъ, подъ начальствомъ ген.-лейтен. Загряжскаго, другой—ген.-лейтен. Измайлова. Указомъ отъ ген. Вейсбаха приказано было Харьковскому полку, подъ начальствомъ Ив. Гр. Квитки (впослѣдствiи Изюмскiй полковникъ), войти въ составъ второго корпуса. Полки слободскiе были предъ выступленiемъ собраны въ г. Сумахъ, гдѣ имъ произведенъ былъ кн. Шаховскимъ смотръ 17 мая 1733 года. Походъ былъ, повидимому, очень медленный; 22 авг. полки малороссiйскiе и слободскiе выступили только изъ Стародуба, откуда направились къ Смоленску и 2 сент. прибыли къ Досугову; 14-го сент. выступили оттуда и, перейдя гра-

ницу, „марширували до Варшавы“; но марширували туда, не особенно спѣша, ибо 14 дек. добрались только до г. Слонима, гдѣ и простояли двѣ недѣли. Изъ г. Слонима выступили полки 1 янв. 1734 г., пошли не къ Варшавѣ, а къ Вильнѣ, и подошли къ границѣ владѣній литовскаго магната кн. Радзивилла, которая начиналась отъ м. Здзенціола (нынѣ м. Дятлово Слонимскаго уѣз.), откуда слобожане направились чрезъ м. Бѣлицу (Виленской губ.) до д. Радзевонишекъ. Въ этихъ мѣстахъ имъ пришлось уже вступить въ столкновеніе съ непріятелями, противниками избранія короля Августа III. Здѣсь было убито около ста козаковъ и два подпрапорныхъ Черниговскаго полка, высланныхъ на фуражировку. Здѣсь-же, въ происшедшей стычкѣ съ польскими конфедератами, было убито 7 козаковъ Харьковскаго полка. Вѣроятно, въ наказаніе за это д. Радзевонишки была сожжена совершенно. Отсюда полкъ отправился къ столицѣ Великаго Княжества Литовскаго—къ Вильнѣ; не доходя 5 верстъ до нея, русскіе встрѣтились съ польскими войсками, бывшими подъ начальствомъ региментажа (такъ въ Польшѣ назывался вождь, заступавшій мѣсто гетмана) Пацковскаго. Произошла битва, длившаяся до сумерокъ; поляки были разбиты и прогнаны.

Козаки въ ту же ночь ворвались въ Вильну, гдѣ произвели разгромъ, перебили много людей, ксендзовъ и разорили монастыри. 28 апр. произошло новое столкновеніе, недалеко отъ Вильны, въ бору; бились съ отрядомъ польскихъ начальниковъ Пензали и Станкевича. Въ сраженіи этомъ „безъ числа“ было убито и потоплено въ р. Виліи непріятелей; въ этомъ сраженіи принималъ участіе и Харьковскій полкъ [1]).

По утвержденіи короля Августа III на тронѣ, полки слободскіе были оставлены въ предѣлахъ польскаго королевства, для окончательнаго усмиренія конфедератовъ еще на годъ, и только въ исходѣ 1735 г. вернулись на Украйну.

Въ 1734 г. скончался Харьковскій полковникъ Гр. Сем. Квитка, управлявшій полкомъ съ 1714 г. и водившій не разъ

---

[1]) Выписки изъ фамил. лѣтописи Квитокъ. Изд. Д. И. Багалѣя. Другихъ, болѣе обстоятельныхъ источниковъ, выясняющихъ дѣятельность Харьковскаго полка въ эту войну найти намъ не удалось. Къ извѣстіямъ-же, приводимымъ въ лѣтописи Квитокъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью.

его въ походы; умеръ онъ 65-ти лѣтъ отъ роду въ г. Кіевѣ, куда отправился на поклоненіе Кіевскимъ угодникамъ, и погребенъ близь Великой Успенской церкви [1]). Мѣсто умершаго полковника занялъ Степанъ Ив. Тевяшевъ. Ему пришлось управлять полкомъ въ самое тяжелое время, какое онъ когда-либо переживалъ.

Полковой г. Харьковъ въ 1733 г., 31 мая, постигло большое несчастье: происшедшій пожаръ истребилъ около 300 дворовъ; сгорѣли Успенскій соборъ, церковь св. Николая и всѣ лавки [2]), а также всѣ крѣпостныя укрѣпленія, остававшіяся неисправленными до миниховскихъ походовъ.

Для огражденія южныхъ границъ государства отъ постоянныхъ татарскихъ нашествій въ 1731 г. рѣшено было соорудить нѣчто въ родѣ китайской стѣны. Честь этой остроумной выдумки, непринесшей, впрочемъ, почти никакой пользы, принадлежитъ, какъ думаютъ, ген. Вейсбаху, начальствовавшему надъ Украинскими войсками [3]). Эта укрѣпленная линія предохраняла жителей отъ татарскихъ набѣговъ въ такой-же мѣрѣ, какъ, при теперешнемъ состояніи огнестрѣльнаго оружія, латы спасали-бы человѣка отъ пуль. Пользы она не приносила, но за то унесла немалое количество козацкихъ жизней, изнурила и разорила украинцевъ страшно. Но какое было дѣло всѣмъ этимъ нѣмецкимъ „искателямъ фортуны“,— этимъ піонерамъ „Drang nach Osten“, до жизни и состоянія всѣхъ козаковъ, да и всѣхъ вообще русскихъ, которыхъ они, съ высоты своего чопорнаго величія, считали только варварами.

Укрѣпленная линія должна была тянуться непрерывно отъ р. Днѣпра до р. Сѣверскаго Донца, что равняется 400 верстамъ; но такъ какъ валы и рвы не шли по ровной линіи, а представляли изъ себя редапы (укрѣпленіе, имѣющее только два фаса, сходящихся подъ острымъ угломъ въ полѣ), которые козаки, въ простотѣ своей, называли просто крючками, то вся эта постройка, въ общей сложности, простиралась до

[1]) Пр. Филаретъ. Отд. I, стр. 50.

[2]) Выписки изъ фамил. лѣт. Квитокъ. Изд. Д. И. Багалѣя.

[3]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 298.

тысячи верстъ въ длину. И это тысяча верстъ непрерывнаго высокаго вала и широкаго рва! Но на этомъ еще не было конца работѣ: строили крѣпости, отстоящія на 20—30 верстъ одна отъ другой, копали колодцы, гдѣ не было воды, а ея въ степяхъ этихъ было немного; дѣлали плотины на болотахъ, проводили широкую дорогу вдоль линіи для удобнаго прохода войскъ. Если какія мѣстечки случайно оказывались за линіею, то съ ними не церемонились и перебрасывали на другую сторону ея; строили мосты, насаживали лѣса и колючій терновникъ для устрашенія татаръ. Постройка эта ясно сохранилась и до настоящаго времени. Пролежавъ 160 лѣтъ, валы эти, не смотря на то, что на нихъ давно уже стали сѣять пшеницу, и теперь еще не менѣе $1^1/_2$ арш. высоты [1]).

Работы начались въ 1731 г. и были поручены сенатору Тараканову и ген.-маіору Дебриньи [2]), а работниками должны были быть малороссійскіе и слободскіе козаки, которымъ пришлось вооружиться на этотъ разъ, вмѣсто сабель, „копаницами" (лопатами). Ген. Дебриньи, увѣдомляя Харьковскаго полковника Гр. Сем. Квитку о своемъ назначеніи на постройку линіи, просилъ выслать въ его распоряженіе трехъ козаковъ, которые хорошо бы знали тѣ мѣста, гдѣ предполагалось вести линію — часть укрѣпленій этой черты проходила по южной границѣ области Харьковскаго полка, почему рѣчки, болота и урочища, находящіяся тамъ, могли быть хорошо знакомы полчанамъ. Называлась эта линія Украинскою по мѣстности, гдѣ проходила.

По указу, полученному изъ Бѣлгородской губернской канцеляріи, отъ Харьковскаго полка было потребовано 340 коза-

[1]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 311.

[2]) П. Головинскій. Сл. коз. пол., гл. V. Фельдмаршалъ Минихъ такъ аттестовалъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ въ 1737 этихъ генераловъ: *Таракановъ*: „Находится подъ судомъ, интересанъ, капризенъ, не понимаетъ никакихъ приказаній, не имѣетъ никакой охоты къ службѣ, и какъ онъ притомъ старъ, то всего-бы лучше было, если бы онъ въ деревняхъ своихъ, гдѣ нельзя уже ему вести интригъ, рѣшился проводить остатки своихъ дней". *Дебриньи*: „Весьма дурно себя ведетъ, золъ и ни во что не можетъ быть употребленъ; самое лучшее, если уволить его отъ службы съ награжденіемъ деревни или пенсіономъ 300 руб., и столь важное мѣсто, какое онъ занимаетъ, поручить другому" (Рус. Стар. 1890 г., кн. I, стр. 116—117).

ковъ, съ 10-ти дворовъ по одному [1]); отъ всѣхъ слободскихъ полковъ назначено было па эту работу двѣ тысячи, отъ малороссійскихъ полковъ 20 тысячъ, и, кромѣ того, 10 тысячъ свободныхъ и владѣльческихъ посполитыхъ. Люди эти должны были взять съ собою по топору, лопатѣ и мѣшку для носки земли; каждые 10 человѣкъ должны были привести съ собою лошадь съ телѣгою или пару воловъ, для возки этихъ инструментовъ, а каждые 50 человѣкъ—одинъ плугъ съ волами, для проведенія бороздъ. У людей долженъ былъ быть провіантъ на три мѣсяца. Такъ какъ ожидалось, что татары будутъ мѣшать постройкѣ, долженствовавшей разъ навсегда оградить страну отъ ихъ посѣщеній, то люди должны были быть вооружены, а отряды имѣть съ собою пушки. Указъ о высылкѣ работниковъ былъ очень строгій и грозилъ, въ случаѣ неточнаго исполненія, „не малымъ истязаніемъ и отвѣтствіемъ предъ генералитетомъ" [2]). Козаковъ приказывалось выслать къ р. Берестовенькѣ, въ распоряженіе Тараканова и Дебриньи. Изъ Харьковскаго полка, кромѣ назначеннаго числа ранговыхъ козаковъ, приказано было выслать и посполитыхъ, руководствуясь числомъ дворовъ,—съ каждыхъ трехъ по одному человѣку [3]); но сколько ихъ было назначено—неизвѣстно.

Въ слѣдующемъ 1732 г. для продолженія работъ было приказано назначить отъ слободскихъ полковъ тоже двухтысячное число козаковъ, да, кромѣ этого, еще 600 чел. въ г. Бахмутъ къ солянымъ заводамъ; но исполненіе этого приказа встрѣтило уже затрудненіе. Полковники Харьковскаго и Ахтырскаго полковъ доносили, что въ этомъ году они выслали, противъ прошлогодняго, меньшее число работниковъ потому, что и самое населеніе мѣстечекъ и селъ уменьшилось, такъ какъ обыватели, страшась тягости работъ, бѣгутъ [4]) безпрестанно тайно и явно, человѣкъ по 50 и болѣе, и что удержать ихъ отъ этого побѣга нѣтъ возможности [5]). Несмотря на огромное число рабочихъ силъ, привлеченныхъ къ постройкѣ Укра-

[1]) П. Головинскій. Сл. коз. пол., гл. V.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem.
[4]) Д. И. Багалѣй. Матеріалы. Томъ I, стр. 277.
[5]) Пол. соб. зак., т. VIII, № 6055.

инской линіи, работа шла медленно и неудовлетворительно. Козаки относились съ ненавистью къ этой выдумкѣ, работали, такъ сказать, изъ подъ палки; да и наблюдали за ними плохо. Главный начальникъ работъ верхомъ не могъ ѣздить, почему самъ не смотрѣлъ, а вѣрилъ тому, что ему докладывали [1]). Командующіе въ Украйнѣ генералы, по словамъ фельдмаршала Миниха, заботились только о приращеніи новозаложенныхъ слободъ своихъ, „слободскіе полковники по домамъ сидятъ, хотя полки ихъ въ походъ идутъ; причина та, что они люди богатые; смотря на нихъ, лучшіе сотники и козаки тоже дома остаются, и только бѣдные безъ связей идутъ въ походъ. Изъ слободскихъ полковъ наряжено было 4200 челов., изъ нихъ теперь при арміи только 2360" [2]).

Наряды козаковъ и посполитыхъ на постройку линіи продолжались и въ послѣдующіе года, хотя она въ 1733 г. и была уже почти окончена, но происходили вѣчныя починки, обкладка сторонъ рва дерномъ и проч. На этой укрѣпленной чертѣ поселены были, для ея защиты, ландмилицкіе полки—военные поселяне.

Постройкѣ Украинской линіи не сочувствовали многіе изъ высшихъ начальниковъ: народъ-же просто ненавидѣлъ ее и слалъ по ея адресу тысячи проклятій. Этому нельзя и удивляться, ибо производить земляную работу подъ палящимъ солнцемъ, при недостаткѣ воды, работать притомъ, ясно сознавая безполезность этого дѣла, не могло быть пріятнымъ. Слобожанамъ-же, оставшимся на Украйнѣ, нужно было посылать провіантъ и нести многочисленныя другія повинности. Отлично, съ свойственнымъ малороссамъ юморомъ и мѣткостью, въ двухъ пѣсняхъ изобразили они всю тяжесть работъ и отношеніе къ ней козаковъ, а также послѣдствія отрыванія рабочихъ рукъ въ лѣтнее время:

„Ихавъ козакъ на линiю—тай вельми радувся;
Иде козакъ изъ линiи—якъ лыхо зогнувся" [3]).

„Посiялы, поорали, | Пошлы нашi козаченьки
Да никому жаты: | Линiи копаты" [4]).

[1]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 306.
[2]) С. М. Соловьевъ. Ист. Россіи, т. XX, стр. 95—99.
[3]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 328.
[4]) И. Головинскій. Слоб. коз. п., гл. V.

Козаки охотно бы помирились съ этимъ трудомъ, если-бы видѣли отъ того какую нибудь пользу, ибо татарскія нападенія все-таки не прекращались; „они (татары) только то и дѣлали, что переходили линію взадъ и впередъ совершенно безнаказанно" [1]). Эти-же самые козаки охотно исполняли такія-же постройки, когда полковникъ Гр. Ер. Донецъ проводилъ валъ по р. Сѣверскому Донцу; не было тогда и такихъ повальныхъ побѣговъ, а вѣдь харьковцамъ никто не помогалъ въ ихъ работѣ—сдѣлали все своими силами, скоро, и не нужно было имъ грозить „истязаніями".

Съ окончаніемъ постройки Украинской линіи „командированіи" туда харьковцевъ не прекращались—болѣе или менѣе значительныя партіи козаковъ посылались ежегодно; тамъ они держали разъѣзды, исполняли разные наряды и работы. Во время войны съ Турціею на линію назначались большія партіи для ея охраны. Такъ въ 1738 г. изъ Харьковскаго полка было потребовано 450 челов. козаковъ [2]). Команда эта была поручена сотнику Як. Ковалевскому и собрана подъ Тарановкой. Ковалевскій доносилъ, что команда находилась въ очень плохомъ состояніи, многіе козаки пришли безъ вооруженія, безъ провіанта, что ему одному управиться съ нею будетъ трудно. По его доношенію, въ командѣ этой было 107 конныхъ и 126 пѣшихъ козаковъ—только, а позднѣе онъ же доносилъ, что козаки, за недостаткомъ провіанта, бѣгутъ съ дороги.

Въ томъ-же году былъ посланъ туда и другой отрядъ Харьковскаго полка. За полнымъ расходомъ ранговыхъ козаковъ, требуемое число людей набиралось изъ свойственниковъ козачьихъ и изъ посполитыхъ. Партіи эти обыкновенно прибывали въ очень жалкомъ состояніи; оружія было у нихъ мало, ибо посполитые болѣе были склонны къ плугу и косѣ, чѣмъ къ саблѣ, которыхъ у нихъ иногда и не было въ запасѣ. Вотъ примѣръ состоянія такой партіи, назначенной и прибывшей на линію: она мало носила воинственнаго, ибо собрана была изъ малолѣтнихъ и престарѣлыхъ, что можетъ служить дока-

[1]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр 330.

[2]) Хар. ист. арх., отд. I, № 16.

зательствомъ, съ какою трудностью исполнялись приказы о нарядѣ людей. Трудно было допустить, чтобы генералы, предъявлявшіе эти требованія, не видѣли и не знали о томъ жалкомъ состояніи, въ которомъ находились тогда слободскіе полки, доведенные до такого состоянія всѣми этими реформами и непосильными требованіями. Несмотря ни на какіе резоны, представляемые генераламъ, отъ требованій своихъ они не отступали. Для понужденія полка къ точному исполненію указовъ о присылкѣ людей, въ Харьковскій полкъ былъ командированъ весною полковникъ Пассекъ; ему было поручено осмотрѣть, въ какомъ состояніи находятся наряженные къ отправленію въ походъ люди, и принудить полкъ выслать все и въ томъ именно количествѣ, которое требовалось указомъ. И вотъ, грозя „тяжкимъ Ея Императорскаго Величества гнѣвомъ", „жесточайшимъ штрафомъ" (не денежнымъ, а тѣлеснымъ) и даже смертною казнію, полковое начальство гнало на эту злополучную линію всѣхъ—стариковъ и малолѣтнихъ. Изъ 326 человѣкъ, прибывшихъ на Украинскую линію, было „конныхъ оружейныхъ—96 челов.; съ копьями 10; пѣшихъ оружейныхъ—36 и пѣшихъ съ копьями 184. Изъ этой команды убѣжало 69 челов.; на лицо, по раскомандированіи въ разныя мѣста, осталось 124 челов.; а изъ нихъ 34 челов. было престарѣлыхъ и 26 малолѣтнихъ" [1]). Слѣдовательно, изъ такой большой команды въ 326 челов., собственно годныхъ осталось только 64 козака. Вышеприведенныя данныя, какъ нельзя краснорѣчивѣе, показываютъ состояніе полка въ то время. Послѣ этого дѣлается неудивительнымъ отношеніе козаковъ къ службѣ, къ этой ненавистной для нихъ линіи, съ которой приходилось имъ возвращаться, „якъ лыхо, зогнувшись", а сколькимъ даже и въ такомъ жалкомъ видѣ не удавалось вернуться въ домъ свой, а пасть на мѣстѣ, сраженнымъ, не пулею или татарскою стрѣлою, а болѣзнями, которыя такъ распространены были тамъ, вслѣдствіе изнуренія работами и недостатка въ пищѣ.

---

[1]) Хар. ист. арх., отд. I, № 16.

Глава XII.

Объявленіе Турецкой войны.—Причины, вызвавшія ее.—Походъ генерала Леонтьева 1735 года.—Указъ о походѣ 1736 г.—Приготовленія Миниха къ походу.—Обозъ арміи.—Степи.—Степные пожары.—Встрѣча съ татарами.—Движеніе къ Перекопу и въ глубь полуострова.—Хитрость Миниха.—Взятіе Бахчисарая.—Обратное движеніе къ Перекопу.—Изнуреніе арміи.—Возвращеніе полка домой.—Татарскія нападенія.—Приказъ Слободскимъ полкамъ.—Командированіе полковника Лесевицкаго.—Затрудненіе исполнить указъ.—Указъ о новомъ походѣ.—Непосильныя требованія.—Инструкціи о наборахъ.—Заготовка воловъ для арміи.—Доношенія и покорные репорты сотниковъ.—Указъ Ласси.—Доношеніе Тевяшева и полковой канцеляріи.—Доношенія сотниковъ о матеріальномъ состояніи ихъ сотенъ.—Побѣги и бѣдственное состояніе козаковъ.—Походъ Ласси въ Крымъ.—Бомбардировка турками русскаго лагеря.—Переправа чрезъ Сивашъ.—Движеніе въ глубь полуострова.—Сожженіе татарскихъ деревень.—Месть козаковъ.—Сраженіе съ татарами.—Переправа чрезъ Занзаръ.—Сильная жара.—Смертность, падежъ лошадей и недостатокъ фуража.—Отступленіе арміи.—Возвращеніе полка домой.—Указъ о починкѣ укрѣпленныхъ мѣстъ въ полку.—Причины неисполненія указа.—Компанія 1738 г.—Выступленіе полка въ походъ.—Отступленіе арміи изъ Крыма.—Чума.—Расквартированіе полковъ въ Слободской Украинѣ.—Продовольствіе ихъ.—Инструкція объ учрежденіи карантина; караулы.—Прекращеніе торговли.—Донесеніе атамана Гончаренки.—Мѣстности, гдѣ была эпидемія въ Харьковскомъ полку.—Недобросовѣстное исполненіе караулами своихъ обязанностей.—Результаты чумы и ея прекращеніе. Пожары.—Послѣдній татарскій набѣгъ на Украину.—Указъ объ укомплектованіи сотенъ и о готовности къ походу.—Отвѣтъ на него полковника.—Средство увеличить число козаковъ.—Слухи о непріятелѣ.—Выступленіе полка.—Участіе его въ послѣдній годъ войны.—Заключеніе мира.—Результаты войны.—Развитіе бѣгства.—Причины того.—Доношенія сотниковъ.—Указы о непринятіи бѣглыхъ.—Побѣгъ поручика Квитки.—Вѣдомости о состояніи полка въ 1741 г.—Сравненіе ихъ съ переписью 1732 г.

Такъ какъ Крымъ находился въ вассальной зависимости отъ Турціи, то Россія неоднократно предъявляла этой державѣ свои требованія обуздать татаръ и не позволять имъ дѣлать свои опустошительныя нападенія на южныя ея границы. Порта въ отвѣтъ говорила, что исполнить подобныя требованія, не смотря на свое искреннее желаніе, она не можетъ, ибо татары

ея не слушаются, чему отчасти и можно было повѣрить, такъ какъ удержать татаръ отъ грабежа, которымъ они исключительно только и жили, было трудно. Съ другой-же стороны, Портѣ было невыгодно особенно энергично ратовать противъ того—она постоянно пользовалась плодами татарскихъ набѣговъ, и ей перепадала немалая толика ихъ добычи; почему султаны, всегда такъ жадные до подарковъ, дѣлали больше видъ, что недовольны татарскими неистовствами. Россія это хорошо понимала и потому, не видя другого исхода, рѣшила объявить войну Турціи; къ этому представлялось удобное время, такъ какъ она воевала тогда съ Персіею.

Съ 1735 года началась эта продолжительная война. Всѣ наши военныя дѣйствія, главнымъ образомъ были направлены противъ Крыма, съ цѣлью окончательнаго его завоеванія. Главнокомандующимъ былъ назначенъ фельдмаршалъ графъ Минихъ, бывшій, впрочемъ, противъ этой войны, которая открылась осенью походомъ 40 тысячнаго корпуса генералъ-лейтенанта Леонтьева. Ему было приказано опустошить весь Крымъ, освободить плѣнныхъ и, по дорогѣ, истребить нагайскихъ татаръ. Дожди, снѣга и морозы, при страшной гололедицѣ, заставили этотъ отрядъ, дошедшій до р. Мертвыхъ водъ, вернуться обратно. Почти всѣ лошади корпуса отъ недостатка корма и вслѣдствіе дурной погоды пали, и возвращаться домой приходилось пѣшкомъ. Въ недалекомъ этомъ походѣ принимала участіе и часть Харьковскаго полка, подъ командою полкового обознаго Ивана Григорьевича Квитки. Такою безплодною прогулкою по степи и закончилась компанія этого года, будучи, по случаю ненастной погоды, отложена до слѣдующаго, когда военныя дѣйствія возобновлены были весною, въ концѣ апрѣля. 5 марта полученъ былъ въ полку указъ на имя полковника Тевяшева быть готовыми къ предстоящему походу, а указъ 12 марта повелѣвалъ задержать крымскихъ купцовъ, находившихся въ слободскихъ полкахъ [1]).

Помня неудачные крымскіе походы прежнихъ лѣтъ, Минихъ сдѣлалъ нѣкоторыя приготовленія; такъ, онъ построилъ цѣлый рядъ редутовъ въ извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго;

[1]) Хар. истор. арх., отд. I, № 1.

въ нихъ были помѣщены отряды, чтобы давать пріютъ обозамъ и курьерамъ; на пунктахъ этихъ заготовлялся фуражъ для арміи. 20 апр. Минихъ съ войсками, простиравшимися до 58 тысячъ [1]), въ числѣ которыхъ было 4 тысячи украинскихъ козаковъ, двинулся пятью колоннами въ походъ, въ Крымъ. Обозъ этой арміи былъ до невѣроятія громаденъ. По словамъ Манштейна, „армія Миниха не выступала въ походъ иначе, какъ въ сопровожденіи обоза изъ 90 тысячъ повозокъ" [2]). Это несоразмѣрное ихъ число было въ арміи для возки продовольствія, ибо на добываніе таковаго на мѣстѣ разсчитывать было нельзя; необходимо было возить также съ собою дрова для варки пищи. Степи, по которымъ приходилось двигаться, были лишены не только деревьевъ, но можно было пройти 10—20 верстъ, не встрѣтивъ ни единаго кустика. Армія, выступая съ ночлега, не знала, найдетъ-ли она воду на новой стоянкѣ; поэтому, не желая подвергать войска страданіямъ отъ жажды, которая такъ сильно мучила людей во время похода Голицына, фельдмаршалъ распорядился, чтобы въ каждомъ полку было до 10 бочекъ, которыя имѣли, впрочемъ, еще и другое назначеніе— онѣ служили для устройства плавучихъ мостовъ: для этой цѣли имѣлось еще въ полкахъ отъ 8 до 10 дубовыхъ досокъ [3]). Все это и доводило число повозокъ до такой баснословной цифры, что, конечно, страшно отягощало армію и замедляло ея движеніе.

Степи представляли только то удобство, что не нужно было заботиться о фуражѣ, ибо его было въ изобиліи: трава въ степи была превосходна и достигала высоты въ ростъ человѣка. Эта трава могла обезпечить кормъ для арміи, правда, только въ началѣ лѣта, пока не дозрѣвала и не высыхала. Съ половины-же іюля эта самая трава представляла большую опасность, такъ какъ ее легко можно было зажигать, что довольно часто татары и практиковали. Огонь, гонимый вѣтромъ, быстро двигался впередъ, и степь тогда представляла изъ себя цѣлое море огня: вся армія могла-бы сгорѣть, если

[1]) Г. лейт. Лееръ. Энцик. воен. и мор. наукъ, томъ IV.
[2]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 336.
[3]) Ibidem.

бы не принимали противъ этого нѣкоторыхъ мѣръ: на ночлегѣ нужно было окапывать бивакъ рвомъ, въ два фута шириною, чтобы, въ случаѣ степнаго пожара, прекратить путь огню, для тушенія котораго приказано было на каждую подводу брать метлы. Въ степи не было никакихъ особо проложенныхъ дорогъ—путь былъ вездѣ, вслѣдствіе полнаго простора: это давало возможность арміи, въ случаѣ близости непріятеля, строиться въ одно, или нѣсколько каре, помѣщая обозъ внутри.

Въ этотъ походъ отрядъ Харьковскаго полка выступилъ, подъ командою того-же обознаго Квитки (отъ всѣхъ слободскихъ полковъ 4200 козаковъ); съ полкомъ добровольно отправлялся и циркуновскій священникъ от. Степанъ Бугаевскій [1]). Войска двигались лѣвымъ берегомъ Днѣпра. Въ степи 7-го мая встрѣтился съ татарами, въ числѣ 20 тысячъ,—ген. Шпигель въ урочищѣ „Черная долина", гдѣ когда-то, во время походовъ Голицына, понесли такое страшное пораженіе слободскіе полки—Сумской и Ахтырскій. Татары бросились на русскій отрядъ, высланный на развѣдку, но чрезъ шесть часовъ подошелъ Минихъ, и непріятель обратился въ бѣгство, оставя 200 челов. убитыми. Встрѣченные Шпигелемъ татары были изъ отряда Калга-Султана, высланные также на развѣдку. Плѣнные показали, что самъ ханъ съ 100 тысячами стоитъ у Перекопа, куда армія и двинулась въ одномъ общемъ каре, съ обозомъ въ серединѣ.

Въ сраженіи при Черной долинѣ участвовали и харьковцы, гдѣ много козаковъ и старшинъ слободскихъ было убито.

Дальнѣйшее движеніе къ Перекопу прошло безъ стычекъ; только 14-го мая, при выступленіи съ ночлега, русскіе были окружены массою татарскихъ наѣздниковъ [2]), но нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ было достаточно, чтобы вся эта орда обратилась въ бѣгство и укрылась за перекопскими укрѣпленіями, предъ которыми вечеромъ того-же дня армія и остановилась. Перекопомъ Минихъ овладѣлъ 21 мая. Послѣ этого, отрядивъ ген. Леонтьева въ Кинбурнъ (10 тысячъ регуляр-

[1]) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 175.
[2]) Ген.-л. Лееръ. Энцик. сл. воен. и мор. н., т. IV.

ныхъ и 3 тысячи козаковъ), Минихъ двинулся далѣе, внеся войну въ самый полуостровъ, къ Козлову (Евпаторія). Во время этого движенія, особенно чрезъ морскіе рукава, на армію нападали татары, но бывали съ урономъ отражаемы.

5 іюня заняли Козловъ, самый важный пунктъ полуострова. Жители зарывали свое имущество, отравляли колодези, зажгли городъ, а сами убѣжали въ горы. Около Козлова Минихъ простоялъ пять дней, чтобы дать отдыхъ войску и напечь хлѣба и сухарей. Имѣя намѣреніе отсюда двинуться къ ханской столицѣ—Бахчисараю, фельдмаршалъ приказалъ распускать слухи, что армія отсюда отправляется обратно къ Перекопу. Благодаря этой хитрости, татары были введены въ заблужденіе и не успѣли испортить дорогъ, ведущихъ къ Бахчисараю. 15 іюня подошли къ городу, откуда ханъ въ продолженіи долгаго времени предпринималъ свои губительные набѣги на Россію. Татары не ожидали и, видимо, не допускали возможности появленія русскихъ подъ своею столицею, почему городъ этотъ вовсе укрѣпленъ не былъ, но на защиту его со всѣхъ сторонъ стекались татары и заняли всѣ доступы чрезъ горы со стороны Козлова. Оставя четвертую часть силъ своихъ, подъ начальствомъ Шпигеля, для обороны лагеря и обоза, Минихъ, по пробитіи вечерней зари, двинулся къ Бахчисараю по трудной горной дорогѣ и, незамѣтно обойдя татаръ, 16-го на разсвѣтѣ появился въ виду города. Татары оказали отчаянное сопротивленіе, ихъ поддерживали янычары, составлявшіе гарнизонъ города. Вначалѣ авангардъ, въ которомъ были козаки, былъ ими опрокинутъ, но подоспѣвшая пѣхота рѣшила дѣло, ворвавшись въ Бахчисарай. Городъ, богатѣйшій дворецъ хана, изъ котораго владѣтель его бѣжалъ раньше, были преданы грабежу и огню.

На другой день, 17-го, армія преслѣдовала непріятеля за р. Салгиръ. Генералъ Измайловъ безъ боя занялъ г. Симферополь.

На этомъ остановилось завоевательное движеніе Миниха, и онъ принужденъ былъ повернуть назадъ къ Перекопу. Къ этому рѣшенію понудило его то, что войска были страшно изнурены походомъ и нестерпимымъ жаромъ знойнаго лѣта.

Минихъ самъ былъ виновенъ въ этомъ изнуреніи, ибо начиналъ движеніе обыкновенно въ самую жаркую пору дня; недостатокъ въ водѣ къ тому-же сильно давалъ себя чувствовать, ибо татары, отступая предъ русскими, портили воду, бросая туда всякія нечистоты [1]), а рѣкъ въ Крыму очень мало.

Одна треть всего войска лежала въ болѣзняхъ; былъ также полный недостатокъ въ провіантѣ; и, если-бы козакамъ не удалось захватить 10 тысячъ барановъ и нѣкоторое количество рогатаго скота [2]), то арміи пришлось-бы попросту голодать. Принявъ рѣшеніе отложить завоеваніе Крыма до слѣдующаго года, Минихъ отвелъ армію къ Днѣпру, а слободскіе полки отпустилъ по домамъ. Въ Харьковскомъ полку на винтеръ-квартирахъ расположились генералъ Леонтьевъ со своимъ штабомъ и три пѣхотныхъ полка, получавшихъ провіантъ отъ полчанъ [3]).

Результатомъ похода этого года была гибель людей и лошадей отъ истощенія и болѣзней, ибо въ бояхъ пало не болѣе двухъ тысячъ. Изнуренные труднымъ походомъ, болѣзнями и потерями на полѣ сраженія при Черной долинѣ, вернулись домой харьковцы, чтобы, отдохнувъ за зиму, собравшись съ силами, на другой годъ снова нести свои головы все въ тотъже дорого стоившій имъ Крымъ.

Рядомъ съ походомъ русскихъ войскъ, татары не переставали нападать на Украйну. Не успѣлъ полкъ воротиться домой, какъ за нимъ, почти по пятамъ, шли татары и дѣлали свое дѣло. Такъ, 15 ноября 1736 г. было получено въ полку извѣстіе, что татары прорвались чрезъ линію и грозятъ нападеніемъ [4]). Въ виду неожиданности татарскихъ набѣговъ, слободскимъ полковникамъ приказано было жить, не въ полковыхъ своихъ городахъ, а въ пограничныхъ мѣстахъ для удобства наблюденія за непріятелемъ и скорости доставки донесеній [5]).

Воротившимся домой харьковцамъ неособенно то при-

---

1) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 337.

2) Ibidem.

3) Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 47, № 2

4) Хар. ист. арх., отд. I, № 1.

5) Ibidem.

шлось и отдыхать: для наблюденія за татарами, содержанія разъѣздовъ отъ р. Вороной до крѣпости Кази-Керменя, для защиты редутовъ, курьеровъ и провозимаго провіанта былъ командированъ полковникъ ахтырскаго полка Лесевицкій, съ командою въ 600 челов. Въ составъ этого отряда приказано было назначить и изъ Харьковскаго полка козаковъ; такъ какъ приказъ (11 авг.) полученъ былъ въ то время, когда полкъ находился на обратномъ походѣ изъ Крыма, то набрать требуемое число людей въ эту командировку, видимо, было трудно, ибо есть донесеніе перекопскаго сотника, что онъ былъ не въ состояніи исполнить предписанія полковой канцеляріи—выслать даже только шесть козаковъ, назначенныхъ отъ этой сотни въ отрядъ полковника Лесевицкаго[1]). Кромѣ этого, около м. Тора (Славянска) находился уже небольшой отрядъ харьковцевъ, силою въ 109 козаковъ, подъ начальствомъ сотника Ковалевскаго, для наблюденія за степями, грозно-таинственными въ своемъ кажущемся спокойствіи, но готовыми ежеминутно оживиться появленіемъ царей своихъ—дикихъ ордынцевъ.

25 февр. 1737 г. полученъ уже былъ въ канцеляріи указъ готовиться къ новому походу. На этотъ разъ полку предъявили требованія не по его силамъ. Такъ, командированъ былъ въ полкъ Изъединовъ для набора въ одномъ Харьковскомъ полку 1146 козаковъ и посполитыхъ[2]), а послѣ пришла еще инструкція о наборѣ 3 тысячъ человѣкъ и еще одна о наборѣ 737 челов.[3]) вооруженныхъ и съ провіантомъ на 6 мѣсяцевъ! Набрать людей приказано было изъ подпомощниковъ, причемъ инструкція не допускала наемныхъ. Нужное количество людей приказывалось распредѣлить по сотнямъ, равномѣрно тому числу ранговыхъ козаковъ, какое по штату положено было имѣть въ нихъ. Требованія эти, съ грознымъ началомъ: „по указу Ея Императорскаго Величества", сыпались въ полкъ съ разныхъ сторонъ, такъ что неизвѣстно было, какія изъ нихъ и исполнять. Эти указы показывали

[1]) Хар. ист. арх., отд. I, № 1. Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 47, № 2.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem.

ясно только то, что начальство не имѣло понятія объ истинномъ положеніи дѣлъ въ полку, не хотѣло брать во вниманіе всѣ тѣ поборы и повинности, которые несли слободскіе полки. Требовали, не только несоразмѣрно большого числа людей, которымъ нужно было пахать, сѣять, косить, но брали, не платя ничего, подводы, фуражъ, провіантъ; а теперь было приказано заготовить воловъ для арміи—и полкъ харьковскій долженъ былъ скупить и приготовить ихъ 1309 головъ[1]).

Рядомъ съ присылкою въ канцелярію указовъ, побуждавшихъ исполнять ихъ „безотлагательно", подъ разными угрозами, въ ту-же канцелярію сыпались бумаги другого рода, долженствовавшія не въ меньшее, если не въ большее уныніе повергать полковника, который являлся козломъ отпущенія и долженъ былъ отписываться на указы, присылаемые отъ Ласси (этотъ „русскій" фельдмаршалъ всѣ свои указы подписывалъ по нѣмецки, можетъ быть, иногда и не зная, что онъ тамъ подписываетъ, ибо для него недоступно было чтеніе этихъ указовъ, написанныхъ на варварскомъ языкѣ писаремъ, стремившимся, по тогдашнему обыкновенію, только къ тому, чтобы наставить возможно больше разныхъ произвольныхъ крючковъ, украшавшихъ, по его мнѣнію, почеркъ). Бумаги, посылаемыя въ канцелярію, съ другой стороны, были „доношенія" и „покорные репорты", въ которыхъ сотники утѣшали полковника извѣстіями, что у козаковъ нѣтъ совсѣмъ лошадей,—а требовалось ихъ по двѣ на каждаго, нѣтъ даже такихъ, на которыхъ козакамъ можно было бы гнать воловъ въ армію[2]), и нѣтъ оружія; наконецъ, нѣкоторые сотники доносили, что и полнаго числа козаковъ нѣтъ въ сотняхъ.

Особенно ясно и характерно высказалось это непониманіе нѣмецкими генералами истиннаго положенія дѣлъ въ полку въ слѣдующемъ году. Фонъ-Ласси прислалъ (отъ 20 фев.) свой указъ на имя полковника Тевяшева, снабженный всѣмъ для его устрашенія—и именемъ Ея Величества, и обѣщаніемъ приличнаго наказанія за неисполненіе;—въ этомъ указѣ приказывалось полку нарядить въ армію „Его Высокоповелитель-

[1]) Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 47, № 2.

[2]) Ibidem.

ства“ (Ласси) тысячу человѣкъ, съ полковникомъ и старшиною; кромѣ этого приказывалось назначить для содержанія патрулей отъ Спѣваковки до Лугани 34 челов. и въ г. Бахмутъ 32, а остальныхъ козаковъ выслать на украинскую линію; и все это „съ провіантомъ на 6 мѣсяцевъ, въ надлежащей воинской исправности“. Отрядамъ этимъ, въ какое мѣсто кому было назначено, предписывалось явиться „на рандеву“ непремѣнно къ 1 апрѣля. Получивъ такое требованіе нарядить 1066 ранговыхъ козаковъ, а „остальныхъ“ выслать на линію, при штатѣ полка въ 600 челов. и при расходѣ въ силу указовъ того-же начальства по разнымъ командировкамъ, полковникъ Тевяшевъ написалъ „всепокорное доношеніе“, въ которомъ „всенижайше“ просилъ его высокоповелительство, чтобы ему, „занеудобь возможностью“ исполнить предписаніе, не остаться „въ напрасномъ истязаніи“,—сообразить слѣдующее: въ Харьковскомъ полку, согласно царскому повелѣнію (1733 г.), положено имѣть выборныхъ козаковъ 800 челов.; изъ этого числа, по такому-же указу, велѣно 100 козаковъ отдѣлить въ регулярную роту; къ этому-же числу, по опредѣленію „высокоповелительнаго генералитета“ (1736 г.), предписано прибавить еще 100; слѣдовательно, за вычетомъ ихъ, въ полку осталось только 600 козаковъ, но изъ нихъ въ командировкахъ были:

1)	У содержанія постовъ отъ Спѣваковки до Лугани .	100 козак.
2)	На Украинской линіи у содержанія постовъ-же .	250 „
3)	При Сибирскомъ, Рижскомъ и Ростовскомъ драгунскихъ полкахъ, при комисарахъ, для посылки за фуражемъ	15 „
4)	При комисарахъ, состоящихъ при генералитетѣ для раздачи фуража	8 „
5)	Для покупки лошадей	9 „
6)	За Украинскою линіею „у крисовой предосторожности“	4 „
7)	Для сбора фуража на полки	4 „
8)	На почтахъ въ разныхъ мѣстахъ.	22 „
	Всего было въ расходѣ	412 коз. [1]

При полку, значитъ, было тогда на лицо только 188 козаковъ, которыми полковникъ могъ распоряжаться, по довольно

[1]) Мос. отд. арх. гл. шт., отд. I, № 19.

трудно было ему обратить ихъ въ 1066 и имѣть, къ тому-же, еще „остальныхъ". Есть и другое доношеніе полковой канцеляріи, въ которомъ говорится, что такъ какъ козаки всѣ раскомандированы, то люди наряжены изъ подпомощниковъ, но указаннаго числа набрать все-таки нельзя, ибо подпомощники большею частью разбѣжались, а какихъ удалось собрать, тѣ на плохихъ лошадяхъ и вооружены дурно—„за оскуденіемъ". По поводу наряда требуемаго числа козаковъ, канцелярія, по обыкновенію, разослала предписанія по сотнямъ, какъ-бы умывая руки, ибо ей, конечно, хорошо было извѣстно истинное положеніе дѣлъ; въ нихъ она, со своей стороны, требовала отъ сотниковъ назначенія нужнаго числа людей въ походъ. На это послѣдовали изъ сотенъ слѣдующіе отвѣты: сотники Угольчанскій, Валковскій, Перекопскій и Люботинскій доносили, что приготовиться къ походу въ скоромъ времени они не въ состояніи, ибо козацкія лошади взяты подъ подводы, а свойственники козаковъ большею частью въ бѣгахъ [1]). Липецкій сотникъ Авксентіевъ, командированный также въ другія сотни (Тишковскую и Салтовскую), доносилъ, что онъ не могъ набрать тамъ нужнаго числа козаковъ, въ удостовѣреніе чего и представлялъ въ канцелярію росписки сотниковъ о томъ. Положеніе Харьковскаго полка было до крайности тяжелое, какого онъ еще никогда не переживалъ: поля оставались незасѣянными, многіе обыватели продавали свои грунты, разорившись совершенно; побѣги развелись страшно: козаки бѣгали съ постовъ (доношеніе Угольчанскаго сотника); чрезъ Украйну маршировали русскія войска, причиняя жителямъ разныя притѣсненія и обиды, а на нихъ надобно было, къ тому-же, поставлять фуражъ; требовались подводы подъ тяжести, погонщики къ воламъ, которыхъ приходилось поставлять въ армію [2]).

Не взирая на такое бѣдственное положеніе, полкъ 17-го апр. выступилъ въ походъ, войдя въ составъ арміи фельдмаршала Ласси, назначенной для покоренія Крыма. Самъ-же Минихъ съ другою арміею отправился подъ Очаковъ. Высту-

---

[1]) Мос. отд. арх. гл. шт., отд. I, № 19.
[2]) Ibidem.

пивъ изъ Изюма 1 мая, харьковцы, которыхъ и на этотъ разъ повелъ тотъ-же Ив. Гр. Квитка, 14 іюня переправились чрезъ Топкія воды [1]). Армія расположилась бивакомъ на морскомъ берегу; 27 іюня турецкій флотъ, близко подойдя къ берегу, началъ бомбардировку лагеря; это-же продолжалось 28, 29 и 30 числа, но русскіе отвѣчали туркамъ энергично. Непріятель, потерявъ одинъ фрегатъ, много кораблей и людей, принужденъ былъ уйти въ открытое море. Ласси, желая обойти г. Перекопъ, гдѣ былъ расположенъ 60-ти тысячный татарскій отрядъ, по Арбатской стрѣлкѣ вступилъ въ Крымъ. Двигаясь далѣе, армія 2 іюля подошла къ Гнилому морю, чрезъ которое войскамъ приходилось переправляться. Ширина этого затока Азовскаго моря была 14 верстъ; мѣсто это въ Крыму славится своими лихорадками. Конница пошла чрезъ это море и въ бродъ, и вплавь, а пѣхота переправлялась на плотахъ, сдѣланныхъ изъ пустыхъ бочекъ и другого матеріала, найденнаго при арміи; артиллерію перевозили также на плотахъ, а нѣкоторыя козацкія пушки тащили просто по дну за собою, что было возможно при незначительной глубинѣ этого моря. Послѣ этой отважной переправы, армія пошла вглубь полуострова и двигалась до 9 іюля, безпощадно предавая огню и грабежу встрѣчающіяся по пути татарскія деревни. Особенно на этомъ поприщѣ отличались козаки, отплачивая татарамъ ихъ-же монетою. Накипѣвшая вѣками ненависть вызывала подобную месть; среди козаковъ не было ни единаго, который-бы при этомъ случаѣ не мстилъ за смерть или плѣнъ кого-либо изъ близкихъ ему людей. Удивляться жестокости этой войны нельзя,—съ татарами другой образъ веденія ея былъ-бы непримѣнимъ.

14-го взятъ былъ и сожженъ г. Карасу-Базаръ. На слѣдующій день происходило сраженіе съ татарами, продолжавшееся цѣлый день. Въ этомъ дѣлѣ нѣсколько разъ жизнь Квитки подвергалась опасности: два раза его „мало не вбито“ [2]) изъ пушки и дважды ружейною пулею. Въ битвѣ этой татарами предводительствовалъ самъ ханъ. Побѣда осталась за русскими;

---

[1]) Фамил. лѣт. Квитокъ, изд. Д. И. Багалѣя.

[2]) Ibidem.

къ вечеру харьковцы благополучно пришли въ лагерь. 16-го подошли къ Заизару, по дорогѣ жгли также татарскія деревни. 20 и 21 іюля харьковцы находились въ аррієргардѣ, съ ними были ихъ пушки. Татары въ эти дни нѣсколько разъ дѣлали свои нападенія, но ихъ отбивали постоянно съ урономъ. 21-го, во время переправы чрезъ Заизаръ, послѣ полудня, татары сдѣлали сильное нападеніе на обозъ; завязалась перестрѣлка, и непріятель только къ вечеру отступилъ.

Между тѣмъ, отъ стоявшихъ первое время сильныхъ жаровъ и отъ недостатка воды, всѣмъ приходилось переносить много страданій,—козаки погибали, лошади ихъ издыхали. Только 29-го, когда кончилась переправа чрезъ Заизаръ, эта удушливая жара разразилась грозою и сильнымъ дождемъ; благодаря этому воздухъ очистился, и армія вздохнула свободно, спѣша собрать дождевую воду; поили ею свой скотъ и лошадей и сохраняли ее въ запасъ [1]).

По причинѣ недостатка въ фуражѣ и распространившейся сильной смертности среди людей и падежа лошадей и скота, армія пошла обратно изъ Крыма. Харьковцы, отдохнувши на р. Молочныя Воды (р. Токмакъ, впадающая въ Азовское море), двинулись домой и прибыли въ Харьковъ 14 сентября. Они, вѣроятно, въ недоумѣніи задавали себѣ вопросъ, зачѣмъ ихъ, вотъ уже третій годъ подрядъ, водятъ въ Крымъ, гдѣ они умирали отъ изнуренія и болѣзней; они понимали, что нѣсколько десятковъ сожженныхъ деревень татарскихъ не есть еще завоеваніе Крыма, что эти ежегодные походы не достигаютъ своей цѣли, не удерживаютъ татаръ отъ нападенія на Украйну. Такъ и теперь нашествіе ихъ ожидалось—это видно изъ того, что въ томъ году послѣдовало предписаніе начальства починить Харьковскую крѣпость, а такъ-же и другія укрѣпленныя мѣста въ полку. Крѣпость въ Харьковѣ, благодаря немалому уже времени, что пришлось стоять ей, а главное „чрезъ пожарное разореніе" [2]) (1733), пришла въ большой упадокъ. Г. Харьковъ, ни до этого времени, ни послѣ, осажденъ непріятелемъ никогда не былъ, хотя отстрѣливаться ему приходилось не разъ.

---

[1]) Фамил. лѣт. Квитокъ. Изд. Д. И. Багалѣя.

[2]) Хар. ист. арх., отд. I, № 9.

Для починки крѣпости, весь нужный для этого матеріалъ приказано было брать изъ помѣщичьихъ дачъ, а рабочихъ изъ владѣльческихъ обывателей. Приказъ о починкѣ этихъ крѣпостей пришелъ въ тяжелое время—онъ довершилъ отягощеніе и переполнилъ чашу. На предписаніе полковой канцеляріи приступить къ работѣ, нѣкоторые сотники сообщали, что произвести починку они не могутъ; другіе доносили, что выслать требуемаго числа рабочихъ, для поправки Харьковской крѣпости, они также не могутъ, ибо люди разбѣжались. Такъ, напр., для исправленія крѣпости въ Харьковѣ, требовалось 381 подвода и 400 пѣшихъ людей [1]); требовавшіеся люди и подводы были распредѣлены по сотнямъ, но прислано ихъ было только 206 подводъ и 284 челов.; изъ этого-же числа разбѣжалось 83 челов. пѣшихъ и съ подводами ушло 113. Значитъ, въ починкѣ участвовало только 93 подводы и 201 пѣшихъ людей, вмѣсто 381 и 400 челов. Сотникъ доносилъ, что въ тарановской крѣпости нѣтъ ни пушекъ, ни пороху, ни ядеръ, а сотники Ольшанскій, Золочевскій, Валковскій, Пересѣчанскій и Мерефянскій доносили, что они крѣпостей своихъ починить вовсе не могутъ, за полнымъ недостаткомъ рабочихъ, ибо люди, послѣ назначенія ихъ на работу, обыкновенно разбѣгались [2]).

Кампанія 1738 г. еще меньшіе принесла результаты, чѣмъ предыдущаго; она была положительно неудачна. Харьковскій полкъ, послѣ обычныхъ требованій набора людей въ большомъ количествѣ, 31 марта [3]) выступилъ въ походъ изъ Харькова съ генераломъ Ласси въ очень скромномъ количествѣ и, снова переправясь чрезъ Сивашъ, вошелъ въ Крымъ, откуда въ скорости армію принуждены были вывести обратно. Болѣе страшный врагъ, чѣмъ татары и зной, при недостаткѣ пропитанія, гналъ на этотъ разъ армію—чума, заставившая очистить даже завоеванныя въ прошломъ году крѣпости Кинбурнъ и Очаковъ, гдѣ въ этомъ году были и харьковцы, въ числѣ 100 козаковъ, при сотникѣ и подпрапорномъ [4]).

[1]) Хар. ист. арх., отд. I, № 9.

[2]) Ibidem.

[3]) Фам. лѣт. Квитокъ. Харьк. Календарь 1885 г.

[4]) Хар. ист. арх., отд. I, № 27.

Фельдмаршалъ Ласси, по возвращеніи изъ похода, расположился на зиму со всѣмъ своимъ штабомъ въ Бабаяхъ—селѣ Харьковскаго полка—и въ ближайшихъ къ нему деревняхъ, не избравъ полковаго города своею штабъ-квартирою, въ виду свирѣпствовавшей тамъ чумы. Войска его расположились па винтеръ-квартирахъ, въ предѣлахъ трехъ слободскихъ полковъ (шесть драгунскихъ и восемь пѣхотныхъ. На долю харьковцевъ выпало поить и кормить одинъ драгунскій и четыре пѣхотныхъ полка). Въ силу указа Ласси, харьковскимъ слобожанамъ приходилось продовольствовать „безъ заплаты" весь многочисленный штабъ фельдмаршала, половину расположеннаго въ полку числа людей провіантомъ и казенныхъ лошадей овсомъ, сѣномъ-же—лошадей всѣхъ пяти полковъ. Для продовольствія другой половины было приказано устроить провіантскіе магазины, изъ которыхъ-бы полки могли получать провіантъ и овесъ. Но такъ какъ въ этихъ магазинахъ не было заготовлено кн. Трубецкимъ, которому было поручено это, ровно никакихъ запасовъ, даже послѣ неоднократныхъ требованіи Ласси, то довольствовать войска пришлось все тѣмъ-же многострадальнымъ обывателямъ; у нихъ, правда, бралось „подъ квитанціи", но къ нимъ полчане, наученные горькимъ опытомъ, относились съ большимъ недовѣріемъ. Годъ этотъ былъ неурожайный, и запасовъ у самихъ жителей было немного; по этому фельдмаршалъ Ласси, входя въ тяжелое положеніе жителей, предписывалъ въ своемъ указѣ производить сборы, не причиняя полчанамъ насилія и обидъ, но одно это предписаніе уже краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о тѣхъ способахъ, которые практиковались войсками при сборахъ [1]).

Помимо страшнаго отягощенія, причиняемаго постоемъ, возвратившіяся изъ похода войска внесли въ Харьковскій полкъ еще и чуму. Эпидемія эта началась въ Турціи, разразилась съ страшною силою въ Яссахъ и Бухарестѣ, далѣе проникла въ Польшу, появилась въ гг. Барѣ, Могилевѣ, Каменецъ-Подольскѣ и др. и стала свирѣпствовать на Украйнѣ [2]). Была разослана инструкція, въ которой указывались мѣры

[1]) Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 47, № 2.

[2]) Бантышъ-Каменскій. Ист. Мал. Рос., ч. III, стр. 71.

предосторожности, и, рядомъ съ этимъ, было приказано на границахъ Турціи и Польши учредить карантины, для чего поставить заставы, гдѣ-бы задерживались всѣ, идущіе изъ тѣхъ земель. Проѣзжающихъ приказано было выдерживать нѣкоторое время въ карантинѣ, провѣтривать ихъ вещи и строго смотрѣть, чтобы чрезъ линію этого оцѣпленія никто-бы не прорывался. Харьковскому полку было приказано доставлять дрова и съѣстные припасы людямъ, стоящимъ на форпостахъ и въ карантинѣ (приказъ 13-го ноября). Кромѣ этого, нужно еще было изъ здоровыхъ мѣстъ полка доставлять съѣстные и питейные припасы въ мѣстности полка-же, но зачумленныя [1]), причемъ запрещалось жителямъ зараженныхъ мѣстъ переходить въ здоровыя мѣстности, для охраненія которыхъ, внутри области полка были разставлены караулы по дорогамъ, ведущимъ изъ г. Харькова въ Безлюдовку, Хорошево, Островерховку, Аксютовку, Торъ, Гуляй-Поле и Мерефу; даже по маленькимъ дорожкамъ были разставлены караулы. Каждый постъ состоялъ изъ обывателей не менѣе пяти человѣкъ. Имъ было приказано не пропускать изъ м. Зміева, подъ угрозою смертной казни. Для большаго-же внушенія страха поставлены были на дорогахъ висѣлицы [2]); всѣ маленькія тропинки приказано было завалить и зарубить. Людей, стоящихъ на постахъ, приказано было перемѣнять чрезъ недѣлю, но они часто разбѣгались, за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ. Такъ, разбѣжались многіе козаки изъ команды Изюмскаго полка [3]). Вездѣ прекращены были ярмарки, торговля.

Для огражденія полковаго города вокругъ разставлены были также караулы, для чего приказано было командировать изъ сотенъ козаковъ въ г. Харьковъ въ числѣ 200 человѣкъ. Для содержанія карауловъ полковникъ Пассекъ, назначенный для наблюденія за патрулями въ Харьковскомъ полку, ордеромъ потребовалъ также 66 козаковъ. Въ м. Зміевѣ находились косари для заготовки сѣна на полкъ. Между ними появилась

---

1) Хар. ист. арх., отд. I, № 17.

2) Ibidem.

3) Ibidem.

чума; для разслѣдованія объ этой болѣзни былъ посланъ харьковскій атаманъ Гончаренко. Онъ, возвратясь оттуда, доносилъ, что 30 іюля умерло отъ чумы въ однѣ сутки 5 челов.; въ командѣ-же косарей заболѣло горячкою 17.

Въ слѣдующихъ мѣстахъ полка свирѣпствовала эпидемія: въ с. Новомъ-Салтовѣ, Хотомлѣ, Мартовомъ[1]) (доношеніе Кошелева отъ 17 іюля) и въ самомъ Харьковѣ (рапортъ 5-го окт.)[2]), котораго не спасли караулы, ибо чума туда проникла. Если судить по одному извѣстному намъ случаю, то эти караулы и не могли предохранить отъ заразы, ибо они не особенно добросовѣстно исполняли свои обязанности: такъ, писарь м. Волчьяго пропустилъ 7 козаковъ, притомъ даже бѣглыхъ съ линіи, чрезъ посты, не выдержавъ ихъ въ карантинѣ, взявъ за это взятку[3]). Много жертвъ выхватила эпидемія эта изъ полка. По ея окончаніи, въ отвѣтъ на требованіе начальства объ укомплектованіи сотенъ, для отправленія въ походъ, посылались доношенія старшинъ, что людей взять неоткуда, ибо козаки, ихъ братья и свойственники въ сотнѣ, наприм., Салтовской и въ Безлюдовкѣ, „вымерли едва не совсѣмъ"; то-же было и въ двухъ харьковскихъ сотняхъ[4]). Далѣе, липецкій сотникъ (2 апр. 1739 г.) доносилъ, что козаки вымирали „цѣлыми семьями"[5]).

Чума, начавшаяся въ августѣ, продолжалась въ сентябрѣ въ Харьковѣ и въ другихъ мѣстахъ полка; въ октябрѣ эпидемія продолжалась, „воздухъ былъ смрадный", многіе дома вымирали до единой души. Только въ ноябрѣ чума или, какъ ее тогда называли, „опасная болѣзнь" стала понемногу стихать и прекратилась совершенно только въ декабрѣ[6]).

Лѣто этого года отличалось частыми „шкодливыми громами", бывшими причиною многихъ пожаровъ. Такъ, въ Харьковѣ 3 іюня сгорѣли двѣ церкви—Пр. Богородицы, въ Покровскомъ монастырѣ, и св. Благовѣщенія,—и одна въ с. Безлюдовкѣ[7]).

---

1) Хар. ист. арх., отд. I, № 17.
2) Ibidem.
3) Ibidem.
4) Ibidem, № 27.
5) Ibidem.
6) Фамильная лѣт. Квитокъ, изд. Д. И. Багалѣя.
7) Ibidem.

Годъ этотъ замѣчателенъ въ исторіи Слободской Украйны еще и въ томъ отношеніи, что татары въ послѣдній разъ появлялись въ ея предѣлахъ. Въ 1738 году самъ ханъ участвовалъ въ набѣгѣ на Украйну, прійдя къ Донцу [1]). Татары въ этотъ свой послѣдній набѣгъ сожгли нѣсколько селъ и увели много плѣнныхъ, но нѣкоторая часть изъ нихъ была отбита.

Главная гроза пронеслась мимо, такъ какъ крымцы всѣми своими силами на этотъ разъ обрушились на Малороссію; Слободская Украйна избѣгла большой бѣды, которая, по всѣмъ видимостямъ, собиралась надъ нею. Лѣтомъ этого года въ степи начало замѣчаться большое оживленіе, предвѣщавшее незаурядный набѣгъ, съ которыми жители свыклись и на которые давно перестали уже обращать большое вниманіе, подтверждая тѣмъ извѣстную истину, что человѣкъ можетъ свыкнуться со всѣми невзгодами, даже съ тѣми ужасами, которые несли съ собою татары. Это равнодушіе къ опасности выражалось въ плохомъ состояніи укрѣпленій—рвы засыпаны, валы обрушены: въ крѣпостяхъ не было пороху и ядеръ. Разъѣзды, высылаемые далеко въ степь для развѣдокъ, доносили, что кочевыя татарскія племена начали подыматься—„кормить своихъ лошадей“, что даже самъ крымскій ханъ готовится со всею ордою сдѣлать нападеніе на русскія границы и что въ его отрядѣ имѣются даже турецкія войска. Въ виду готовящагося такого большого набѣга, потребовались и соотвѣтствующія мѣры предосторожности и приготовленія къ отпору непріятеля. Фельдмаршалъ Минихъ и начальникъ края Румянцевъ, указами своими, распорядились о приведеніи въ полную исправность всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ слободскихъ полкахъ; пограничныя мѣстечки должны были укрѣпляться земляными валами, рогатками или полисадами. До этого времени небывшее укрѣпленнымъ въ Харьковскомъ полку м. Дергачи приказано было теперь укрѣпить, имѣя въ виду помѣстить тамъ полковой обозъ; для этого дергачевскимъ жителямъ пришлось въ самое короткое время приготовить 700 двухсаженныхъ полисадъ, заостривъ каждую и продолбивъ въ двухъ мѣстахъ. Такъ какъ почти всѣ козаки дергачевской сотни находились въ

[1]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 341.

раскомандированія, то пришлось, для укрѣпленія мѣстечка, ограничиться только этимъ, копать-же рва положительно было некому. Далѣе приказано было обывателямъ вооружиться ружьями, никому не отлучаться изъ своихъ мѣстъ, чтобы быть готовыми на случай тревоги скакать на сборный пунктъ для отраженія ожидаемаго врага. Небольшія партіи татаръ все чаще и чаще начали появляться около границы; маяки засвѣтились, предупреждая жителей о близости грабителей. Отовсюду начали присылаться донесенія, что, напр., бахмутскіе солевары, поѣхавшіе за дровами въ лѣсъ, попались въ плѣнъ, что сторожевые разъѣзды едва могли уйти отъ преслѣдованія и т. п. Жители мѣстъ неукрѣпленныхъ, напуганные тревожными вѣстями, спѣшили укрыться со своимъ скотомъ и имуществомъ въ крѣпостяхъ, представлявшихъ обыкновенно надежную защиту отъ татаръ, нелюбившихъ терять время на осаду ихъ; въ селахъ и хуторахъ остались только пастухи и люди, которымъ терять было нечего. При такомъ тревожномъ положеніи, когда приходилось со дня на день ожидать нападенія, когда каждый козакъ былъ дорогъ и необходимъ для охраны своей родной земли, требовалось еще назначить тысячу козаковъ на линію, область-же полка оставалась, такимъ образомъ, совсѣмъ безъ защиты, если бы татары прорвались чрезъ линію, что имъ удавалось неразъ. Полкъ грозному врагу, грозному именно своею численностью, могъ только противопоставить 70 козаковъ [1]), которыхъ полковникъ Тевяшевъ едва могъ собрать, ибо все было раскомандировано, притомъ полковникъ жаловался, что лошади его команды худы и изнурены. Нѣкоторыя сотни, напр., тишковская, не могли выслать ни единаго козака, всѣ находились по разнымъ командировкамъ. Команду свою полковникъ Тевяшевъ повелъ къ Изюму. Но главныя тучи собиравшейся грозы пронеслись стороною и разразилась надъ многострадальной Малороссіею.

Настала весна 1739 года и принесла съ собою несчастнымъ харьковцамъ, неуспѣвшимъ еще оправиться послѣ чумы, обычныя тяжести. Отъ 23 марта послѣдовалъ въ полкъ указъ,

[1]) Харьк. ист. арх., отд. I, № 19.

которымъ повелѣвалось имѣть „прележное стараніе“, чтобы укомплектовать изъ братьевъ и свойственниковъ недостающее въ полку число козаковъ и чтобы у каждаго козака было по двѣ лошади, исправное оружіе, огнестрѣльные припасы, все вообще нужное и провіантъ на шесть мѣсяцевъ. Въ предстоящій походъ долженъ былъ выступить самъ полковникъ, со всею полковою старшиною, сотниками, подпрапорными, съ артиллеріею, для которой лошади должны быть приготовлены хорошія; разрѣшалось, впрочемъ, вмѣсто ихъ имѣть и воловъ, которыхъ нужно было собрать также и для возки провіанта. Для выступленія въ походъ повелѣвалось ждать особаго приказанія, съ полученіемъ котораго, слѣдовать немедленно на „генеральное рандеву“. Воловъ, назначенныхъ въ армію, ни куда на тяжелыя работы не брать; для присмотра за ними нарядить погонщиковъ изъ обывателей, по одному человѣку на всякую пару воловъ; приготовить же на каждую пару по повозкѣ въ полной исправности, а также косы, топоры, долота и бурава. Для надзора за погонщиками на каждые сто человѣкъ назначить по одному подпрапорному, которому строго слѣдить за тѣмъ, чтобы они не разбѣгались. Писавшіе эти указы знали хорошо, что полчане крайне неохотно отдавали воловъ своихъ, ибо имъ за нихъ по большей части не платили, почему приказывалось объявить имъ и обнадежить ихъ, чтобы они „сумленія не имѣли, что за оные (волы) всеконечно учинена имѣетъ быть заплата“ [1]).

Таковъ былъ приказъ, на который полковникъ преаккуратно не замедлилъ отвѣтить, что онъ его получилъ и повелѣлъ сотенной старшинѣ „накрѣпчайше“, чтобы все было исполнено, и что по сотнямъ были посланы полковые старшины для осмотра, по окончаніи котораго они представили свои репорты далеко не утѣшительнаго свойства: что полнаго числа укомплектовать невозможно, что въ нѣкоторыхъ сотняхъ (въ Харьковѣ, гдѣ ихъ числилось двѣ, въ Салтовской и Безлюдовской) многіе козаки, ихъ братья, свойственники и подпомощники отъ бывшей моровой язвы „вымерли едва не совсѣмъ, если-же гдѣ и остались, то малолѣтніе; но и въ мѣ-

[1]) Хар. ист. арх., отд. I, № 27.

стахъ, гдѣ эпидемія не произвела такихъ опустошеній, козаки, благодаря безпрерывнымъ походамъ и командировкамъ, пришли въ крайнее разореніе; подпомощники-же ихъ тоже разорились окончательно. Если, при крайнемъ напряженіи, силъ, и можно будетъ собрать нѣкоторое количество козаковъ, то у каждаго будетъ только по одной лошади -- и то съ великими трудностями достать ихъ будетъ можно. Къ тому-же изъ комплектныхъ козаковъ 100 человѣкъ находилось тогда въ Очаковѣ, 50 содержало патрули отъ Спѣваковки до Лугани, а 79 человѣкъ взято было въ регулярныя роты, на мѣсто умершихъ и бѣглыхъ [1]).

Для того-же, чтобы увеличить комплектъ козаковъ, послѣдовалъ приказъ всѣхъ дѣтей старшинскихъ и подпрапорныхъ, которые въ возрастѣ, но не несутъ дѣйствительной службы, а только иногда исправляютъ временно нѣкоторыя должности, —всѣхъ ихъ назначить подпрапорными, если они достойны того: если-же нѣтъ, то записать въ рядовые козаки.

Изъ „походной канцеляріи" Румянцева получено было 7-го марта сообщеніе, что непріятель ворвался въ наши границы и что, по слухамъ, онъ намѣренъ „вдарить" на слободы. По этому предписывалось полковнику приготовиться къ отпору и къ походу [2]). Выступилъ полкъ 26 апрѣля въ слѣдующемъ составѣ: 10 человѣкъ полковыхъ старшинъ, считая тутъ и полковника, 7 подпрапорныхъ, 1 литаврщикъ, 9 пушкарей, 480 рядовыхъ козаковъ, въ числѣ которыхъ 372 козака было, все-таки, двуконные. Всѣми правдами и неправдами удалось полковнику Тевяшеву выставить въ этотъ походъ козаковъ, сверхъ положеннаго по комплекту, пѣшихъ 200 чел., а конныхъ 100. Всѣ они были распредѣлены между 16-ю сотнями полка; въ среднемъ приходилось на каждую сотню выставить лишнихъ по 12 пѣшихъ и 6 конныхъ, что, при тогдашнемъ ихъ плачевномъ положеніи, сдѣлать было нелегко, ибо приходилось часто брать по два человѣка съ каждаго двора (доношеніе лпецкаго сотника), чего прежде никогда не бывало [3]).

---

1) Хар. ист. арх., отд. I, № 27.
2) Ibidem.
3) Ibidem.

Въ послѣдній годъ этой тяжелой войны полкъ участвовалъ въ походѣ Миниха въ Молдавію; въ августѣ былъ при осадѣ г. Хотина и въ битвѣ при д. Ставучанахъ (17 авг.) съ турками, бывшими подъ начальствомъ Вели-паши (90 тысячъ), которые были разбиты на голову; весь лагерь достался побѣдителямъ. Результатомъ этой побѣды была сдача Хотина (19 авг.). Послѣ этого армія перешла чрезъ р. Прутъ и 1 сент. заняла Яссы. Вскорѣ заключенъ былъ Бѣлградскій миръ, по которому Россія и Порта обязались не допускать козаковъ и татаръ безпокоить другъ друга; съ этого времени татары прекратили свои набѣги на Украйну.

Итакъ, всѣ эти походы Миниха и Ласси, кромѣ большихъ потерь въ людяхъ, гибнувшихъ, главнымъ образомъ, отъ болѣзней, изнуренія и голода, когда солдаты, даже офицеры, падали мертвыми на ходу [1]),—не принесли ровно никакой пользы, ибо Крымъ остался не покореннымъ,—только Азовъ былъ пріобрѣтенъ, съ условіемъ, однако, срыть его укрѣпленія. Для полка-же эти годы были въ высшей степени тягостны вслѣдствіе цѣлаго ряда обрушившихся на него бѣдствій. Матеріальное положеніе харьковцевъ было плохо,—плоды ихъ трудовъ шли на русскія войска безъ всякаго вознагражденія, ибо, какъ пишетъ въ своихъ запискахъ, къ несчастью до насъ не дошедшихъ, харьковскій полковникъ Тевяшевъ: „большею частью брали все безъ платы, а когда и съ платою—по самымъ нисшимъ цѣнамъ и то подъ росписки, по которымъ обыватель хотя и обнадеженъ былъ въ исправномъ полученіи за все, однако и до нынѣ (1763 г.) остается на провіантской канцеляріи болѣе 100 тысячъ рублей“ [2]).

Всѣ тягости, постигшія бѣднаго слободскаго козака, способствовали сильному развитію побѣговъ. Бѣжалъ козакъ изъ командировокъ, гдѣ приходилось ему просиживать цѣлые годы, будучи оторваннымъ отъ своей семьи и чистенькой хаты съ вишневымъ непремѣнно садочкомъ, стосковавшись за своими

[1]) Д. И. Багалѣй. Очерки, стр. 339.

[1]) С. И. Ковалько. Истор.-стат. опис., Хар. Губ. Вѣд. 1859 г., № 8; Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 71.

„жінкою и дітками". Бѣгали козаки съ постовъ, гдѣ имъ приходилось стоять безъ пищи, терпя голодъ; бѣгали съ Украинской линіи, поглотившей безконечное число козацкихъ жизней. Часто они это дѣлали, видя и ясно сознавая всю безполезность того, что ихъ заставляли исполнять; бѣгали въ одиночку, цѣлыми партіями и даже селеніями. Какой-нибудь „подпомощникъ", у котораго было на плечахъ содержаніе рангового козака, цѣлое хозяйство и своя семья, будучи назначенъ въ далекій походъ, трепеталъ за участь своей жены и дѣтей, оставшихся беззащитными, и убѣгалъ. Между тѣмъ, его отцы и дѣды, жившіе въ тѣ времена, когда не было ни этихъ линій, ни русскихъ войскъ въ завоеванномъ ими краѣ, никогда не бѣгали, а билися только съ татарами. Тяжелое то было время: ежеминутно грозила опасность потерять жизнь и лишиться семьи, но козаки тогда не бѣгали; теперь-же, когда такъ, повидимому, заботились о безопасности слобожанъ и распоряжались ими не ясновельможные паны полковники, а высокоповелительные графы, побѣги все увеличивались... Бѣгства эти начали распространяться, и притомъ въ большомъ числѣ, когда требованія къ полку стали предъявляться выше того, что онъ могъ исполнить. Число полковыхъ козаковъ, за отдѣленіемъ 200 человѣкъ въ регулярныя роты, ограничено было 600, а являлись, какъ мы видѣли, такія требованія, которыя превосходили штатъ полка въ пять разъ [1]). Канцелярія, хотя и пыталась иногда разъяснить настоящее положеніе дѣлъ русскимъ генераламъ, подписывавшимся по нѣмецки, но это не помогало; тогда она, исполняя требованія, назначала козацкихъ братьевъ, свойственниковъ, даже подпомощниковъ, т. е. людей, несущихъ немало повинностей, но необязанныхъ служить въ строю. Это, естественно, вызывало неудовольствія, было причиною разоренія и влекло за собою побѣги. Канцелярія была просто завалена доношеніями отъ сотниковъ, гдѣ они сообщали о бѣгствѣ людей. Всякій указъ о назначеніи въ какую-либо командировку не обходился безъ того, чтобы не вызвать цѣлой литературы по этому поводу; то сотники доносили, что назначать некого и не съ кѣмъ,

1) Харьк. ист. арх. Отд. I, № 8.

ибо ни людей, ни оружія не было; то доносили, что столько-то изъ собранныхъ уже козаковъ разбѣжалось. Сами сотники, подпрапорные, да и полковая старшина даже, постоянно рапортовались больными, чтобы только не идти въ командировки. Полковникъ Тевяшевъ грозитъ „лишеніемъ чести и живота“ полковому судьѣ только за то, что тотъ не могъ собрать людей къ означенному времени, которыхъ требовала полковая канцелярія [1]). Сотникъ Ольшанскій получаетъ ордеръ, приказывающій выслать десять человѣкъ козаковъ въ распоряженіе русскаго офицера; высылаются только четыре, но и тѣ разбѣгаются, а новыхъ уже вмѣсто нихъ и не назначается [2]).

Въ продолженіи 1737 и 1738 годовъ изъ регулярныхъ ротъ убѣжало 63 человѣка, и въ числѣ нихъ капралы. Нѣкоторые бѣглые укрывались полковою старшиною [3]). Валковскій сотникъ Богаевскій доносилъ, что только за время съ 17 іюля по 11 августа изъ его команды, числомъ въ 450 козаковъ, отправленной на линію въ крѣпость св. Михаила, убѣжало 89 человѣкъ; команда эта должна была, по приказанію полковника Кашинина, косить сѣно ежедневно безъ отдыха, съ утра до самой ночи. Козаки, доведенные тяжестью работы до изнеможенія, побросали своихъ лошадей и имущество и начали разбѣгаться. Богаевскій донесъ въ канцелярію, что, если она не позаботится объ уменьшеніи работъ, онъ не ручается за то, что и всѣ козаки разбѣгутся [4]). Такими доношеніями о побѣгахъ, повторяемъ, полковая канцелярія была завалена, и привести ихъ можно было-бы множество. Главнокомандующіе издавали указы о запрещеніи помѣщикамъ принимать въ свои слободы бѣглыхъ; эти указы подтверждались, но мало достигали своей цѣли.

Жители, напримѣръ, м. Перекопца ушли оттуда и поселились въ хуторѣ генерала Кейта [5]); согласно приказу, ихъ хотѣли повернуть обратно, но перекопскій сотникъ Пащинскій доносилъ полковой канцеляріи, что приказчикъ генерала Кейта отказался выдать бѣглыхъ козаковъ [6]). Эта слобода начала се-

---

[1]) Хар. ист. арх., отд. I, № 27.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem, № 22.
[4]) Ibidem.
[5]) Ibidem.
[6]) Ibidem.

литься въ 1738 г. [1]). Поселенцевъ этихъ приказано было также выслать на Украинскую линію въ числѣ 210 человѣкъ съ сотникомъ Ковалевскимъ во всей воинской исправности и съ провіантомъ на шесть мѣсяцевъ [2]). Но это бѣжали все рядовые козаки, козаки регулярныхъ ротъ, подпопитые, даже капралы, а вотъ примѣръ побѣга офицера регулярной роты, которому служба, казалось бы, не приносила уже такихъ тягостей, какъ рядовымъ: поручикъ Прокофій Квитка проживалъ въ имѣніи своемъ въ с. Безлюдовкѣ. Ему объявили, что онъ назначенъ въ походъ на Украинскую линію и предписывали явиться въ роту, которая была уже готова къ выступленію и собрана при р. Дайгунѣ. Но такъ какъ Квитка этого предписанія не исполнилъ, въ роту не поѣхалъ, то къ нему былъ посланъ капралъ Семенъ Гладкій съ 4-мя рядовыми, которому было приказано „предложить учтиво" Квиткѣ ѣхать въ роту; если-же и это учтивое предложеніе не будетъ имѣть успѣха, тогда привести поручика подъ карауломъ. Квитка, когда ему было передано приказаніе начальства, пустился на хитрость: прикинулся покорнымъ и, сказавъ, что въ роту поѣдетъ и въ походъ пойдетъ, пошелъ подъ предлогомъ собираться въ дорогу, въ другую хату. Надѣвъ тамъ вмѣсто мундира сермяжный кафтанъ, онъ, съ ружьемъ въ рукѣ, въ сопровожденіи одного своего слуги, выскочилъ изъ окна и побѣжалъ къ берегу р. Удъ, гдѣ ждалъ его другой человѣкъ въ лодкѣ, переѣхалъ на другой берегъ и скрылся [3]). Многіе рядовые той роты, въ которой числился Квитка, оставивъ ружья, мундиры и аммуницію, бѣжали отъ предстоящаго похода (1738 г.), и Квитку обвиняли въ томъ, что онъ ихъ будто бы подбилъ къ тому и помогалъ имъ [4]). Имѣніе и имущество Квитки были описаны, а его самаго было приказано вездѣ искать— онъ унесъ съ собою 50 руб. ротныхъ денегъ, которые были при немъ.

Въ дѣлахъ сохранились вѣдомости о состояніи Харьковскаго полка въ 1741 г.; причемъ проводится параллель между

---

[1]) Хар. ист. арх., отд. I, № 16, стр. 1.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem, № 22.
[4]) Ibidem.

населеніемъ 1732 г., по произведенной тогда переписи, и населеніемъ 1741 года. Изъ этихъ вѣдомостей видно, что козаковъ, ихъ братьевъ, свойственниковъ за этотъ періодъ времени уменьшилось на 1034 челов., а число подпомощниковъ на 7856; всего, значитъ населеніе полка противъ 1732 г. уменьшилось на 8890 челов. [1])—число не маленькое, ясно свидѣтельствующее о тѣхъ бѣдахъ, какія полку пришлось пережить. Остается сожалѣть, что намъ неизвѣстно число умершихъ отъ чумы, чтобы опредѣлить, во что за все это время обошлись харьковцамъ походы Миниха и постройка этой печальной памяти Украинской линіи.

Помѣщаемъ здѣсь эти двѣ вѣдомости, изъ которыхъ можно видѣть уменьшеніе числа населенія по сотнямъ.

Извѣстіе отъ повытья канцеляриста Ак. Протасова, коликое число въ Харьковскомъ полку козаковъ и ихъ дѣтей, братьевъ и свойственниковъ по переписи 732 году состояло и въ нынѣшнемъ году по вѣдомостямъ оныхъ козаковъ и драгунъ и свойственниковъ состоитъ, о томъ значится подъ симъ. Іюля дня 1741 г. [2]).

Званіе сотнямъ.	По переписи 732 г.		Въ нынѣшнемъ году.		
	Козаковъ.	Ихъ дѣтей и свойственниковъ.	Козаковъ.	Драгунъ.	Ихъ дѣтей и свойственниковъ.
Въ г. Харьковѣ въ обоихъ сотняхъ, въ томъ числѣ въ с. Даниловкѣ и с. Циркунахъ	130	780	83	41	640
Въ сотнѣ Тишковской	20	120	33	9	190
" " Липецкой	70	420	35	13	326
" " Салтовской	59	354	42	18	201
" " Волчанской	11	66	7	3	42
" " Дергачевской.	65	390	49	20	348
" " Золочевской	40	240	32	8	259
" " Пересѣчанской съ д. Песочин.	45	270	35	13	242
" " Ольшанской	55	330	45	10	196
" " Люботинской.	30	180	22	9	153
" " Угольчанской.	50	300	34	10	206
" " Валковской	65	390	52	18	335
" " Перекопской	36	216	24	9	131
" " Хорошевской.	35	210	25	7	142
" " Мерефянской.	35	240	25	8	164
" " Соколовской и Тарановкѣ .	54	324	44	10	198
Итого.	800	4800	587	206	3773

[1]) Хар. ист. арх., отд. I, стр. 1, № 54.

[2]) Ibidem.

Извѣстіе о состояніи Харьковскаго полку подпомощниковъ по сотнямъ ниженписанныхъ годовъ [1]).

	По переписи 732 г.	Нынѣшняго 741 г. по сентябр. вѣдом.
Въ сотняхъ Харьковскихъ 3 села	2290	1471
„ „ Перекопской 3 села.	613	550
„ „ Люботинской	392	342
„ „ Уѣльчанской	592	264
„ „ Валковской	1293	822
„ „ Пересѣчанской съ с. Ковягами . .	525	401
„ „ Мерефянской „ „ Островерхов.	712	518
„ „ Соколовской „ „ Безлюдовкой	514	408
„ „ Дергачевской „ „ Лозовымъ .	1213	1046
„ „ Золочевской съ селами	641	614
„ „ Липецкой „ „	649	559
„ „ Тишковской „ „	134	132
„ „ Салтовской „ „	1110	1182
„ „ Ольшанской „ „	1028	743
Итого. . . .	17440	9584

Все это очень краснорѣчивыя цифры, ясно говорящія, что реформы, вводимыя въ слободскіе полки за то, что они, по выраженію указа, такъ вѣрно и безпорочно „служили и въ такомъ постоянномъ и непоколебимомъ пребывали порядкѣ“ [2]), привели ихъ еще къ большему безпорядку и разоренію, отъ которыхъ императрица Анна Іоанновна стремилась ихъ избавить. Указъ ея объ этомъ написанъ такъ тепло и сочувственно, что, если бы ея воля была исполнена, козакамъ не приходилось-бы теперь оставлять насиженныхъ мѣстъ, бѣжать и обращаться въ бездомныхъ бродягъ.

---

[1]) Хар. ист. арх., отд. I, стр. 1, № 54.

[2]) Пол. соб. зак., т. VIII, № 6289.

Глава XIII.

Просьба слобожанъ къ императрицѣ.—Доносъ Падаржанскаго.—Слѣдствіе.—Депутація для поздравленія.—Сенатскій указъ.—Царская грамота 1743 г.—Милости слободскимъ полкамъ.—Введеніе формы одежды.—Увеличеніе числа выборныхъ козаковъ.—Штатъ полка.—Увеличеніе числа сотенъ.—Штатъ каждой.—Запрещеніе переходить съ мѣста на мѣсто.—Путешествіе императрицы.—Походъ слободскихъ полковъ въ г. Сѣвскъ на встрѣчу императрицѣ, для принесенія благодарности.—Указъ о готовности къ походу и о починкѣ крѣпостей.—Разсчетъ матеріала и рабочихъ, для починки Харьковской крѣпости и опись работамъ.—Командировки.—Лѣтніе сборы.—Внутреннее состояніе полка.—Приказъ изъ канцеляріи о приведеніи всего въ исправность.—Замѣчанія, сдѣланныя на смотру.—Жалоба козаковъ Угольчанской сотни.—Приказъ полковой канцеляріи.

По восшествіи на престолъ дочери Петра Великаго, Елизаветы Петровны, слобожане рѣшили обратиться къ государынѣ съ просьбою избавить полки отъ тѣхъ страшныхъ отягощеній, въ которыя повергнули ихъ „новости", введенныя кн. Шаховскимъ. Зная отношенія новой императрицы къ умершей и вообще къ ея царствованію, а также надѣясь на то, что дочь Великаго Петра отнесется сочувственно къ просьбѣ ихъ вернуть имъ тѣ вольности и прежніе порядки, которые утверждены были въ полкахъ грамотами, пожалованными ея родителемъ, полковники и старшины всѣхъ слободскихъ полковъ въ 1742 г. подали въ сенатъ просьбу, въ которой просили избавить ихъ отъ реформъ Шаховскаго и уничтожить драгунскій полкъ, ложившійся на нихъ особенною тяжестью. Въ него шли лучшіе козаки, содержался онъ на счетъ полковъ, а офицерамъ великороссійскимъ, служившимъ въ немъ, были закрѣплены мѣстечки, села и деревни, съ ихъ землями и жителями. На успѣхъ своихъ хлопотъ они надѣялись, ибо Елизавета Петровна, вступая на престолъ, объявила, что хочетъ держаться того порядка управленія, который былъ при

Петрѣ Великомъ. Но пока просьба эта шла по своему назначенію, съ обычной тому времени медленностью, полчанамъ пришлось многое претерпѣть отъ членовъ канцеляріи коммиссіи, на существованіе которыхъ своимъ прошеніемъ они посягали. Слобожане не скрывали того, что подали просьбу, и о томъ открыто вездѣ говорили. Секундъ-маіоръ Надаржанскій донесъ о всемъ этомъ канцеляріи, которая не замедлила это дѣло раздуть и придать ему значеніе государственнаго преступленія, а рядомъ съ этимъ, не упустила случая и для своего обогащенія, ибо вести тогда какое либо дѣло, значило обирать всѣхъ, которые привлекались къ допросамъ. Началось цѣлое дѣло, носившее названіе: „о разглошеніи о раскассированіи драгунскаго полка". Въ Сумы требовались со всѣхъ полковъ „разглосители" для снятія съ нихъ показаній, а по полкамъ посылались чиновники для слѣдствія. Съ полковыхъ канцелярій требовались деньги на прогоны и на кормъ для нихъ по три копѣйки въ день, которыя канцелярія полковая собирала со старшинъ [1]).

Между тѣмъ къ предстоящей коронаціи императрицы въ Москву собирались депутаты изъ всѣхъ мѣстъ Россіи. Коронацію предполагалось отпраздновать съ невиданною еще до того времени торжественностью,—ибо всѣ ликовали въ надеждѣ, что съ новою царицею настанетъ конецъ нѣмецкому владычеству на Руси. Военная коллегія предписала бригадиру составить депутацію отъ слободскихъ полковъ для принесенія поздравленія; она должна была состоять изъ полковниковъ и старшинъ, по одному отъ каждаго полка.

Коронованіе совершилось 25 апрѣля; слободская депутація участвовала въ торжествахъ, продолжавшихся нѣсколько дней, и допущена была къ рукѣ императрицы. По окончаніи празднествъ, депутаты подали на имя императрицы просьбу въ сенатъ, гдѣ, излагая то бѣдственное положеніе, въ которомъ находилась Слободская Украина, просили, „чтобы введенныя кн. Шаховскимъ новости уничтожить, а прежнія, данныя въ слободскіе полки, жалованныя грамоты вновь подтвердить и

[1]) Н. Головинскій. Сл. коз. п., гл. V.

содержать ихъ, полки, по прежнему, какъ при державѣ Императора Петра Великаго содержаны были" [1]).

Подавъ это прошеніе, депутація, полная надеждъ, ибо видѣла вниманіе и доброту царицы, уѣхала домой, гдѣ порадовала тѣмъ-же и своихъ полчанъ. Незаконныя дѣянія коммиссіи учрежденія продолжались, и только сенатскимъ указомъ (отъ 2 авг. 1743 г.) имъ положенъ былъ предѣлъ. Этотъ указъ повелѣвалъ „сказанное слѣдствіе (по дѣлу „о раскассированіи драгунскаго полка") оставить безъ дальнѣйшаго производства, козаковъ въ драгуны не выбирать, а старшинамъ и обывателямъ никакихъ обидъ и налоговъ не дѣлать, подъ опасеніемъ штрафа; а съ чего то слѣдственное дѣло началось, о томъ въ правительственный сенатъ изъ канцелярій Слободскихъ полковъ прислать обстоятельное извѣстіе" [2]).

Этотъ указъ былъ преддверіемъ царской грамотѣ, послѣдней слободскимъ полкамъ, которою они освобождались отъ всего того, что притѣсняло ихъ; освобождались отъ гнета ненавистной для нихъ „коллегіи", которая этою замѣчательною грамотою, гдѣ высказано столько любви и заботы императрицы къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ, была уничтожена. Въ пожалованной въ Харьковскій полкъ на имя полковника Тевяшева грамотѣ говорится въ началѣ о томъ, что слободскіе полки служили вѣрно дѣду, дядѣ и родителю императрицы, что они ими были всегда очень довольны, что полки постоянно пребывали въ отличномъ порядкѣ, за что имъ и былъ пожалованъ рядъ грамотъ (съ 1669 по 1700 г.), которыми слобожанамъ предоставлены разныя льготы и преимущества за то, что службу они несли безъ жалованья. Далѣе говорилось о томъ, что, вслѣдствіе реформъ, введенныхъ въ полки кн. Шаховскимъ, а, главное, вслѣдствіе учрежденія драгунскаго полка и раздачи офицерамъ подданныхъ, въ нихъ происходятъ „крайнія непорядки" и „немалыя помѣшательства" и что полки „пришли въ несостояніе". Говорилось также, что слобожане поселились въ началѣ „въ дикихъ степяхъ" и что они „безъ регулярнаго учрежденія" „одними козацкими легкими компа-

---

[1]) П. Головинскій. Сл. коз. пол., гл. V.

[2]) Ibidem.

ніями“ всегда успѣшно „чинили“ отпоры и „непріятеля никогда во внутрь россійскихъ городовъ не допускали“. А поэтому повелѣвалось: всѣ грамоты, опредѣляющія льготы, подтвердить вновь, драгунскій полкъ расформировать, распредѣлить драгунъ по полкамъ слободскимъ, въ которыхъ приказывалось содержать 5 тысячъ выборныхъ козаковъ; подпомощниковъ у офицеровъ отобрать и расписать по сотнямъ, а равнымъ образомъ отобрать ихъ у полковниковъ и у полковыхъ старшинъ. Пятитысячное число козаковъ предоставлялось распредѣлить по полкамъ самимъ полковникамъ, по согласію между собою; всѣ судебныя дѣла рѣшать въ полковыхъ канцеляріяхъ, причемъ указывался путь апеллированія на неправильныя рѣшенія какъ полковой канцеляріи, такъ и другихъ высшихъ инстанцій. Слободскіе полки должны были содержать все-таки три драгунскихъ и одинъ гарнизонный полкъ, оставаясь по прежнему въ вѣдѣніи военной коллегіи. Императрица, даруя слобожанамъ вышеозначенныя милости, изъявляла надежду, что они, въ благодарность за то, будутъ служить „со всякимъ усердствомъ и радѣніемъ“ [1]).

Слобожане ликовали, вздохнувъ, наконецъ, свободно послѣ столькихъ невзгодъ. Это было полное освобожденіе отъ всего, что шло въ разрѣзъ съ ихъ козацкимъ строемъ и стародавними традиціями; правда, приходилось содержать 4 полка, расквартированныхъ на Украйнѣ, да и число выборныхъ козаковъ въ полку было увеличено, но, сравнительно съ прежнимъ, это должно было казаться имъ необременительнымъ.

Полковники, съ общаго согласія, ввели въ свои полки однообразную форму одежды, чего прежде не было. Верхнее платье состояло изъ черкески синяго цвѣта (во всѣхъ полкахъ одинаковая) съ откидными рукавами, обложенными тесьмами и снурками. Цвѣтъ же чекменя и шароваръ былъ назначенъ по полкамъ; въ Харьковскомъ полку эти части одежды положено было имѣть желтаго цвѣта [2]). Къ пятитысячному числу, положенному грамотою содержать во всѣхъ полкахъ, въ 1746 году указомъ изъ военной коллегіи приказано было

[1]) Грамоты 1743 г. В. В. Гуровъ. Сбор. суд. рѣш., стр. 528—533.

[2]) И. Головинскій. Слоб. коз. п., гл. VI.

прибавить еще 2,500 козаковъ. Штатъ Харьковскаго полка, послѣ этихъ прибавленій, былъ слѣдующій:

1) Полковникъ	1	12) Лекарь	1
2) Полковой обозный	1	13) Подпрапорныхъ	81
3) „ судья	1	14) Канцеляристовъ	3
4) „ есаулъ старшій	1	15) Канцелярійск. писарей	3
5) „ „ младшій	1	16) Литаврщикъ	1
6) „ ротмистръ	1	17) Трубачей	3
7) „ писарей	2	18) Городничихъ	2
8) „ хорунжій	1	19) Пушкарей	20
9) Капитанъ, команд. ротою	1	20) Кузнецъ	1
10) Сотниковъ	19	21) Дѣйствительн. козаковъ	850
11) Попъ	1	Всего	995

Лошадей по списку положено:

1) При дѣйствител. козак.	1700	2) Артиллерійскихъ	20
		Всего	1720[1]

Штатъ этотъ сравнительно съ таковымъ-же, бывшимъ до отмѣны реформъ (1742 г.), превышаетъ число козаковъ въ полку на 250. а всего всѣхъ чиновъ на 328 челов.[2]).

Это число ранговыхъ козаковъ было распредѣлено по сотнямъ, число которыхъ увеличено до 19; штатъ каждой изъ нихъ былъ слѣдующій[3]):

1) Въ Харьков. 1-й сотнѣ	30	11) Въ Перекопской сотнѣ	34
2) „ „ 2-й „	62	12) „ Пересѣчанской „	62
3) „ Дергачев. 1-й „	42	13) „ Ольшанской „	42
4) „ „ 2-й „	43	14) „ Золочевской „	61
5) „ Хорошевской „	30	15) „ Тишковской „	46
6) „ Мерефянской „	37	16) „ Липецкой „	40
7) „ Соколовской „	53	17) „ Салтовской „	68
8) „ Люботинской „	24	18) „ Мартовецкой „	28
9) „ Угольчанской „	36	19) „ Волчанской „	35
10) „ Валковской „	75	Всего	850

Былъ отданъ приказъ, запрещавшій козакамъ слободскихъ полковъ, ихъ свойственникамъ и подпомощникамъ переходить съ мѣста на мѣсто, не только изъ области полка въ Малорос-

[1]) Штатъ этотъ заимствуемъ изъ рапорта Хар. полк. канцеляріи о состояніи полка за 1758 г. Хар. ист. арх.

[2]) Ibidem. Штатъ полка 1742 г.

[3]) Ibidem. Отд. I, № 256 (1760 г.).

сію и Великороссію, но даже въ другой слободскій-же полкъ[1]). Этотъ указъ (отъ 6 іюля 1848 г.) былъ снова подтвержденъ въ слѣдующемъ году; вводился, кромѣ того, еще штрафъ за пріемъ на жительство слобожанъ, сошедшихъ со своихъ мѣстъ[2]). Указъ (отъ 30 марта 1749 г.) былъ опубликованъ въ слободскихъ полкахъ; тѣхъ-же козаковъ и подпомощниковъ, которые до этого времени сошли съ мѣстъ и живутъ въ Малороссіи и Великороссіи, по силѣ указа, приказано было, съ женами, дѣтьми и пожитками, вывести на прежнія жилища на ихъ-же счетъ [3]).

Полковая канцелярія разослала предписанія по сотнямъ строго слѣдить за исполненіемъ указовъ, не допускать переходовъ и доставить вѣдомости козакамъ, кто и въ какія мѣста выселился.

Полчане, желая принести свою благодарность императрицѣ за исполненіе ихъ просьбъ и пожалованіе имъ послѣдней царской грамоты, рѣшились для этой цѣли отправиться въ г. Сѣвскъ, чрезъ который предполагался проѣздъ Елизаветы Петровны, ибо она лѣтомъ 1744 г. предприняла путешествіе въ г. Кіевъ на поклоненіе угодникамъ. Ее сопровождали наслѣдникъ престола, Петръ Ѳедоровичъ, и супруга его Вел. Кн. Екатерина Алексѣевна. Для принесенія благодарности полковники рѣшили послать отъ каждаго полка по 200 козаковъ съ полковыми старшинами, съ сотниками, полковыми знаменами и трубами. Въ послѣднихъ числахъ іюня всѣ собрались въ г. Сумы; не было только Острогожскаго полка. Участвовать въ депутаціи этой бригадиръ Лесевицкій отказался по старости и слабости здоровья, а харьковскій полковникъ Ст. Ив. Тевяшевъ, по причинѣ неизвѣстной, послалъ вмѣсто себя полкового обозного Ив. Вас. Ковалевскаго. Общее начальство надъ всѣми по старшинству принадлежало Изюмскому полковнику—Квиткѣ. Въ путь слобожане выступили безъ Острогожскаго полка, не дождавшись его. Въѣздъ императрицы при пушечныхъ выстрѣлахъ и колокольномъ звонѣ въ г. Сѣвскъ

---

1) Полн. собр. зак., т. XII, № 9514.

2) Ibidem. Т. XIII, № 9592.

3) Хар. ист. арх. Отд. I, № 149.

состоялся 4 августа. Отряды слободскихъ полковъ стояли выстроенными вдоль той дорогѣ, по которой государынѣ надлежало ѣхать. Отряды стояли другъ отъ друга отдѣльно, по полкамъ, и, по мѣрѣ того, какъ приближалась императрица, они отдавали ей честь саблями, распущенныя полковыя знамена при игрѣ на трубахъ и битьѣ въ литавры салютовали наклоненіемъ до земли. Императрица проѣхала мимо, козаки пошли за нею, а полковники ѣхали около кареты; такимъ порядкомъ слѣдовали на разстояніи 18 верстъ, а около с. Толстодубова императорскій поѣздъ остановился. Полковники, старшины и сотники были представлены императрицѣ и въ собственныя руки подали бумагу, общую отъ всѣхъ полковъ, въ которой излагали своей государынѣ благодарность за милости, оказанныя полкамъ. Елизавета Петровна благосклонно приняла бумагу, допустила всѣхъ къ рукѣ своей и послѣдовала дальше, отряды-же пошли по домамъ [1])

Хотя намъ неизвѣстно, чтобы татары дѣлали набѣги на Украйну послѣ заключенія Бѣлградскаго мира (1739 г.), однако опасность, видимо, была, и этихъ нападеній ждали, если въ 1748 г. послѣдовалъ указъ изъ военной коллегіи во всѣ слободскіе полки, чтобы они были въ совершенной исправности и находились-бы въ полной готовности „ежечасно“ выступить въ походъ. Указъ этотъ приказывалъ соблюдать величайшую предосторожность и посылать безпрестанно разъѣзды въ Крымскую и Кубанскую стороны. Вѣроятно, было основаніе ждать нападенія и нападенія серьезнаго, такъ какъ повелѣвалось къ тому-же починить всѣ крѣпости въ Харьковскомъ полку [2]). Получивъ такой указъ, полковникъ Тевяшевъ разослалъ отъ себя сотникамъ строгія приказанія объ исправленіи крѣпостей, грозя за неисполненіе штрафомъ, „ибо отъ того зависитъ высочайшій Ея Императорскаго Величества интересъ“. Въ приказаніяхъ этихъ говорилось, чтобы сотники имѣли „денное и почное неусыпное попеченіе“ и успѣли бы починить крѣпости тою-же весною.

[1]) Г. Квитка. Зап. о слоб. пол., стр. 19.
[2]) Хар. ист. арх. Отд. I, № 124.

Для починки-же Харьковской крѣпости былъ назначенъ сотникъ Леонтій Голуховичъ. Этотъ сотникъ составилъ подробную вѣдомость, сколько, какихъ и на что нужно бревенъ и какое количество потребуется рабочихъ [1]). По его вѣдомости, на полисадникъ и рогатины нужны были бревна длиною въ 2 сажени и въ отрубѣ 2 четверти, на рогаточныя спицы длиною въ 1 саж. той-же толщины; для починки 9 башенъ—на подвалины и одверии (?)—длиною 4 саж., толщ. въ 3 чет.; на сносы (?) латъ въ 3 саж., на ворота кротдубицъ—въ 2 саж. Всего требовалось 10,375 штукъ бревенъ, которыя распредѣлялись такъ:

На палисадникъ	3425	На девять башенъ	175
„ рогатины	970	„ снозы латъ.	485
„ рогаточныя спицы . . .	3845	„ ворота кротдубицъ. . .	170
		Всего. . . .	9070

Неизвѣстно, куда назначались еще 1,305 бревенъ, не вошедшія въ это число. Все количество этого, нужнаго для починки, матеріала было распредѣлено по разнымъ мѣстамъ, съ предписаніемъ свезти въ Харьковъ. Число рабочихъ располагалось на все населеніе полка, которое состояло изъ козацкихъ свойственниковъ, кромѣ дѣйствительныхъ козаковъ, 4994; подпомощниковъ 5207; владѣльческихъ, кромѣ мелкихъ, 12,767 человѣкъ [2]).

Сотникъ Голуховичъ, кромѣ этой вѣдомости нужнаго для починки матеріала, представилъ еще въ полковую канцелярію опись работамъ по починкѣ крѣпости; приводимъ здѣсь эту опись:

1. „Въ г. Харьковѣ починить крѣпость отъ болварка, что подъ монастыремъ, до раската, что противъ броварей и р. Лопани, валу землянаго починить и рву вычистить саженей трехъ аршинныхъ 500
2. Отъ раската, что противъ броварей по надъ р. Лопанью, до болварка, что за монастыремъ, вновь валъ сдѣлать саженей 320

Въ большомъ городѣ:

3. Отъ раската, что надъ р. Лопанью, подлѣ броварей по надъ Нетечью и подлѣ Троицы до раската, что подлѣ Чугачъ (?) и до башты Шаповаловской вновь валъ и ровъ дѣлать саж. 370

[1]) Хар. ист. арх. Отд. I, № 124.

[2]) Ibidem.

4. Отъ Шаповаловой башты горою до раската, что подлѣ р. Лопани, ровъ вычистить и валъ починить саж. 550
5. Отъ того раскату по надъ р. Лопанью до монастырской огорожи вновь валъ дѣлать"[1]) 150

Изъ приведенной описи видно, что работа была не маленькая. Приводимыя въ ней данныя даютъ возможность составить понятіе о размѣрахъ Харьковской крѣпости. Работу эту производили козачьи свойственники, подпомощники и владѣльческіе крестьяне; козаки тоже не сидѣли сложа руки: часть ихъ была въ лифляндскомъ походѣ, часть на линіи (95 челов.) и въ другихъ разныхъ командировкахъ, въ которыхъ показано въ этомъ году 372 челов.[2]) (кромѣ того „сошло и бѣжало" 26); а такъ какъ командированныхъ нужно было мѣнять, то отдыхать козакамъ приходилось мало. Въ этомъ году показано, что полкъ ходилъ въ сентябрѣ въ лагерь на лѣтніе сборы[3]).

Внутреннее состояніе полка—составъ лошадей козачьихъ, ихъ вооруженіе и снаряженіе были въ очень печальномъ видѣ. Въ виду предстоявшаго въ томъ году смотра, полковая канцелярія отдала приказанія сотникамъ привести все въ полную исправность, но, не довольствуясь еще этимъ, разослала по сотнямъ полковыхъ старшинъ, для осмотра лошадей и проч., которые и указали сотникамъ, что нужно перемѣнить, представивъ въ канцелярію отчеты своихъ замѣчаній. Но все это мало принесло пользы, ибо на полковой смотръ, бывшій въ томъ году, козаки явились въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. Всѣ предписанія и указанія полковыхъ старшинъ, по выраженію канцеляріи, „весьма малый плодъ принесли". На смотру замѣчены были въ полку слѣдующія большія неисправности:

1) во многихъ сотняхъ козацкія лошади, забракованныя старшинами, остались неперемѣненными;

2) конскіе уборы—сѣдла, трекочи и проч. у многихъ козаковъ оказались никуда негодными, а уздечки и чумбуры у всѣхъ почти были совершенно непригодны къ службѣ;

---

[1]) Хар. ист. арх. Отд. I, № 124.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem.

3) ружья старыя, не однокалиберныя, не годящіяся къ легкой службѣ; лядунки ветхи, а пули, въ нихъ находящіяся, были у многихъ не по ружьямъ;

4) одежда, въ которой явились козаки на смотръ, была въ очень плохомъ состояніи, къ тому-же неустановленныхъ цвѣтовъ, а нижнихъ кафтановъ у нѣкоторыхъ и совсѣмъ не было;

5) козаки были плохо обучены воинской службѣ и, что хуже всего, на смотру едва шестая часть оказалась дѣйствительно служащихъ козаковъ, а остальные все были изъ свойственниковъ и подпомощниковъ, изъ которыхъ многіе не умѣли правильно сидѣть на лошади и держать въ рукахъ ружье. Оказалось, что сотенные командиры, безъ всякаго предписанія полковой канцеляріи, безъ ея вѣдома, завели порядокъ службы во фронтѣ по очереди по одному году, отчего и происходило это полное незнакомство ихъ сотенъ съ воинскою службою. Кромѣ того, козаки угольчанской сотни заявили жалобу на своего сотника, Константина Ковалевскаго, что онъ ихъ строевыхъ лошадей держитъ у себя и употребляетъ на свои частныя поѣздки, почему лошади и пришли въ то плохое состояніе, въ которомъ нашли ихъ на смотру. За это самоуправство, сотникъ Ковалевскій долженъ былъ подвергнуться взысканію; намъ неизвѣстно, какому именно онъ подвергнулся наказанію.

Полковая канцелярія разослала въ сотни копіи вѣдомости, представленной полковымъ есауломъ Горлинскимъ, въ которыхъ перечислялось, какихъ лошадей нужно перемѣнить (забраковано ихъ было на смотру 52) и что исправить, съ строгимъ напоминаніемъ, что она дѣлаетъ это въ послѣдній разъ. Полковникъ грозилъ, что, если случится еще разъ что-либо подобное, то сотенные командиры будутъ преданы суду, а прочіе чины будутъ посажены на пушки (?), или, смотря по важности упущеній, подвергнуты будутъ тѣлесному наказанію. Подобныя замѣны служащихъ козаковъ подпомощниками запрещались; если-бы-же являлась необходимость перемѣнить людей въ сотняхъ, то дѣлать это приказывалось по опредѣленіямъ полковой канцеляріи; предписывалось обратить строгое вниманіе на обученіе козаковъ воинскимъ упражне-

ніямъ, привести лошадей въ исправность, не трогать ихъ ни на какія „внутреннія посылки“, а пользоваться для этой цѣли подъемными лошадьми.

Такъ какъ на смотру были не всѣ козаки—многіе находились въ разныхъ ближайшихъ командировкахъ,—то полковникъ приказывалъ ихъ смѣнить бывшими на смотру и выслать въ Харьковъ къ 11 октября (предписаніе отъ 12 сентября); золочевской, люботинской и обѣимъ харьковскимъ, на смотръ сотнямъ-же неявившимся, предписывалось къ этому-же числу прибыть туда-же въ полномъ составѣ, со своими сотниками [1]).

Вотъ въ какомъ жалкомъ состояніи находились ранговые козаки; полкъ былъ плохо вооруженъ, сидѣли всѣ на плохихъ, замученныхъ лошадяхъ, одѣты всѣ были не по формѣ и плохо.

---

[1]) Хар. ист. арх., отд. I, № 124.

Глава XIV.

Участіе полка въ Лифляндскомъ походѣ 1746 г.—Походъ слѣдующаго года.—Сформированіе Слободскаго гусарскаго полка.—Штатъ его.—Содержаніе этого полка.—Налоги на полчанъ.—Отношеніе слобожанъ къ гусарамъ.—Объявленіе семилѣтней войны.—Выступленіе въ походъ.—Присоединеніе къ русской арміи.—Медленность движенія арміи къ границамъ Пруссіи.—Позиція при Гроссъ-Егерндорфѣ.—Численность прусскихъ войскъ.—Движеніе въ обходъ непріятеля.—Неожиданное нападеніе пруссаковъ.—Безпечность Апраксина.—Критическое положеніе арміи.—Сраженіе.—Участіе слободскихъ козаковъ.—Преслѣдованіе козаковъ прусскою кавалеріею.—Потеря полка.—Смерть бригадира Капниста.—Отступленіе непріятеля.—Совѣты Апраксину, слова Ливена.—Непредпріимчивость главнокомандующаго и неожиданное его отступленіе въ предѣлы Россіи.—Возвращеніе слобожанъ домой.—Составъ полка, по отдѣленіи отъ арміи.—Состояніе знаменъ, по возвращеніи изъ похода.—Причины разстройства матеріальной части полка.—Лошадь Капниста.—Указъ объ укомплектованіи полка лошадьми и о готовности ко второму походу въ Пруссію.—Ремонтированіе слободскаго гусарскаго полка лошадьми.

Небольшой отрядъ харьковцевъ, численностью въ 85 козаковъ [1]), въ 1746 г., подъ начальствомъ сотника Андрея Тихоцкаго, отправился въ лифляндскій походъ. Россія приняла участіе въ войнѣ, такъ называемой, австрійской наслѣдственной (1740—1748 гг.), поддерживая дочь Карла VI. Марію-Терезію, которую не хотѣли признать Испанія, Баварія, Саксонія и Польша императрицею. Марія-Терезія должна была унаслѣдовать престолъ отца своего по прагматической санкціи. Харьковцы вошли въ составъ отряда изъ 500 козаковъ, потребованныхъ изъ всѣхъ слободскихъ полковъ. Общая команда надъ слобожанами была поручена сумскому полковнику Дм. Ив. Кондратьеву. Въ 1748 году послѣдовалъ второй лифляндскій походъ. Во главѣ русскаго вспомогательнаго корпуса былъ поставленъ кн. Репнинъ (37 тысячъ). Репнинъ этотъ былъ главнымъ виновникомъ заключенія Ахенскаго

[1]) Хар. ист. арх., отд. I, № 101.

мира, кончившаго австрійскую наслѣдственную войну [1]). Въ этотъ послѣдній походъ отъ слободскихъ полковъ была потребована тысяча козаковъ при 20 сотникахъ и 20 подпрапорныхъ; при распредѣленіи этого числа по полкамъ руководствовались назначеніемъ 20 козаковъ съ каждыхъ штатныхъ ста. Съ Харьковскаго полка было назначено 170 человѣкъ при трехъ сотникахъ и трехъ подпрапорныхъ. Общая команда поручалась ахтырскому полковнику Ив. Алекс. Лесевицкому. Отъ каждаго полка требовалось и по одному полковому старшинѣ, по одной пушкѣ съ пушкарями и принадлежностями. Козаки должны были быть доброконны, хорошо вооружены и снабжены провіантомъ на три мѣсяца; въ отрядъ назначался лекарь отъ Ахтырскаго полка, отъ Изюмскаго—попъ и полковое знамя. Отрядъ харьковцевъ поступилъ подъ команду младшаго полковаго есаула Горлинскаго, такъ какъ онъ, съ производствомъ въ этотъ чинъ, не былъ еще ни разу въ походахъ; при немъ состоялъ одинъ канцеляристъ [2]). Отряды всѣхъ полковъ 23 января были собраны въ г. Сумахъ, гдѣ имъ произвелъ смотръ генералъ-маіоръ Кейзерлингъ. Въ походѣ харьковцы шли двумя командами. Одна изъ нихъ, подъ начальствомъ Жикова, сотника соколовскаго, численностью въ 70 козаковъ и 20 подъемныхъ лошадей [3]), возвратилась домой полностью, убыло изъ нея только три строевыхъ и шесть подъемныхъ лошадей [4]). Другая-же команда, въ которой находилось 100 козаковъ, возвратилась не такъ счастливо: изъ нея убѣжало 52 человѣка съ лошадьми и оружіемъ и умеръ одинъ козакъ. Начальникъ этой команды, сотникъ Пащинскій, доносилъ, что, вслѣдствіе большихъ снѣговъ и безпутицы, команда лишилась многихъ лошадей, изъ которыхъ нѣкоторыя пали, а нѣкоторыя были брошены за худобой, или проданы за безцѣнокъ [5]). Что была за причина того, что одна команда пришла домой въ цѣлости, и лошади ея также не очень пострадали, тогда какъ другая, бывшая казалось-бы въ однихъ и тѣхъ-

[1]) Леерь. Энцикл. воен. и мор. наукъ, т. IV, стр. 302.
[2]) Хар. ист. арх. Отд. I, № 127.
[3]) Ibidem.
[4]) Ibidem.
[5]) Ibidem.

же условіяхъ, не досчитывала одними бѣжавшими 52 козака, т. е. больше половины, и лошадей постигла такая горькая участь?

Указомъ (отъ 30 октября 1756 г.) изъ военной коллегіи генералъ-аншефу графу Салтыкову въ 1757 г. было повелѣно сформировать на Украйнѣ слободской гусарскій полкъ [1]), командиромъ котораго былъ назначенъ полковникъ Бульскій. Людей въ этотъ полкъ приказывалось выбирать или изъ бывшихъ драгунъ, или, если ихъ будетъ недостаточно, то изъ ранговыхъ козаковъ, на мѣсто-же ихъ назначать изъ свойственниковъ и подпомощниковъ; если-же на комъ изъ попавшихъ въ гусары числились-бы какія недоимки, то таковыя приказывалось разложить на козаковъ, ихъ свойственниковъ и подпомощниковъ. Штатъ новоформируемаго полка былъ опредѣленъ числомъ 1203 человѣка всѣхъ чиновъ; для обученія вновонабранныхъ въ гусары козаковъ регулярному строю были командированы офицеры изъ Новосербіи и Славяносербіи. На содержаніе этого слободского гусарскаго полка положено было собирать съ подпомощниковъ, которыхъ считалось тогда 59,272 человѣка, по 22½ к., сверхъ прежнихъ 18 к., и съ подданныхъ, числившихся тогда по дистриктамъ въ числѣ 126,365 человѣкъ (сверхъ собираемыхъ прежде на довольствіе трехъ драгунскихъ и одного гарнизоннаго полковъ по 21 к.), по 19¾ коп. съ души. Значитъ, содержаніе полковъ слобожанамъ обходилось ежегодно 48,962 руб. 24¾ к.[2]). Приказъ этотъ о сформированіи гусарскаго полка и о новомъ налогѣ полчане встрѣтили недружелюбно,—не такъ, вѣдь, давно они избавились отъ драгунскаго. Назначенные въ гусары козаки разбѣгались прежде, чѣмъ ихъ успѣвали обмундировать. Даже простой народъ всячески высказывалъ ненависть къ гусарамъ тѣмъ, что избѣгалъ ихъ, солдатъ, хотя они и были ихними братьями; слободскія красавицы оказались тоже патріотками, высказывая протестъ правительству по своему.—онѣ отворачивались отъ донъ-жуановъ изъ гусаръ, чѣмъ дѣлали ихъ положеніе поистинѣ ужаснымъ, и пѣли такія пѣсни:

---

[1]) Пол. соб. зак., № 10712.

[2]) Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 109, св. 50.

„Гусарине черноусый,
Чомъ у тебе каптанъ куцый?
Гусарине, выдчепыся
И на мене не дывыся!“

„Гусаръ копя наповавъ,
Дзюба воду брала.
Винъ їи поциловавъ,
Вона й заплакала“ [1]).

Для того, чтобы положить предѣлъ завоевательнымъ стремленіямъ Фридриха II, короля прусскаго, желавшаго расширить свои владѣнія на счетъ сосѣдей, не разбирая средствъ, Елизавета Петровна рѣшилась объявить ему въ 1757 году войну, для поддержанія Австріи и Саксоніи. Такимъ образомъ сбылись опасенія Фридриха, говорившаго: „я не боюсь моихъ враговъ—ни Австріи, ни Франціи, но что я буду дѣлать, если придется воевать еще и съ русскими“[2])! Указомъ изъ военной коллегіи слободскимъ полкамъ приказано было слѣдовать на соединеніе съ русскою арміею, собранной около г. Ковна. Полки выступили изъ Украйны, подъ командою своего бригадира Капниста, прибыли и вошли въ составъ арміи Апраксина за нѣсколько дней до ея выступленія въ походъ. Отъ всѣхъ слободскихъ полковъ было потребовано два полковника, съ надлежащимъ числомъ полковой и сотенной старшины и подпрапорныхъ [3]). При выступленіи въ походъ Харьковскому полку приказано было взять съ собою 476 руб. 84 коп. (изъ десяти-копѣечнаго сбора) на покупку фуража и на другія полковыя надобности.

По переправѣ чрезъ р. Нѣманъ 22 іюня, русская армія поползла по направленію къ границамъ съ невозможною медленностію; такъ, къ д. Барбаришкамъ она пришла только 26 іюня, сдѣлавъ въ продолженіи пяти дней около 45 верстъ, гдѣ и расположилась лагеремъ для того, чтобы производить парады, праздновать день св. Петра и Павла и тратить на салюты порохъ, назначенный для борьбы съ пруссаками.—Только лишь 15 августа она подошла къ границамъ прусскаго королевства—къ Вержболову, что составляетъ около 80 вер. На этотъ, значитъ, 80-ти верстный походъ Апраксинъ упот-

---

[1]) Г. Ф. Квитка. Сочин., т. III, стр. 133.
[2]) Соловьевъ. Рус. ист., стр. 306.
[3]) Хар. ист. арх., отд. I, № 238.

ребилъ 25 дней! И это шелъ онъ воевать съ арміею Фридриха Великаго! Слуховъ о непріятелѣ еще не было никакихъ, но армія наша, простоявшая здѣсь недѣлю, тщательно себя охраняла, разставляла всюду караулы, ставивъ предъ фронтомъ рогатины. Всѣ эти излишнія мѣры предосторожности только безполезно утомляли войска. Идя, такимъ образомъ, долиною р. Прегеля къ столицѣ Пруссіи — Кенигсбергу, Апраксинъ, по переправѣ чрезъ эту рѣку, занялъ очень сильную и недоступную позицію при д. Гроссъ-Егерндорфѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи армію, силою въ 57 тысячъ человѣкъ; противъ него-же стоялъ въ разстояніи не болѣе 7 верстъ генералъ Левальдъ, подъ командою котораго было 40 тысячъ солдатъ, но лучшихъ и испытанныхъ воиновъ. Занявъ такую недоступную позицію 16 августа, армія простояла тамъ по 19-е, не предпринимая ничего. Но такъ какъ подобное стояніе могло продолжаться и долго, то было рѣшено 19-го, на разсвѣтѣ, выступить и идти къ Алленбургу навстрѣчу непріятелю, отъ котораго насъ отдѣлялъ только густой и непроходимый лѣсъ, шириною не болѣе одной версты [1]). Армія наша, считавшая въ своихъ рядахъ до 19 тысячъ козаковъ и 19 полковъ регулярной кавалеріи, съ такою заботою охранявшая себя, когда непріятель былъ еще далеко, въ ночь-же предъ выступленіемъ не предприняла никакихъ мѣръ для собранія свѣдѣній, что дѣлается у непріятеля. Намъ поэтому не было извѣстно, что прусская армія, въ ночь предъ выступленіемъ, ночевала готовая къ бою у д. Бушдорфъ, невдалекѣ отъ нашей. На зарѣ 19 авг. полки были подняты пушечнымъ выстрѣломъ и генералъ-маршемъ, возвѣщавшимъ простой походъ, въ который и потянулись войска съ частью своихъ обозовъ чрезъ дефиле, лежащее на юго-западъ. Утро было очень туманное; къ тому же дымъ отъ горѣвшихъ деревень, зажженныхъ наканунѣ козаками, покрывалъ все поле [2]). Такъ какъ армія наша пустилась въ обходъ непріятеля безъ всякихъ мѣръ охраненія своего походнаго движенія, отправляя даже впередъ обозъ, игнорируя непріятеля, бывшаго въ 7 верстахъ, то и случилось

---

[1]) Подробное описаніе мѣста сраженія см. зап. А. Т. Болотова, т. I, стр. 503.
[2]) Г. Л. Лееръ. Энцикл. воен. и мор. н., т. II, стр. 595.

то, что предвидѣть было можно: пруссаки неожиданно аттаковали полки, снимавшіеся съ лагеря. Здѣсь произошло, впрочемъ, обоюдное недоразумѣніе: пруссаки, рѣшившись воспользоваться непредпріимчивостью Апраксина, шли нападать на русскихъ, надѣясь ихъ застать мирно спящими, а встрѣтили на походѣ; русскіе шли въ бой съ непріятелемъ, котораго предполагали незамѣтно обойти, а между тѣмъ наткнулись на него, вполнѣ для себя неожиданно. Это поставило русскую армію въ очень критическое положеніе. Путь, по которому двинулись войска и обозы, лежалъ чрезъ узкій „прогалокъ" и грязный, топкій ручей; другой дороги не было: это былъ единственный выходъ изъ лагеря въ ту сторону изъ этой „поры". На этомъ грязномъ ручьѣ застряли обозы, перемѣшавшись съ артиллеріею, съ ящиками, экипажами начальства и войсками [1]). Тѣснота была большая, пробираться можно было съ трудомъ, и то пѣшему. И вотъ, въ то время, когда полки, смѣшавшись съ обозомъ, остановились въ безпорядкѣ, московскій полкъ вдругъ увидѣлъ появившагося предъ нимъ непріятеля. Смятеніе произошло понятное. Пруссаки дали по нашимъ войскамъ три залпа, на которые отвѣтъ нескоро послѣдовалъ, такъ всѣ были поражены внезапностью нападенія. Положеніе было ужасное: бо́льшая часть русской арміи находилась за лѣсомъ и обозомъ, и надѣяться на ихъ скорое прибытіе было нельзя. Вполнѣ приготовленному къ бою непріятелю, нападавшему всѣми своими силами, русскіе противопоставили въ этомъ сраженіи только едва 11 полковъ, далеко не всю артиллерію и только 3—4 шуваловскихъ гаубицъ, этихъ пушекъ-великановъ, на которыя всѣ возлагали большія надежды. Погибель арміи казалась неизбѣжною, но русская храбрость, явившаяся здѣсь во всей своей красѣ, преодолѣла все: армія наша побѣдила, побила пруссаковъ, наперекоръ всѣмъ желаніямъ своего главнокомандующаго и его совѣтниковъ, которые предоставили ее на произволъ судьбы и ею вовсе не руководили въ томъ сраженіи, которое явилось неожиданнымъ, благодаря подозрительной безпечности Апраксина.

---

[1]) Записки А. Т. Болотова, т. I, стр. 503 и Д. Масловскій. Стор. и пол. сл. рус. войскъ, стр. 139.

Между тѣмъ, какъ наши авангардные полки, на которые обрушились пруссаки, мужественно, не отступая во все время боя ни на единый шагъ, отражали врага, стоя на мѣстѣ, съ сидящею на колѣняхъ первою шеренгою, полки—3-й гренадерскій и новгородскій, продравшись чрезъ лѣсъ, явились къ нимъ на выручку и рѣшили дѣло.

На лѣвомъ крылѣ нашего случайнаго расположенія происходило слѣдующее: тамъ стояли донскіе козаки, а на самомъ флангѣ, впереди д. Заттерфельдъ [1]), гдѣ была пѣхота, находились и наши слободскіе полки. Очевидецъ, принимавшій участіе въ битвѣ, А. Т. Болотовъ, такъ описываетъ дѣло, бывшее на этомъ мѣстѣ.

Донскіе козаки, о которыхъ онъ дѣлаетъ очень нелестные отзывы, въ началѣ боя, увидя, вслѣдствіе разсѣявшагося тумана, прусскую кавалерію, стоявшую за болотомъ, бросились на нее мужественно въ аттаку. Слободскіе полки, съ Капнистомъ во главѣ, понеслись также съ ними, наклонивъ свои копья и съ обычнымъ всѣмъ козакамъ гикомъ; но, подскакавъ къ непріятелю и видя, что онъ готовъ ихъ встрѣтить и не удираетъ предъ ними, какъ то обыкновенно дѣлали татары, постыдно повернули тылъ и съ неменьшею стремительностью бросились сами уходить назадъ на нашу пѣхоту, которая раздалась въ стороны и пропустила ихъ за фронтъ. Прусская кавалерія ринулась преслѣдовать козаковъ по эскадронно, „текла какъ нѣкая быстрая рѣка и ломилась за козаками прямо на нашу пѣхоту.“ По непріятелю стали стрѣлять изъ ружей. Смятеніе произошло страшное и грозило принять опасный характеръ, если-бы стоявшая здѣсь артиллерія не успѣла повернуть своихъ пушекъ и не начала-бы осыпать продольными картечными залпами скачущіе эскадроны; огонь причинялъ непріятелю большой уронъ и охладилъ ихъ пылъ и стремленіе. Передовой-же эскадронъ пронесся за фронтъ, разсыпался тамъ и началъ рубить козаковъ и всѣхъ, кто имъ на встрѣчу попадался. Пѣхота, повернувъ фронтъ назадъ, сомкнулась, такъ что пруссаки попались и были перерублены очнувшимися отъ испуга козаками до послѣдняго человѣка.

---

[1]) Н. Гербель. Изюм. слоб. коз. пол., стр. 103.

Харьковскій полкъ потерялъ при этомъ пять человѣкъ убитыми, въ томъ числѣ атамана золочевской сотни, Михаила Кривоченка и одного пушкаря [1]). Всѣ-же слобожане потеряли своего главнаго начальника—храбраго бригадира Капниста, который былъ убитъ въ то время, когда прусскій эскадронъ ворвался за нашъ фронтъ [2]); онъ былъ сраженъ ударомъ палаша въ голову. По окончаніи сраженія, тѣло Капниста было найдено полковниками и старшинами распростертымъ у подбитой пушки, и было узнано только по бригадирскому мундиру. Слобожане съ честью похоронили своего начальника на другой день [3]).

Между тѣмъ пруссаки, отбитые на всѣхъ пунктахъ, отступили, причемъ это отступленіе, совершенное безъ всякаго порядка, скорѣе походило на бѣгство. Героями дня были два вышеупомянутые пѣхотные полка, пробравшіеся чрезъ лѣсъ съ неимовѣрною трудностью, бросивъ свои пушки и патронные ящики; они очень удачно вышли въ самое нужное мѣсто и бросились неожиданно на непріятеля въ штыки. Полки эти блестяще примѣнили къ дѣлу правило, завѣщанное Петромъ Великимъ, „секундированія единаго другимъ".

Слобожане-же наши, такъ неудачно дѣйствовавшіе въ этомъ сраженіи, могли воочію убѣдиться въ превосходствѣ регулярнаго строя надъ ихъ козачьимъ, который съ успѣхомъ былъ примѣнимъ только въ борьбѣ съ такимъ противникомъ, какимъ являлись татары. Это для нихъ былъ хорошій урокъ; въ дѣлѣ при Гроссъ-Егерндорфѣ имъ впервые пришлось столкнуться съ регулярной кавалеріею. Надо, впрочемъ, взять во вниманіе и то, что противникомъ ихъ явилась знаменитая прусская кавалерія Фридриха Великаго, у которой были такіе вожди и руководители, какъ Зейдлицъ!

Одержавъ, неожиданно, такую блестящую побѣду, Апраксинъ, которому совѣтовали преслѣдовать пруссаковъ, послу-

---

[1]) Хар. ист. арх., отд. I, № 249.

[2]) А. Т. Болотовъ, сочин. т. I. Капнистъ, вышедшій въ 1711 году изъ Греціи и вступившій въ русскую службу, былъ пожалованъ въ 1737 г. въ чинъ полковника, въ 1751 г. былъ назначенъ въ чинѣ бригадира начальникомъ надъ слободскими полками.—Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 92, св. 417.

[3]) Н. Гербель. Изюм. слоб. коз. пол., стр. 104.

шался Ливена, говорившаго, что „на одинъ день двухъ праздниковъ не бываетъ, но довольно и то, что мы ихъ побѣдили“ [1]), почилъ на лаврахъ, имъ незаслуженныхъ, и позволилъ непріятелю уйти, не пославъ не только ихъ преслѣдовать, но даже наблюдать за ними. Онъ остался на полѣ сраженія, служилъ благодарственные молебны и пировалъ въ своихъ великолѣпныхъ шатрахъ. Сдѣлавъ потомъ нѣсколько „апраксинскихъ“ переходовъ впередъ и простоявъ нѣкоторое время въ виду непріятеля, отъ котораго насъ отдѣляла только р. Але, русская армія, поразивъ всѣхъ неожиданностью, повернула вдругъ назадъ и пошла въ предѣлы Россіи. При выступленіи въ обратный походъ произошелъ комичный случай: Апраксинъ, рѣшивъ отступленіе, приказалъ произвести его секретно, оставивъ на мѣстѣ козаковъ, артиллерію и гусаръ, чтобы ввести непріятеля въ заблужденіе. но пруссаки насъ предупредили, сдѣлавъ раньше со своей стороны тоже самое: они оставили на мѣстѣ фальшивый лагерь и ушли дальше къ Кенигсбергу. Значитъ, оба главнокомандующіе какъ-бы боялись другъ друга и спѣшили уходить каждый въ свою сторону [2]). Армія наша, веденная впередъ Апраксинымъ съ такою преступною медленностью, назадъ пошла такъ быстро, какъ будто бы подъ Егерндорфомъ пруссаки разбили ее на голову и гнались за нею по пятамъ! Даже повозки приказано было жечь [3]).

Въ виду наступающаго холоднаго времени, конницу приказано было отправить изъ арміи въ Псковъ и Великіе Луки, донскихъ-же и слободскихъ козаковъ, указомъ военной коллегіи, разрѣшалось отпустить домой, на Украйну, съ тѣмъ, однако, чтобы слобожане находились тамъ въ полной исправности къ предстоящему въ слѣдующемъ году походу и готовности выступить ранѣе другихъ [4]). Слободскіе полки, отдѣлившись отъ арміи съ того мѣста, гдѣ ихъ засталъ упомянутый указъ, пошли домой, подъ начальствомъ полковника фонъ-

[1]) А. Т. Болотовъ. Сочин., т. I.

[2]) Ibidem; стр. 538.

[3]) „Загадочное отступленіе“ Апраксина послѣ Гроссъ-Егерндорфской побѣды, какъ выяснено это въ настоящее время, не имѣло ничего общаго съ какою либо измѣною; оно было слѣдствіе тайныхъ указаній канцлера Бестужева, напуганнаго болѣзнію Елизаветы и желавшаго въ заботѣ о будущемъ Россіи имѣть армію въ предѣлахъ государства.

[4]) Хар. ист. арх., отд. I, № 238; Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 47, № 153.

Розенталя, чрезъ Курляндію и Лифляндію на Смоленскъ. Въ Митавѣ всѣ полки получили отъ Бестужева-Рюмина на покупку фуража и на другіе расходы шесть тысячъ руб. [1]). Провіантъ-же приказано имъ было получать изъ магазиновъ, случавшихся по дорогѣ. Изъ г. Ямполя харьковскіе и изюмскіе козаки продолжали путь отдѣльно, подъ командою ротмистра Квитки (Харьковскаго полка). Возвратились харьковцы домой далеко не въ томъ числѣ, въ которомъ выступили: пошло ихъ въ походъ 533 человѣка, изъ того числа убито въ сраженіи 5 козаковъ, въ Польшѣ при магазинахъ оставлено съ однимъ сотникомъ 129, при арміи 12, умерло 33 и безъ вѣсти пропало 6 [2]). Большую потерю понесли козаки въ лошадяхъ. Изъ числа ихъ, бывшихъ при выступленіи въ походъ, пало и брошено было за худобой 672, пропало безъ вѣсти 12, въ Польшѣ при магазинахъ оставлено съ людьми 258 [3]), оставлено при арміи 24; взято въ нее же 44 лошади, изъ которыхъ 11 за плату по $1^1/_2$ руб. за стоившую не менѣе 20 руб. [4]), а остальныя 33 безъ всякой платы; всего, значитъ, 1010 лошадей [5]). По отпущеніи полка отъ арміи, составъ его, подъ командою полкового есаула Земборскаго, былъ слѣдующій [6]).

Репортъ Харьковскаго полку, коликое число по отпущеніи отъ арміи состояло, какихъ чиновъ людей и лошадей и съ того числа убыло и затѣмъ находится, явствуетъ подъ симъ. 6 декабря 1757 года.

	По отпущеніи отъ арміи состояло.		Съ того числа убыло.			За тѣмъ на лицо.	
	Людей.	Лошадей.	Отпущено въ домы.	Померло людей.	Пало лошадей.	Людей.	Лошадей.
Полковой хорунжій	1	—	—	—	—	1	—
Сотниковъ	4	—	2	—	—	2	—
Подпрапорныхъ	6	—	2	—	—	4	—
Литаврщикъ	1	—	—	—	—	—	—
Пушкарей	4	—	—	—	—	4	—
Урядниковъ и козаковъ	331	508	13	39	199	292	309
Итого	347	508	17	39	199	304	309

[1]) Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 47, № 153.
[2]) Хар. ист. арх., отд. I, № 238.
[3]) Въ Польшѣ въ семилѣтнюю войну были устроены военные магазины, для охраненія которыхъ оставлены тамъ были войска.
[4]) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 72.
[5]) Хар. истор. арх., отд. I, № 238.
[6]) Ibidem.

Кромѣ того, при отрядѣ было полковое знамя, одна пушка, артиллерійскій фургонъ и ящикъ съ зарядами.

Изъ рапорта Харьковскаго городничаго о пріемѣ, по прибытіи изъ похода, полкового и сотенныхъ знаменъ отъ Хорунжаго 2-й Харьковской сотни Семена Мельникова, видно, что полковое знамя было тогда бѣлаго цвѣта; оно посерединѣ и по краямъ было побито; изъ четырехъ сотенныхъ знаменъ, бывшихъ въ походѣ, три были безъ древокъ и безъ копій, а четвертое съ копьемъ, посерединѣ побитое; всѣ они желтаго цвѣта, съ чамоданами (чехлами) [1]).

Козаки пришли въ полное разстройство—все свое имущество, все, что только было можно, они дорогою продали. Узнавъ объ этомъ, кн. Кантемiръ, начальникъ Украинской дивизіи, потребовалъ отъ полковой канцеляріи объясненія причинъ, приведшихъ полкъ въ такое состояніе. Въ отвѣтъ на требованіе объ этомъ канцеляріи, есаулъ Земборскій доносилъ, что, по отправленіи полка отъ арміи, онъ не получалъ вовсе фуража, къ тому-же въ Польшѣ цѣны на сѣно и солому были очень высоки; по дорогѣ вездѣ чувствовался недостатокъ въ фуражѣ, ибо его у самихъ жителей было очень немного, вслѣдствіе неурожая и опустошенія, произведеннаго въ томъ году саранчою; подножнымъ кормомъ пользоваться было нельзя, ибо стояла сильная стужа съ дождями и снѣгомъ;—что козаки продавали свое имущество, чтобы выручить деньги, на которыя-бы могли покупать фуражъ [2]). Возвратившіяся изъ похода лошади были такъ страшно изнурены и попорчены, что не годились для дальнѣйшей службы. Объ изнуреніи лошадей можно судить изъ слѣдующаго случая.

Фельдмаршалъ Апраксинъ распорядился, чтобы бумаги и боевой конь (меринъ темно-гнѣдой масти) убитаго бригадира Капниста были отправлены на Украйну. Подпрапорный Пужковскій, доставившій въ полковую канцелярію сундукъ и три связки съ дѣлами, запечатанные печатью полковника Донца, доносилъ, что хотя ему и было приказано доставить лошадь въ г. Ахтырку, гдѣ жилъ Капнистъ, но что она „такъ устала,

[1]) Хар. ист. арх., отд. I, № 238.

[2]) Моск. отд. арх. гл. шт., оп. 47, св. 153.

что не только въ Ахтырку весть (нельзя), но изъ двора выйтить не можетъ", почему и просилъ позволенія въ Ахтырку ее не отсылать, а оставить здѣсь и поручить кому либо другому [1]). Лошадь рѣшили отправить на поправку въ пересѣчанскую сотню; но козакъ Задрихвистъ, которому это было поручено, могъ ее съ трудомъ довести только до Лопинской башни, стоявшей около моста, гдѣ лошадь, вслѣдствіе страшнаго изнуренія, упала и подняться уже не могла, а ночью издохла. Кожа съ нея была снята и представлена при рапортѣ Задрихвистомъ въ канцелярію [2]). Въ такомъ-то состояніи вернулась изъ похода лошадь, о которой приказано было имѣть особенное попеченіе.

И снова харьковцы могли съ недоумѣніемъ задавать себѣ вопросъ, зачѣмъ ихъ водили въ Пруссію и какая отъ того кому либо могла быть польза; а вреда имъ этотъ походъ принесъ не мало, очень разстроивъ ихъ матеріально,—это-то они видѣли и понимали хорошо.

Съ наступленіемъ новаго года предвидѣлась возможность вторичнаго похода въ Пруссію. Слободскимъ полкамъ было предписано озаботиться приведеніемъ въ надлежащую исправность всего, главнымъ-же образомъ укомплектовать лошадей. Съ большимъ трудомъ удалось исполнить это приказаніе, ибо цѣны на лошадей, по причинѣ большого на нихъ спроса, послѣ прусскаго похода, въ которомъ ихъ, какъ мы видѣли, погибло такое множество, стояли на Украйнѣ очень высокія. Тревога оказалась ложная — полка не потребовали въ томъ году въ прусскій походъ. Было только приказано набирать въ слободскихъ полкахъ нужное число лошадей въ новоформируемый слободской гусарскій полкъ. И лошадей, купленныхъ съ такимъ трудомъ и такъ дорого, предназначавшихся на укомплектованіе своего полка, стали забирать въ этотъ новый гусарскій полкъ. Лошади брались все лучшія, ибо ремонтеры принимали ихъ очень осмотрительно и многихъ изъ доставляемыхъ имъ коней браковали [3]).

---

[1]) Хар. ист. арх., отд. I, № 242.
[2]) П. Головинскій. Слоб. коз. пол., гл. VI.
[3]) Пр. Филаретъ. Отд. II, стр. 72.

Глава XV.

Полковникъ Тевяшевъ.—Забота его о козакахъ.—Трудность управленія полкомъ въ его время.—Полковой судья Ив. Гр. Ковалевскій.—Кандидатура его.—Назначеніе полковника Куликовскаго.—Просьба сербовъ.—Поселеніе ихъ въ Россіи.—Сформированіе гусарскихъ и пондурскихъ полковъ.—Полковникъ Хорватъ, подполковники Прерадовичъ и Шевичъ.—Командированіе козаковъ въ прикрытіе Славяно-Сербіи.—Положеніе тамъ командированныхъ туда козаковъ.—Жестокость обращенія съ ними сербскаго дворянства.—Протесты козаковъ.—Побѣги.—Требованіе маіора Селяновича.—Объясненіе бѣжавшими козаками причины ихъ побѣга.—Командировки.—Неурядица въ полку.—Отношеніе старшинъ къ своимъ обязанностямъ.—Потеря козаками уваженія къ нимъ.—Жалобы на старшинъ.—Жалоба полковаго есаула Горлинскаго.—Доносы и жалобы на старшинъ и полковника Куликовскаго.—Слѣдственная коммиссія.—Явное нападеніе козаковъ и разграбленіе имущества старшинъ.—Слѣдственное дѣло, по доносу писаря Непышнаго.—Просьба полчанъ къ Императрицѣ.—Ненормальное положеніе дѣлъ въ полку.—Упадокъ дисциплины.—Отправка депутаціи въ Петербургѣ.—Смерть Императрицы Елизаветы.

Въ 1757 г. Харьковскій полковникъ Степанъ Ивановичъ Тевяшевъ, по представленію военной коллегіи, былъ уволенъ по болѣзни, согласно челобитью, отъ службы бригадиромъ [1]). На долю Тевяшева выпало управлять полкомъ въ самое трудное время, какое когда либо ему приходилось переживать. Лишенный почти власти реформами Шаховскаго, изъ полновластнаго хозяина полка обращенный почти только въ предсѣдателя полковой канцеляріи, полковникъ постоянно долженъ былъ лавировать среди той путаницы отношеній, которую создала „коммиссія учрежденія". Прокомандовавъ при такихъ обстоятельствахъ полкомъ въ теченіи 23 лѣтъ, Тевяшевъ показалъ этимъ, что онъ обладалъ большимъ тактомъ и умомъ, ибо онъ умѣлъ ладить съ полчанами и съ высокимъ генералитетомъ. Намъ ничего неизвѣстно такого, что говорило бы противъ

[1]) Г. Квитка. Зап. о слоб. пол., стр. 21.

Тевяшева. Напротивъ, изъ его постоянныхъ отписокъ, въ которыхъ онъ почтительно, но ясно и вразумительно, давалъ понять графамъ всю неосновательность ихъ непомѣрныхъ требованій, можно усмотрѣть много любви и заботы о козакахъ, которыхъ онъ видѣлъ страдающими и которымъ всѣми своими силами старался всегда помочь, выпрашивая у начальства отмѣны командировокъ, страшно тогда мучившихъ козаковъ. Рядомъ съ этимъ, онъ былъ и строгъ къ своимъ подчиненнымъ, требовалъ точнаго исполненія своихъ обязанностей; онъ, не стѣсняясь, грозилъ „лишеніемъ чести и живота" такому важному полковому старшинѣ, какъ судья. Тевяшевъ принимаетъ также живое участіе въ хлопотахъ по подачѣ прошенія императрицѣ объ отмѣнѣ реформъ Шаховскаго. Удача въ этомъ составляетъ свѣтлую минуту его управленія, и козаки его полка были ему тѣмъ обязаны. Грамота Елизаветы Петровны, хотя отмѣнила многое и облегчила жизнь слободскихъ полковъ, но все только отчасти; отягощавшія козаковъ командировки, какъ увидимъ ниже, продолжались, повинности тоже росли со временемъ. Внутреннее состояніе полка было неудовлетворительно, и тотъ-же Тевяшевъ заботился о порядкѣ и исправности. Но что онъ могъ сдѣлать, когда обстоятельства сложились такъ, что полковники подчинились совершенно зависимости русскихъ генераловъ, и бороться съ ними имъ было не подъ силу; поэтому, конечно, они часто и бывали, повидимому, равнодушными къ тому, что дѣлалось въ ихъ полкахъ. Въ этомъ не они были виноваты, а отживающій свое и по духу времени неумѣстный уже тотъ строй козачій, который сложился при иныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ.

Кандидатомъ въ полковники послѣ Тевяшева выступилъ Иванъ Григорьевичъ Ковалевскій, полковой судья Харьковскаго полка. Дѣдъ его, Семенъ, польскій шляхтичъ, но человѣкъ чисто русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія, пришелъ изъ-за Днѣпра съ самаго начала поселенія слободскихъ полковъ; онъ заселилъ гг. Ольшану и Новыя Водолаги, защищалъ границы полка отъ набѣговъ ордынцевъ, безпрестанно участвовалъ въ военныхъ походахъ и умеръ отъ полученныхъ въ сраженіяхъ ранъ. Его дѣти и внуки, живя

въ области Харьковскаго полка, всегда занимали въ немъ высшія старшинскія должности. Иванъ Григорьевичъ въ службу вступилъ въ 1729 году, участвовалъ во всѣхъ походахъ, какіе только предпринималъ Харьковскій полкъ, и въ 1756 г., будучи въ должности полкового судьи, получилъ аттестатъ, подписанный 65 полковыми и сотенными старшинами всѣхъ пяти слободскихъ полковъ, въ томъ числѣ и полковниками— Григоріемъ Лесевицкимъ, Михаиломъ Донецъ-Захаржевскимъ, Степаномъ и Иваномъ Тевяшевыми. Въ аттестатѣ этомъ выставлялись его заслуги и говорилось, что Ковалевскій достоинъ быть Харьковскимъ полковникомъ [1]). Но давно уже прошло то время, когда слобожане могли выбирать себѣ полковниковъ по своему усмотрѣнію! Кандидатура Ковалевскаго, любимаго и уважаемаго всѣми, къ сожалѣнію, не прошла, и на мѣсто Тевяшева, по представленію генералъ-аншефа (позднѣе генералъ-фельдмаршала) графа П. С. Салтыкова и по опредѣленію военной коллегіи, назначенъ былъ Харьковскимъ полковникомъ изъ отставки Матвѣй Прокофьевичъ Куликовскій, сынъ бывшаго Харьковскаго-же полковника Прокофія Васильевича. Въ службу онъ вступилъ въ 1731 г. въ Ахтырскій полкъ, съ 1733 года служилъ въ учрежденномъ тогда слободскомъ драгунскомъ полку, участвовалъ во многихъ походахъ и сраженіяхъ. По расформированіи-же драгунскаго полка, былъ уволенъ въ отставку чиномъ подполковника [2]).

Въ предѣлахъ Австріи жили единовѣрныя намъ славянскія племена; они, въ царствованіе императрицы Маріи Терезіи, подверглись притѣсненіямъ со стороны іезуитовъ, преслѣдовавшихъ свои обычныя цѣли. Въ 1751 году сербы, желая избавиться отъ того, обратились къ русскому правительству, съ просьбой принять ихъ въ подданство и позволить поселиться имъ въ Россіи. Просьба ихъ была уважена и имъ отведены были для жительства земли, лежащія за Днѣпромъ. Съ этими выходцами пришелъ изъ Вѣны полковникъ Хорватъ, а также

---

[1]) Моск. отд. арх. гл. шт., оп. 19, св. 66.

[2]) Ibidem, св. 62 и 67.

офицеры и нижніе чины, служившіе прежде въ австрійскихъ войскахъ со своими семействами и служителями—всего 218 челов. Этому Хорвату правительство поручило грамотою (отъ 11 янв. 1752 г.) зазывать въ Россію также сербовъ изъ Турціи, болгаръ и волоховъ. Условіемъ ставилось только то, чтобы пришельцы были православнаго вѣроисповѣданія. Хорвату, произведенному въ чинъ генералъ-маіора, приказано было сформировать изъ переселенцевъ два гусарскихъ и два пандурскихъ полка, каждый въ четыре тысячи человѣкъ, которымъ назначалось извѣстное жалованіе и давались разныя права и преимущества. Земли эти, гдѣ поселились пришлые славяне, получили названіе Новосербіи. Для прикрытія этихъ новыхъ подданныхъ построена была крѣпость св. Елизаветы (нынѣ Елизаветградъ). Около того-же времени—въ 1752 году выѣхали въ Россію изъ Вѣны-же подполковники Прерадовичъ и Шевичъ. Правительство произведя ихъ въ чинъ генералъ-маіора, поручило имъ набирать полки (по опредѣленію сената отъ 1754 г.), со штатомъ въ двѣ тысячи человѣкъ и поселило ихъ, съ вышедшими вмѣстѣ съ ними народами, отъ конца Украинской линіи и поселенія ландмилиціи, съ донецкой стороны, т. е.. отъ г. Бахмута до г. Лугани. Земли эти получили названіе Славяно-Сербіи [1]). Для охраны ея границъ со стороны степей, приказано было посылать отъ каждаго слободскаго полка по 150 козаковъ въ полной воинской исправности и перемѣнять этихъ людей чрезъ каждые два мѣсяца. Команды эти посылались обыкновенно изъ козацкихъ подпомощниковъ при одномъ сотникѣ, или подпрапорномъ; козаки должны были быть одноконны и удовольствованы провіантомъ. Козаки, отправляемые въ Славяно-Сербію для несенія воинской службы, своего прямого назначенія тамъ не исполняли, а дробились на мелкія команды и попадали къ сербскому дворянству попросту въ работники. Они обрабатывали имъ землю, пахали, сѣяли, косили, т. е. дѣлали то, что съ большею для себя пользою могли-бы дѣлать дома на своемъ хозяйствѣ. По прибытіи команды на смѣну, козаки отыскивали по хуторамъ своихъ товарищей и смѣняли ихъ не со службы, а съ работы. Иныхъ

[1]) Моск. отд. арх. гл. шт., оп. 121, св. 41, дѣло № 1.

обыкновенно отбирали оружіе, припасы и лошадей; ко всему этому присоединилось еще и жестокое обращеніе—ихъ били и смотрѣли на нихъ, какъ на крѣпостныхъ. Командированіе въ Славяно-Сербію было для слобожанъ такъ-же тягостно, какъ и посылка на Украинскую линію; но тамъ было хотя то утѣшеніе, что это общественное дѣло, допустимъ, безполезное, но все-же имѣвшее благую цѣль—защиту ихъ-же отъ татаръ, а здѣсь и того не было: козаки принуждены были работать на совершенно чужихъ для нихъ „братьевъ славянъ", которые къ тому-же обращались съ ними совершенно не по братски. Въ козакахъ это возбуждало большое неудовольствіе; они жаловались, протестовали, но все это только еще больше ухудшало ихъ положеніе. Оставалось одно обычное спасеніе—бѣгство, къ которому они исправно и прибѣгали, но это спасало только,—и то на время,—отдѣльныя личности, а не полкъ, ибо на мѣсто убѣжавшихъ сейчасъ-же требовались новые.

Вотъ характерный примѣръ того тягостнаго положенія, въ которомъ находились козаки въ Славяно-Сербіи.

Четыре козака Хорошевской сотни, Горюшинъ, Олейникъ, Павлюченко и Шепеленко, прійдя съ командою въ Славяно-Сербію нашли своихъ товарищей по сотнѣ,—которыхъ имъ нужно было смѣнить, на хуторѣ у премьеръ-маіора Селяновича, несущихъ, по заведенному обычаю, не воинскую службу, а работавшихъ на маіора. Товарищи, конечно, разсказали новоприбывшимъ, что они претерпѣвали тамъ, что дѣлали и какъ съ ними обращались. У прибывшихъ, какъ это дѣлалось всегда, отобрали лошадей и оружіе, и ихъ заставили работать. Настроенные разсказами о жестокости обращенія, козаки убѣжали, умудрившись захватить съ собою свое имущество и лошадей. Маіоръ Селяновичъ, лишившись рабочихъ, не замедлилъ обратиться въ харьковскую полковую канцелярію съ требованіемъ, въ которомъ говорилъ, что у него „по характеру" (чину, положенію) положено было въ числѣ другихъ командъ быть и четыремъ слободскимъ козакамъ, но что эти четыре козака Хорошевской сотни „безвѣстно со всѣмъ своимъ экипажемъ (имуществомъ) бѣжали, а (онъ) по чину своему въ томъ остался въ обидѣ". Сообщая объ этомъ, маіоръ

требовалъ, чтобы полковая канцелярія бѣглыхъ козаковъ розыскала, наказала-бы за побѣгъ и выслала-бы ему или ихъ, или-же на ихъ мѣсто новыхъ. Маіоръ просилъ канцелярію сдѣлать это скорѣе, дабы онъ „не былъ принужденъ о томъ высококомандующій генералитетъ утруждать".

Но козаки на этотъ разъ не совсѣмъ убѣжали, а трое изъ нихъ—Горюшинъ, Олейникъ и Павлюченко—пріѣхали прямо въ Хорошево, явились къ своему сотнику и доложили, что, по прибытіи въ Славяно-Сербію, маіоръ Селяновичъ забралъ ихъ сейчасъ-же къ себѣ на хуторъ и сталъ заставлять ихъ исполнять свои частныя работы,—пахать землю, полоть огороды, строить избу и т. п.; во время-же своихъ поѣздокъ въ Бахмутъ бралъ ихъ, вмѣсто своихъ слугъ. Далѣе козаки говорили, что напоминали маіору о томъ, что они присланы были для охраненія границъ, а не для того, чтобы работать на него, но что на ихъ протесты никто не обратилъ вниманія, и это послужило только къ тому, что положеніе ихъ сдѣлалось еще хуже—ихъ стали „бить нестерпимо". Такого обращенія они не вынесли и поѣхали въ Хорошево для донесенія своему начальству, а не въ побѣгъ, считая себя въ правѣ сдѣлать это, такъ какъ маіоръ не давалъ имъ возможности исполнять своего прямого назначенія—охранять границы, для чего козаки исключительно и были присылаемы по распоряженію высшаго начальства [1]).

Вотъ что переносили козаки въ Славяно-Сербіи отъ пришельцевъ—„братьевъ-славянъ", которыхъ правительство облагодѣтельствовало. Послѣ этого неудивительно, что побѣги въ полку и въ царствованіе Елизаветы Петровны, которая такъ милостиво относилась къ слобожанамъ, не прекращались. Къ тому-же, много было еще и другихъ командировокъ. Такъ, въ 1758 году, напр., расходъ людей въ полку былъ слѣдующій: въ Польшѣ, при магазинахъ 118 челов., въ Торѣ, на форпостахъ 80, въ прикрытіи Славяно-Сербіи 150; также на форпостѣ у Барвинковой стѣнки, въ главной командѣ на караулѣ, въ ординарцахъ, въ Ростовскомъ драгунскомъ полку по части привіанта, при конномъ кирасирскомъ заводѣ, при

[1]) Хар. ист. арх., отд. I, № 265 (1758 г.).

полковой канцеляріи и въ другихъ мелкихъ командировкахъ [1]). Неурядица въ полку годъ за годомъ дѣлалась все бóльшая и бóльшая; развелись побѣги, непослушаніе. Потерявъ всякую самостоятельность, полковые и сотенные старшины перестали входить въ нужды своихъ подчиненныхъ. Всю свою заботу они прилагали къ тому, какъ-бы только побольше извлечь выгодъ лично для себя, почему часто то, что слѣдовало козакамъ, до нихъ не доходило, а размѣщалось по карманамъ ихъ начальниковъ. Сборы, которыми обкладывались полчане на разныя нужды полка, распредѣлялись между ними совершенно произвольно, и контроля въ расходѣ этихъ денегъ не было никакого. Терпя подобныя несправедливости, слобожане, видя къ тому-же со стороны своихъ старшинъ полную незаботу о ихъ нуждахъ, не находя въ нихъ къ тому-же никакой защиты отъ властей некозацкихъ, естественно потеряли къ старшинамъ всякое уваженіе. Поэтому жалобы на нихъ сыпались отовсюду, и старшины попадали часто подъ слѣдствіе; но въ прежнія времена дѣло выигрывалъ не тотъ, кто былъ правъ, а, по большей части, тотъ, кто умѣлъ во время удѣлить что либо изъ своихъ капиталовъ производящему слѣдствіе. Это недовольство полчанъ своими старшинами доходило просто иногда до кулачной расправы. Такъ, напр., полковой есаулъ Макс. Горлинскій жаловался въ полковую канцелярію, что харьковскіе и деркачевскіе жители украли съ его поля весь хлѣбъ, вытравили сѣнокосы и, собравшись большою толпою, явно вырубили его лѣсъ до послѣдняго дерева и, не довольствуясь этимъ, видимо мстя ему за что-то, перепортили въ саду плодовыя деревья, разнесли огорожи и разграбили его дворъ [2]). Это уже было явное возмущеніе, свидѣтельствовавшее или о страшной распущенности и безправіи, царившихъ въ странѣ, или-же о лопнувшемъ терпѣніи. А лопнуть оно, кажется, могло, если взять во вниманіе, что даже самъ полковникъ Куликовскій былъ далеко небезупреченъ. На него былъ поданъ цѣлый рядъ доносовъ и жалобъ, вызвавшій даже необходимость назначить въ г. Харьковѣ слѣдственную ком-

[1]) Хар. ист. арх., отд. I, № 265 (1758 г.).

[2]) П. Головинскій. Сл. коз. пол., гл. VI.

миссію по этому дѣлу, подъ предсѣдательствомъ бригадира Титова (члены—изъ оберъ-офицеровъ). Сотникъ Константинъ Протопоповъ жаловался, что полковникъ Куликовскій удержалъ жалованіе его за походъ въ Польшу, а съ другихъ вычиталъ по 25 коп. съ рубля; что причинялъ обывателямъ разныя обиды, назначалъ ихъ на частныя работы, что у одного подпрапорнаго замѣнилъ лошадь, стоющую 25 р., девятирублевою[1]). Канцеляристъ Довбня доносилъ, что полковникъ Куликовскій, злобясь на него за что-то, посылалъ его не въ очередь въ разныя командировки; что однажды привели его въ домъ полковника, били палками и топтали ногами, а послѣ содержали безъ причины подъ карауломъ.

Сотникъ Семенъ Антоновъ жаловался Куликовскому, что подпрапорный Фесенко напалъ на его домъ съ козаками и разграбилъ его имущество; но на его челобитье со стороны полковника не послѣдовало никакой резолюціи. Это намъ извѣстенъ уже второй случай нападенія и открытаго грабительства. Далѣе, тотъ-же сотникъ Антоновъ доносилъ: во время его отсутствія, въ домъ къ нему ворвались три брата Радченко, ранили ножемъ козака Луценко, а козака волчанской сотни, Андрея Скомороха, случайно тамъ находившагося, убили, изранивъ ножемъ и выпустивъ кишки. Когда это мертвое тѣло было привезено въ полковую канцелярію, то сотникъ Антоновъ, содержавшійся въ то время подъ карауломъ, узнавъ объ этомъ происшествіи въ своемъ домѣ подалъ полковнику рапортъ. Куликовскій его не принялъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что Антоновъ, какъ некомандовавшій въ то время сотнею, мѣшаться въ дѣло не имѣлъ права. На самомъ-же дѣлѣ все это было сдѣлано по проискамъ сотника Черняка, насынка Куликовскаго и родственника убійцъ, братьевъ Радченко[2]). Съ обвиняемыхъ не снимались показанія и дѣло это безконечно долго тянулось.

Подалъ доносъ на Куликовскаго и писарь липецкой сотни Петръ Непышный. Возгорѣвшееся дѣло такъ характерно рисуетъ порядки на Украйнѣ, такъ ярко выставляетъ отношенія

[1]) Хар. ист. арх. Отд. I, № 302.
[2]) Ibidem, отд. I, № 315.

между собою старшинъ и козаковъ и трудность добиться послѣднимъ какой либо справедливости въ отживающій свой вѣкъ слободской Украйнѣ, что мы приведемъ здѣсь весь ходъ слѣдствія по этому дѣлу. Въ доносѣ своемъ Непышный взводилъ на Харьковскаго полковника слѣдующія немаловажныя обвиненія: Куликовскій принуждалъ козаковъ продавать женѣ своей земли, платя за нихъ, по своему усмотрѣнію, очень небольшія деньги; во время пребыванія полка въ компаментѣ на р. Комышеватѣ открылъ тамъ лавку и приказывалъ козакамъ своего полка покупать въ ней съѣстные и питейные припасы по произвольно установленной имъ-же цѣнѣ, конечно, притомъ очень высокой, запрещая брать таковыя гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Доносилъ, что Куликовскій, накупивъ на полковыя деньги лошадей, якобы подъ артиллерію, принуждалъ послѣ козаковъ, у которыхъ умышленно и пристрастно браковалъ лошадей, покупать ихъ по очень высокой цѣнѣ у себя, наживая, такимъ образомъ, большія деньги; писалъ, что полковникъ установилъ пошлины съ товаровъ на ярмаркахъ въ свою пользу, вопреки всѣмъ грамотамъ царскимъ, гарантировавшимъ козачьи привилегіи. Обвинялъ Непышный Куликовскаго и въ уклоненіи отъ исполненія служебныхъ обязанностей, говоря, что онъ, будучи назначенъ съ полкомъ въ прусскій походъ, не дошелъ даже до г. Валокъ, а подъ вымышленнымъ благовиднымъ предлогомъ возвратился обратно. Часть-же денегъ, предназначенныхъ на военные расходы, удержалъ у себя и не выдавалъ также слѣдуемаго козакамъ жалованія. О послѣднемъ, въ свое время, было донесено бригадиру Банческулу, но онъ не произвелъ по этому дѣлу никакого слѣдствія и самого доносчика поспѣшилъ услать въ дальнюю командировку. Наконецъ, Непышный обвинялъ Куликовскаго еще и въ томъ, что онъ опредѣлилъ въ липецкую сотню сотникомъ своего пасынка Черняка, причинявшаго козакамъ всевозможныя обиды, державшаго прежняго сотника и сотенныхъ старшинъ при себѣ для своихъ личныхъ услугъ. Многіе козаки той липецкой сотни, не имѣя возможности сносить долѣе всѣхъ этихъ притѣсненій, покидали свои дома и записывались въ подданство въ другихъ сотняхъ. Обо всѣхъ дѣяніяхъ Черняка Непышный

донесъ Куликовскому рапортомъ, думая, что найдетъ у него защиту, но полковникъ рапортъ этотъ отдалъ Черняку, за что онъ и билъ Непышнаго немилосердно. Потерпѣвъ неудачу и не найдя правды у своего полковника, Непышный прибѣжалъ къ генералъ-лейтенанту кн. Кантеміру (начальникъ Украинской дивизіи) съ жалобою уже на самого Куликовскаго, подробно разсказавъ ему о всѣхъ тѣхъ беззаконіяхъ, которыя творятся въ полку. Кн. Кантеміръ приказалъ изслѣдовать это дѣло Банческулу, который уже одинъ разъ, какъ мы видѣли, не пожелалъ дѣлать непріятное Куликовскому. И на этотъ разъ также Банческулъ, вмѣсто всякого разслѣдованія, отослалъ Непышнаго въ распоряженіе Куликовскаго, по приказанію котораго, его страшно избили и посадили подъ караулъ. Будучи всячески притѣсняемъ во время своего сидѣнія подъ арестомъ, Непышный, чтобы вырваться на свободу и продолжать свое исканіе суда надъ Куликовскимъ, подписалъ „покорное доношеніе", гдѣ говорилось, что онъ на полковника доносилъ якобы неправильно. Конечно, Куликовскій управлялъ полкомъ, подобно отцу своему, очень недобросовѣстно и во всемъ этомъ дѣлѣ, повторяемъ, былъ далеко небезупреченъ, если вынуждалъ подобное доношеціе, не хотѣлъ и боялся допустить дѣло до суда. Когда-же оно однако, туда попало, то всячески отъ него уклонялся, рапортовался больнымъ и не поѣхалъ, напримѣръ, въ Бѣлгородъ на судъ, когда было приказано, „не взирая ни на какія отговорки отправить его" туда [1]). Непышный-же, чувствуя, видимо, правоту своего доноса, не побоялся тягаться при тогдашнихъ-то порядкахъ съ богатымъ и потому всесильнымъ полковникомъ.

Послѣ своего освобожденія, Непышный вторично явился къ кн. Кантеміру, разсказалъ, какъ исполняются его приказы о разслѣдованіи дѣла, и объяснилъ ему цѣль поданнаго извинительнаго доношенія. На этотъ разъ кн. Кантеміръ поручилъ произвести слѣдствіе въ г. Ахтыркѣ одному старшинѣ, но и это его распоряженіе не привело ни къ чему, ибо въ Ахтырку не были отправлены нужные свидѣтели—сотники, писаря и козаки, почему и самое слѣдствіе не могло производиться.

[1]) Хар. ист. арх., отд. I, № 415.

Сознавая свое безсиліе и принимая, видимо, участіе въ Непышномъ, правоту котораго онъ видѣлъ, хорошо зная по себѣ слободскіе порядки [1]), кн. Кантеміръ отправилъ Непышнаго въ Петербургъ, для принесенія имъ лично жалобы правительствующему сенату, и выдалъ ему паспортъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто-бы Непышный посылается имъ съ „нужными дѣлами". Не велика была, значитъ, власть командующаго войсками, если ему нужно было прибѣгать къ подобнымъ уловкамъ! Но и въ Петербургѣ ждала Непышнаго неудача: его тамъ арестовали и изъ сената препроводили въ военную коллегію, которая притомъ прочла нравоученіе кн. Кантеміру, чтобы онъ на будущее время подобныхъ пашпортовъ не выдавалъ („нужныхъ дѣлъ" при писарѣ не оказалось) и требовала объясненія, почему онъ такъ поступилъ. Все это случилось въ 1761 году.

Съ того времени дѣло начало переходить отъ генерала къ генералу, изъ суда въ судъ, но нигдѣ не оканчивалось. Прежде всего военная коллегія предписала изслѣдовать дѣло „въ немедленномъ времени" (указъ отъ 11 мая 1761 года) генералъ-аншефу Стрешневу, для чего постановлено учредить особую коммиссію и, если окажутся доносы справедливыми, „хотя въ маломъ въ чемъ", то Куликовскаго отъ командованія полкомъ устранить, назначивъ на его мѣсто способнаго и достойнаго старшину. Предписывалось притомъ родственниковъ злополучнаго писаря не обижать, а относительно земель.

---

[1]) Рѣдко кто изъ власть имущихъ на Украйнѣ былъ въ то время безупреченъ; даже лица, занимавшія такія высокія мѣста, какъ кн. Кантеміръ, были сами грѣшны въ томъ, въ чемъ обвинялся и Куликовскій. Князь Константинъ Антіохіевичъ Кантеміръ былъ отрѣшенъ отъ командованія полками Высочайшимъ приказомъ (1763 г. 5 марта) (на его мѣсто былъ назначенъ генералъ-маіоръ Пасковичъ) за то, что укрѣплялъ безденежно за своею женою земли, назначалъ козаковъ на свои личныя работы и бралъ взятки. Изъ казенныхъ денегъ, безъ всякаго законнаго основанія, взялъ онъ 2121 руб. 26 коп., которыхъ и не возвратилъ. „Хотя (говорится въ указѣ) за все это и подлежитъ (Кантеміръ) военному суду, но мы изъ единаго милосердія за услуги въ минувшую войну, а особенно за особую вѣрность шурина его камергера Пассека... (назначили его) въ отставку нынѣшнимъ чиномъ (указъ 15 марта 1765 года)". Кантеміръ въ взводимыхъ на него преступленіяхъ сознался и былъ уволенъ отъ службы, однако, даже съ пансіономъ въ 1500 руб. въ годъ—„по его иностранству". Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 109, № 62.

которыя Куликовскій репрессивными мѣрами покупалъ у козаковъ своего полка, приказывалось учинить разслѣдованіе въ Бѣлгородской губернской канцеляріи.

Между тѣмъ къ Непышному, который все время содержался подъ арестомъ (Куликовскій постарался сдѣлать его положеніе тамъ очень тягостнымъ, на что писарь приносилъ жалобу въ слѣдственную коммиссію), являлся презусъ этой коммиссіи, подосланный, видимо, Куликовскимъ, и уговаривалъ его повидаться съ нимъ, поговорить и подать снова извинительное доношеніе. Снова Непышный подписываетъ „покорное доношеніе", доставляетъ тѣмъ себѣ благопріятный случай и бѣжитъ въ Москву (1762 года), пытаясь еще разъ добиться справедливости. Энергичнаго, но злосчастнаго писаря всюду преслѣдовала неудача: его тамъ, по приказанію генералъ-аншефа гр. Девьера, арестовали и отправили съ прапорщикомъ ландмилиціи Кондаковымъ въ слѣдственную коммиссію, гдѣ посадили подъ караулъ, заковавъ, на этотъ разъ, въ кандалы.

Коммиссія, засѣдавшая въ Харьковѣ, разобравъ дѣло, нашла доносы Непышнаго (и Довбии) неосновательными, а доносителя достойнымъ наказанія. Но, имѣя въ виду то, что они уже „претерпѣли много", рѣшила за лучшее это дѣло такъ оставить. Съ подобнымъ рѣшеніемъ не согласились, и дѣло долго еще тянулось. Попало оно, по указу военной коллегіи (1763 года 28 окт.), вмѣстѣ съ другими дѣлами, возникшими по доносамъ на Куликовскаго, къ генералъ-аншефу Олицу, но и имъ окончено не было.

Послѣ появленія въ Слободской Украинѣ премьеръ-маіора Щербинина, облеченнаго государынею большою властію, оно было передано, въ силу указа военной коллегіи (1764 года 12 марта), ему. Несчастный писарь Непышный по прежнему изнывалъ подъ арестомъ, а полковникъ Куликовскій, надъ которымъ тяготѣло столько обвиненій, продолжалъ стоять у власти. Наконецъ, дѣло это разсматривалось въ генеральномъ военномъ судѣ, засѣдавшемъ на украинской линіи, въ крѣпости св. Михаила. Непышнаго обвиняли въ слѣдующемъ: въ бѣгствѣ изъ-подъ караула въ Москву, въ доносѣ на Куликовскаго, юридически сдѣлавшагося ложнымъ, послѣ поданнаго

имъ извинительнаго доношенія. Обвинялся онъ также еще въ томъ, что будто писалъ на полковника разные пасквили, которые и были представлены въ судъ послѣднимъ. Непышный не призналъ на нихъ своей подписи и доказывалъ, что они подложны. Не удалось ему доказать свой доносъ и по дѣлу о насильственномъ пріобрѣтеніи Куликовскимъ земель, хотя имъ и былъ представленъ подробный списокъ, у кого была куплена земля и сколько за нее платилось.

Но если Непышный и не могъ доказать того предъ судомъ, то можемъ теперь легко это сдѣлать мы, приведя здѣсь сохранившійся въ дѣлахъ рапортъ Харьковской полковой канцеляріи (отъ 12 апрѣля 1765 года), изъ котораго видно, что „по *народнымъ* жалобнымъ дѣламъ" съ „извинившихся" полковника и старшинъ (въ силу указа правительствующаго сената отъ 23 марта 1765 года) было повелѣно взыскать деньги— „обидной суммы"—6019 руб. 40 коп., пошлинъ 607 р. 5 коп. и гербоваго сбора 8 руб. 28 коп., всего 6634 руб. 73 коп. Это лучшее доказательство справедливости доноса Непышнаго и виновности Куликовскаго, признавшаго себя виновнымъ. Остается удивляться, какъ это удалось ему доказать свою „правость" и „винность" доносителей. Въ томъ-же генеральномъ судѣ разбирались также и жалобы другихъ лицъ на полковника и на всѣхъ причастныхъ этому дѣлу старшинъ, сообщниковъ Куликовскаго въ его корыстныхъ дѣяніяхъ: сотниковъ Черняка, Мосцевого и полковаго писаря Романовскаго.

Изъ донесенія Щербинина въ военную коллегію видно, что въ 1766 г. это дѣло, начатое въ 1760 г., не приведено было еще къ какому либо окончательному рѣшенію. По переформированіи слободскихъ полковъ въ регулярные гусарскіе, эти слѣдственныя дѣла (какъ „некасающіяся до полковъ и теперь почти партикулярныя, подлежатъ болѣе гражданскому суду") переданы были Щербининымъ въ слободскую губернскую канцелярію, но, не принятыя ею, направлены имъ были снова въ военную коллегію. Словомъ, это дѣло въ окончательной формѣ рѣшено нигдѣ не было. Въ аттестатахъ, выдаваемыхъ Куликовскому, вездѣ говорится, что на судѣ „во всемъ открылась правость (Куликовскаго), а показанныхъ доносителей

и просителей винность". Значитъ, судъ оправдалъ полковника даже въ взводимомъ на него обвиненіи въ насильственномъ пріобрѣтеніи земли, въ томъ преступленіи, виновнымъ въ которомъ онъ призналъ себя самъ. Онъ долженъ былъ-бы отвѣчать также за бездѣйствіе власти, за дозволеніе завѣдомо старшинамъ притѣснять полчанъ, участвуя даже съ ними за одно. Ясно, что полковникъ Куликовскій не могъ быть безгрѣшнымъ. Это можно уже заключить изъ того упорства, съ которымъ Непышный, пришедшій въ крайнюю бѣдность, поддерживалъ обвиненіе, и большого числа жалобъ и доносовъ, поданныхъ полчанами на полковника—своего притѣснителя. За Куликовскимъ числилось 1400 душъ подданныхъ черкасъ; поэтому онъ, будучи очень богатъ, легко могъ ото всѣхъ откупаться, что было въ обычаѣ, и рѣдкій судья того времени не былъ Шемякою.

Куликовскій хотя не былъ наказанъ по заслугамъ, но все же это послужило ему помѣхою при расформированіи слободскихъ полковъ остаться на службѣ, чего онъ хотѣлъ и писалъ въ своей челобитной. Его даже отставили отъ службы не въ чинѣ полковника, какъ Боярскаго и Тевяшева—ахтырскаго и острогожскаго полковниковъ, бывшихъ гораздо моложе его по службѣ, а только подполковникомъ арміи, т. е. тѣмъ чиномъ, въ которомъ онъ состоялъ уже болѣе двадцати лѣтъ. И только въ 1768 году ему удалось добиться своего желанія—получить чинъ полковника въ отставкѣ, благодаря непонятному старанію Щербинина—онъ подалъ рапортъ въ военную коллегію, въ которомъ просилъ уволить Куликовскаго въ отставку съ награжденіемъ чиномъ полковника, говоря, что подобную награду онъ заслужилъ своею долговременною и «безпорочною» службою, участіемъ во многихъ походахъ, въ томъ числѣ и въ прусскомъ. Покривилъ въ этомъ случаѣ Щербининъ душею, благоволя почему-то къ Куликовскому. Онъ пишетъ, что полковникъ доказалъ на судѣ свою невинность, между тѣмъ, какъ вышеприведенный рапортъ полковой канцеляріи, о взысканныхъ деньгахъ за земли, поступилъ, вѣдь, къ нему-же; слѣдовательно, онъ зналъ о виновности полковника. Щербининъ въ выданномъ аттестатѣ говоритъ объ уча-

стіи Куликовскаго въ прусскомъ походѣ, въ дѣйствительности же онъ въ немъ не былъ. Едва-ли, чтобы то могло быть ему неизвѣстно, ибо съ 1757 года прошло тогда еще только десять лѣтъ[1]).

Таково-то было положеніе дѣлъ въ полку Харьковскомъ къ концу царствованія императрицы Елизаветы Петровны. Подобное-же творилось и въ другихъ слободскихъ полкахъ. Снова полчане, не видя иного выхода, согласясь между собою, рѣшили обратиться къ императрицѣ. Въ составленной просьбѣ, они объясняли ей «бѣдственное положеніе края» и просили о мѣрахъ къ устраненію его[2]). Императрица разъ уже исполнила ихъ просьбы, они за то ее благодарили; но отмѣна реформъ прошлаго царствованія и возстановленіе прежняго порядка не принесли желаемаго результата. Въ краѣ настала полная распущенность, непослушаніе было въ порядкѣ вещей, дисциплина отсутствовала; полкъ пришелъ, какъ мы видѣли, въ крайнее разстройство. Существующій порядокъ вещей былъ уже неумѣстенъ—онъ приносилъ съ собою только отягощеніе жителямъ и вредъ государству, ибо плохая была надежда на полки, находившіеся въ такомъ печальномъ состояніи. Страну могло спасти только одно — это коренная реформа всего, и она была уже недалеко. Прошеніе къ императрицѣ повезли въ Петербургъ острогожскій полковникъ Тевяшевъ и сумской полковой писарь Вартановскій. Въ то время дѣла дѣлались не скоро, да и трудно было къ тому-же вдругъ придумать эти „мѣры", долженствовавшія принести съ собою водвореніе порядка и благосостоянія жителямъ.

Три года[3]) сидѣла депутація въ Петербургѣ, терпѣливо ожидая рѣшенія, и не дождалась — императрица Елизавета Петровна умерла, не сдѣлавъ ничего для удовлетворенія просьбы козаковъ.

---

[1]) Мос. отд. арх. гл. шт., оп. 109, св. 62, 64 и 67; оп. 92, св. 419.
[2]) Н. Головинскій. Слоб. коз. пол., гл. VI.
[3]) Ibidem.

Глава XVI.

Назначеніе депутаціи, для поздравленія императрицы Екатерины II. — Просьба полковника Острогожскаго полка Тевяшева о высылкѣ денегъ.—Подача депутатами прошенія.—Предписаніе секундъ-маіору Щербинину.—Требованіе присылки къ нему одного изъ старшинъ. — Затрудненіе, встрѣченное канцеляріею, при отправленіи старшины въ Петербургъ.—Необходимость реформы.—Высочайшій манифестъ объ уничтоженіи слободскаго козачества. — Оставленіе жителямъ прежнихъ льготъ.—Инструкція губернатору Слободской-Украинской губерніи.—Учрежденіе „экспедиціи формированія слободскихъ гусарскихъ полковъ".—Переформированіе козачьихъ полковъ въ регулярные гусарскіе.—Образованіе Слободской-Украинской губерніи. —Введеніе подушнаго оклада.—Судьба козацкихъ старшинъ.—Дворянское депутатское собраніе и вотчинныхъ дѣлъ департаментъ. — Протесты старшинъ противъ реформы.—Письма изюмскаго полковника Краснокутскаго.—Атаманъ Васильковскій и его стараніе объ отправленіи депутаціи.—Неудачи.—Дальнѣйшая судьба его и другихъ старшинъ. —Волненіе среди народа.—Бунты.—Заключеніе.

По восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II, въ виду готовившейся ея коронаціи, приказано было составить въ слободскихъ полкахъ депутацію, для поздравленія „по долгу рабства" [1]). Приказаніе это послѣдовало отъ высшаго начальства, въ силу котораго каждый полкъ долженъ былъ выбрать по одному „хорошему" старшинѣ. Депутатамъ, по полученіи паспортовъ отъ кн. Кантеміра, нужно было ѣхать въ Москву и явиться къ острогожскому полковнику Тевяшеву, все еще сидѣвшему въ столицѣ съ писаремъ сумскаго полка Вартановскимъ, въ ожиданіи резолюціи на поданное отъ полковъ прошеніе. Съ разрѣшенія ближайшаго начальства, Тевяшевъ просилъ, чтобы всѣ полки высылали ему деньги на необходимыя издержки, ибо хлопоталъ онъ по общему дѣлу. А такъ какъ Харьковскій полкъ на содержаніе просителей денегъ еще ни разу ни посылалъ, то ему и было предписано

[1]) Хар. ист. арх. Отд. I, № 336.

принять участіе въ содержаніи жившихъ въ Петербургѣ депутатовъ [1]). Нововыбраннаго отъ полка депутата приказано было снабдить деньгами и выслать, чиня по указу „самострожайшее исполненіе“. За деньгами остановки не было—ихъ взяли изъ суммы [2]), предназначенной и собранной въ полку, для пріобрѣтенія однокалиберныхъ ружей, покупки сабель и другихъ полковыхъ нуждъ по части снаряженія. Депутатомъ отъ полка былъ назначенъ сотникъ Иванъ Ковалевскій, которому вручили на необходимые расходы 230 руб. [3]); сотникъ этотъ, конечно, по тогдашнимъ порядкамъ, не примннулъ поломаться, пытаясь отговориться отъ поѣздки „имѣющеюся немощью“.

Слободская депутація, съ полковникомъ Тевяшевымъ во главѣ, по окончаніи коронаціи, подала императрицѣ новое прошеніе, въ которомъ просила ее прекратить „народныя изнеможенія“ [4]).

Въ отвѣтъ на эту просьбу, послѣдовало повелѣніе государыни о назначеніи коммиссіи, поручаемой лейбъ-гвардіи секундъ-маіору Щербинину, которому указомъ (11 марта 1763 г.) предписывалось тщательно изучить причины, отъ которыхъ происходили въ слободской Украйнѣ безпорядки.

Для выполненія этой нелегкой задачи Щербинину понадобилось изъ полковъ по одному старшинѣ, которые-бы „хорошо знали всѣ порядки полковые“ и могли бы выяснить ему причину всего зла. Онъ обратился къ бригадиру Бринку, прося прислать таковыхъ къ нему въ Петербургъ. Исполняя эту просьбу, Бринкъ отдалъ приказаніе выбрать въ каждомъ полку одного старшину, удовлетворявшаго-бы требованіямъ Щербинина, и выслать его въ Петербургъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы онъ могъ прибыть туда къ 1 сентября 1763 г. Харьковской канцеляріи предстоялъ выборъ между слѣдующими лицами: обознымъ Иваномъ Ковалевскимъ, есаулами Максимомъ Горлинскимъ и Иваномъ Земборскимъ, сотникомъ Андреемъ Петровскимъ и ротмистромъ Иваномъ Нестеровымъ.

---

1) Хар. ист. арх. Отд. I, № 336.
2) Ibidem.
3) Ibidem.
4) П. Головинскій Слоб. коз. пол., гл. VI.

Выборъ палъ на Петровскаго, которому было и приказано для снабженія его всѣмъ явиться въ полковую канцелярію [1]). При назначеніи старшины къ отправленію въ Петербургъ, обнаружилось во всей своей красѣ безсиліе канцеляріи и полковника, а также отсутствіе всякой дисциплины въ полку. Петровскій, получивъ ордеръ о назначеніи, въ канцелярію не явился, а сказался больнымъ; канцелярія на этотъ разъ не повѣрила и пыталась оказать нѣкую энергію: она приказала подпрапорному Черноглазову ѣхать на хуторъ къ Петровскому и, не взирая ни на что, привести въ исполненіе предписаніе, т. е. выслать его въ Петербургъ. Подпрапорный донесъ, что Петровскій болѣнъ настолько, что даже выйти изъ хаты не въ состояніи. На это послѣдовалъ вторичный ордеръ Черноглазову о томъ-же. Подпрапорный на этотъ разъ уже донесъ, что онъ пытался неоднократно исполнить предписаніе канцеляріи, но что Петровскій ѣхать категорически отказался. Тогда канцелярія прибѣгла къ слѣдующей неблаговидной и подрывающей дисциплину мѣрѣ: рядовому козаку вручили строжайшую инструкцію доставить Петровскаго въ полковую канцелярію, не взирая ни на какія его отговорки. Приказаніе это было исполнено, но Петровскій и тамъ рѣшительно заявилъ, что по старости лѣтъ и болѣзни, происходившей отъ выбитаго лошадью ребра, онъ въ командировку не поѣдетъ. Его, наконецъ, оставили въ покоѣ, а ордеръ ѣхать въ Петербургъ отправили Земборскому. Не явился въ канцелярію и этотъ, рапортуясь больнымъ. И за этимъ былъ посланъ козакъ. Представленный въ канцелярію, Земборскій стоялъ на своемъ; его освидѣтельствовали и нашли больнымъ.

Вслѣдствіе отказа этихъ двухъ старшинъ, харьковская канцелярія находилась въ большомъ затрудненіи, ибо оставались Ковалевскій, Горлинскій и Нестеровъ, но всѣ они находились подъ слѣдствіемъ, почему она и не рѣшалась ихъ назначить. За разъясненіемъ этого труднаго вопроса обратилась къ бригадиру Бринку, но тотъ отвѣтилъ, что такъ какъ коммиссія, зная это обстоятельство, все-таки назначила этихъ старшинъ къ выбору, то онъ поэтому канцеляріи приказываетъ, не

[1]) П. Головинскій. Слоб. коз. пол., гл. VI.

утруждая его напрасною перепиской, точно исполнить предписаніе начальства. Тогда ордеръ о назначеніи ѣхать въ командировку былъ посланъ Горлинскому, но и этотъ поспѣшилъ заявить, что ѣхать не можетъ по разстроеннымъ домашнимъ обстоятельствамъ и по болѣзни; его освидѣтельствовали и также нашли больнымъ. Канцелярія снова обратилась къ Брину, но бригадиръ сдѣлалъ строгій выговоръ засѣдавшимъ въ ней за нерадѣніе и предписалъ вторично исполнять указы. Въ отвѣтъ на посланное предписаніе Ковалевскому ѣхать въ Петербургъ, послѣдовалъ отъ него рапортъ о болѣзни. Оставался, наконецъ, одинъ Нестеровъ, который и былъ назначенъ; но такъ какъ онъ себя, вѣроятно, хуже другихъ не считалъ, то ѣхать не согласился и заявилъ, что болѣнъ; освидѣтельствовали и этого и также нашли больнымъ.

Наконецъ, полковой канцеляріи посчастливилось найти сговорчиваго сотника Якова Бородаевскаго, вручивъ которому 101 руб., она поспѣшила отправить его въ Петербургъ [1]).

Лучшаго доказательства тѣхъ безпорядковъ, которые происходили въ полку, не нужно! Можно-ли было правительству оставить существовать Слободскую Украйну при тѣхъ жалкихъ условіяхъ, при которыхъ она доживала свой вѣкъ. Коммиссіи было не трудно убѣдиться въ томъ и придти къ заключенію, что единственною, цѣлесообразною реформою, которая-бы могла положить конецъ сразу всѣмъ этимъ несообразностямъ, происходящимъ отъ смѣшаннаго управленія воинскаго съ гражданскимъ, можетъ быть только полное уничтоженіе козачества, которое, по измѣнившимся политическимъ условіямъ, являлось уже излишнимъ, препятствовавшимъ только развитію гражданственности въ странѣ. Въ этомъ духѣ былъ составленъ отчетъ Щербинина, и слѣдствіемъ его явился высочайшій манифестъ, въ которомъ императрица говорила, что „полное находя удовольствіе въ благоденствіи подданныхъ“, она не могла оставить безъ вниманія того, что творилось въ слободскихъ полкахъ, почему и рѣшила собственно для ихъ-же пользы „непрочную“ службу слободскихъ козачьихъ полковъ превратить „въ лучшую и государству полезнѣйшую“. Этимъ

---

[1]) П. Головинскій. Слоб. коз. п., гл. VI.

манифестомъ козачество уничтожалось совершенно; всѣ жители Слободской Украйны сравнивались съ прочими русскими подданными; но „безъ нарушенія указами не отмѣненныхъ привиллегій“, что уже являлось немалымъ утѣшеніемъ [1]), ибо, устраняя все, что причиняло слобожанамъ тягости, манифестъ этотъ оставлялъ жителямъ всѣ ихъ прежнія льготы: свободное владѣніе землями и всѣми угодьями, безоброчное винокуреніе, особенно приносившее выгоды обывателямъ, безпошлинная продажа вина, соли и т. п.[2]). Это-же подтверждала и инструкція губернатору Слободской губерніи, гдѣ ему приказывалось управлять страною, вообще руководствуясь общими постановленіями для имперіи, но при условіи, если это „не можетъ касаться и повреждать данныхъ и конфирмованныхъ слободскимъ полкамъ и ихъ жителямъ привиллегій“ [3]).

Для переформированія прежнихъ козачьихъ полковъ въ регулярные, учреждена была въ Харьковѣ „Экспедиція формированія слободскихъ гусарскихъ полковъ“ [4]) предсѣдателемъ ея былъ назначенъ тотъ-же Щербининъ, который и началъ свою работу, проводя реформу мягко, безъ лишней крутой ломки. Всѣ слободскіе полки были переформированы, удержавъ свои старинныя коренныя названія. Полкъ, служащій предметомъ нашихъ изслѣдованій, сталъ называться „Харьковскимъ полевымъ гусарскимъ“. Такъ какъ дальнѣйшая исторія Харьковскаго полка, вошедшаго съ этого времени въ новую фазу своего существованія, составитъ вторую часть нашего труда, гдѣ мы постараемся изложить всѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ произошло это переформированіе, то здѣсь мы только скажемъ еще о судьбѣ старшинъ, козаковъ и другихъ членовъ прежняго козацкаго строя и о томъ, какъ отнеслись всѣ они къ уничтоженію ихъ древнихъ порядковъ.

Вся прежняя территорія слободскихъ полковъ была преобразована въ „Слободскую Украинскую губернію“, съ губернскимъ городомъ Харьковомъ; область каждаго полка названа

---

[1]) Манифестъ отъ 28 іюля 1765 г. Пол. соб. зак., т. XVII, № 12440.

[2]) Квитка. Зап. о слоб. пол., стр. 22.

[3]) Пол. соб. зак., т. XVII, № 12430.

[4]) Хар. вст. арх., отд. IV, № 3.

провинціею, а для управленія этими провинціями въ каждой учреждены были шесть коммисарствъ. Слободской гусарскій полкъ, сформированный въ царствованіе Елизаветы Петровны (1757 г.), приказано было раскассировать. Всѣ сборы, которыми обложены были слобожане на содержаніе своихъ полковъ, теперь отмѣнялись, а, вмѣсто нихъ, назначался подушный окладъ съ казенныхъ войсковыхъ обывателей, въ которыхъ обратились прежніе козачьи подпомощники и подсосѣдки, въ размѣрѣ 95 коп. съ пользовавшихся правомъ винокуренія и по 85 коп. съ непользовавшихся этимъ правомъ; съ владѣльческихъ-же крестьянъ, что̀ носили прежде названіе подданныхъ, бралось по 60 коп. съ души [1]).

Полковымъ и сотеннымъ старшинамъ было предложено или продолжать службу въ регулярныхъ гусарскихъ полкахъ, или уйти въ отставку. Старшины принимались на службу на слѣдующихъ основаніяхъ: полковники, бывшіе въ сраженіяхъ противъ непріятеля, принимались въ гусары, а также и увольнялись въ отставку подполковниками; обозные переходили въ премьеръ-маіоры; небывшіе въ сраженіяхъ—чиномъ ниже—въ секундъ-маіоры, этимъ-же чиномъ поступалъ и полковой судья. Остальные члены полковой старшины—есаулы, хорунжій и ротмистръ, бывшіе въ сраженіяхъ принимались—капитанами, небывшіе—поручиками; сотники—поручиками и прапорщиками. Въ статскую службу полковые старшины (кромѣ полковыхъ обозныхъ) увольнялись титулярными совѣтниками; писаря—секретарями; наконецъ, подпрапорные, аттестованные на должность сотниковъ, поступали вахмистрами, а остальные—унтеръ-офицерами и капралами [2]).

Щербининъ приказалъ къ назначенному числу собраться въ Харьковъ всѣмъ козацкимъ старшинамъ и подпрапорнымъ, которымъ канцеляріи должны были представить списки и аттестаціи, но на этотъ смотръ не явилось ни единой души [3]).

Часть ранговыхъ козаковъ Харьковскаго полка попала въ гусары, остальные-же, 386 человѣкъ, были распущены по до-

---

[1]) Топограф. опис. Хар. намѣст., стр. 18.

[2]) И. Головинскій. Слоб. коз. пол., гл. VII.

[3]) Ibidem.

мамъ [1]). Лицамъ дворянскаго происхожденія предложено было представить доказательство на это достоинство и записаться въ книгахъ дворянскаго депутатскаго собранія; кто-же не пожелалъ, или не могъ того сдѣлать, попалъ въ подушный окладъ [2]). Былъ также учрежденъ „вотчинныхъ дѣлъ департаментъ“, въ которомъ утверждались права собственности жителей Слободской Украйны на владѣніе нѣкогда занятыми ими землями [3]).

Хотя реформа, введенная въ полки Щербининымъ, благодаря его умѣнію и мягкости, прошла довольно благополучно, безъ особенныхъ осложненій, которыхъ можно было ожидать при коренной замѣнѣ всего прежняго порядка управленія въ странѣ, но все-же безъ нѣкотораго протеста со стороны слобожанъ не обошлось. Главнымъ образомъ, реформа могла быть непріятна для полковыхъ старшинъ, которые, при отсутствіи точно опредѣленныхъ сборовъ на содержаніе полка и контроля въ расходѣ денегъ, часто не забывали и себя, пользуясь остатками и другими выгодами, почему и протесты начали исходить отъ нихъ. Во время подготовительныхъ къ реформѣ работъ, въ Петербургѣ жилъ изюмскій полковникъ Краснокутскій. Узнавъ, что слободскому козачеству грозитъ полное уничтоженіе, онъ, печалясь естественно тѣмъ, написалъ письма изюмскимъ старшинамъ, въ которыхъ, сообщая имъ о томъ, умолялъ, даже съ „употребленіемъ слезъ“ [4]), снарядить депутацію, которая-бы исходатайствовала въ Петербургѣ сохраненіе прежнихъ порядковъ, что̀, по его словамъ, сдѣлать еще было не поздно. Какъ приняли старшины эти письма — неизвѣстно, ибо изюмская полковая канцелярія позднѣе заявляла, что старшины этихъ писемъ не получали вовсе. Но эти письма ходили между жителями въ Изюмѣ;— извѣстно, что начали было даже собирать деньги на посылку депутатовъ, опредѣляя нужную для того сумму въ 700 руб. Особенно съ большимъ усердіемъ распространялись эти пись-

[1]) Хар. ист. арх. Отд. VII, № 1.

[2]) Н. Головинскій. Слоб. коз. пол., гл. VII.

[3]) В. В. Гуровъ. Сборн. судеб. рѣш., стр. 153.

[4]) Н. Теличенко. Протестъ слоб. старшинъ и козаковъ противъ реф. 1765 г. Кіев. Ст., т. XX, 1888 г., стр. 244—270.

ма обывателями Торяникомъ и Лебединскимъ; переписывалъ ихъ писарь Гречка и даже посвидѣтельствовалъ ихъ, приложивъ свою руку[1]). Главную-же огласку и популярность письма получили въ Харьковскомъ полку, проникнувъ туда слѣдующимъ путемъ: нѣкій Двигубскій, сотникъ Изюмскаго полка, привезъ ихъ харьковскому полковнику Куликовскому въ имѣніе его, въ с. Ракитное, но, не заставъ его дома, отдалъ ихъ для снятія копій его служителю—Татаринову, который эти злополучныя письма передалъ Даніилу Сухомлинову, отставному подпрапорному. Этотъ послѣдній прочиталъ письма Краснокутскаго собравшимся у него гостямъ — валковскому атаману Ивану Васильковскому, подпрапорному Антону Пащинскому и козакамъ Шевченко и Луценко. Гости долго толковали о предстоящей реформѣ, порицали ее и были вообще за то, чтобы послать депутацію. Послѣ этого Сухомлиновъ отдалъ письма Васильковскому для того, чтобы онъ, какъ атаманъ, объявилъ ихъ народу. 29 октября (1764 г.), по приказанію Васильковскаго, писарь прочелъ въ ратушѣ письма, а атаманъ отъ себя убѣждалъ собравшихся козаковъ учинить сборъ денегъ и послать просителей въ Петербургъ, какъ о томъ умолялъ Краснокутскій. Козаки, видимо, были не прочь дать денегъ на это дѣло, но часто обманываемые своими старшинами, дѣлавшими сборы съ корыстною цѣлью, узнавъ притомъ, что письма эти присланы не изъ харьковской полковой канцеляріи, не повѣрили и разошлись, не придя ни къ какому рѣшенію[2]). Но на этомъ Васильковскій не успокоился. Не найдя сочувствія въ сотнѣ, онъ отправился, въ обществѣ какого-то валковскаго жителя, въ Харьковъ, думая тамъ найти у полчанъ больше любви къ своему козачеству; однако и въ полковомъ городѣ онъ потерпѣлъ неудачу. А такъ какъ Васильковскій понималъ хорошо, что его стараніе подвинуть козаковъ на ходатайство не можетъ остаться тайною для властей, то началъ опасаться, какъ-бы ему не пришлось поплатиться чѣмъ нибудь, въ родѣ заполученія „штрафа на тѣлѣ", почему и рѣшилъ эти письма представить при рапортѣ въ полковую

[1]) И. Теличенко. Прот. слоб. старш., Кіев. стар., т. XX, 1888 г., стр. 244—270.
[2]) Ibidem.

канцелярію. Этимъ онъ, вѣроятно, думалъ показать себя предъ русскими властями сторонникомъ реформы и охранителемъ интересовъ правительства. Канцелярія, получивъ эти письма, усмотрѣла во всемъ томъ большое преступленіе. Полетѣли предписанія, чтобы сотники строго смотрѣли и не допускали въ своихъ сотняхъ распространять подобныя письма; но сотники успокоили канцелярію донесеніями, что у нихъ все обстоитъ благополучно. Возгорѣлось цѣлое дѣло, получившее названіе: „слѣдственное дѣло о нѣкоемъ письмѣ для народнаго объявленія". Всѣ лица, такъ или иначе причастныя къ этому „нѣкоему письму", были привлечены къ отвѣту. Добрались до Краснокутскаго, и, не смотря на его объясненія, что письма его не имѣли цѣли возмущать народъ, военная коллегія признала полковника виновнымъ въ желаніи поднять волненіе и приговорила его, не дѣлая ему „пристрастныхъ" допросовъ по старости лѣтъ,—по лишеніи чиновъ и орденовъ, наказать плетьми на Украинѣ. Но имѣя въ виду, что бунта еще не произошло, наказаніе это отмѣнили, опредѣливъ, по лишеніи чиновъ и орденовъ, сослать его въ г. Казань, чрезъ гарнизонную команду. Это было исполнено, но Краснокутскій былъ въ скорости возвращенъ оттуда на родину, благодаря стараніямъ своей жены, которая лично о томъ просила государыню. Всѣ имѣнія Краснокутскаго были конфискованы, и только часть ихъ была возвращена его женѣ; самъ-же онъ скоро умеръ.

Военная коллегія произнесла свой приговоръ только надъ изюмскимъ полковникомъ, а наказаніе прочихъ лицъ, причастныхъ къ этому дѣлу, предоставила генералитету, у котораго они находились въ подчиненіи. Сухомлиновъ и Пащинскій, признавшіе себя виновными только въ томъ, что не предприняли мѣръ для пресѣченія, были приговорены Бринкомъ (ордеръ 1 іюня 1765 г.), „дабы впередъ такихъ постороннихъ и сумлительныхъ писемъ не принимали въ дѣйство и по онымъ не исполняли"[1]), къ тѣлесному наказанію: Пащинскому дать 25 ударовъ палками, Сухомлинову 50, Васильковскаго-же приказано было наказать плетьми при полковой канцеляріи

[1]) И. Теличенко. Прот. слоб. стар. Кіев. стар., т. XX, 1888 г., стр. 244—270.

и, кромѣ того, разжаловать изъ атаманства въ тотъ чинъ, въ которомъ онъ состоялъ предъ вступленіемъ въ эту должность. Къ наказанію плетьми-же были приговорены и изюмскіе жители: Торяникъ и Лебединскій за разглашеніе, а писарь Гречка за „рукопрекладство".

Харьковская полковая канцелярія привести въ исполненіе приговоръ не могла по полученіи ордера, ибо никого изъ осужденныхъ на лицо не оказалось: Пацинскій былъ командированъ съ командою въ Бахмутъ, Сухомлиновъ собиралъ подати, а Васильковскій поѣхалъ въ Кіевъ на богомолье. Объ этомъ донесли Бринку, который заподозрилъ полковую канцелярію въ укрывательствѣ виновныхъ, такъ какъ отпустить ихъ она, собственно, не могла, ибо всѣ они находились подъ слѣдствіемъ; а Васильковскій, кажется, былъ отпущенъ даже послѣ полученія ордера о его наказаніи. Все это сильно обозлило Бринка, и онъ приказалъ розыскать всѣхъ трехъ обвиненныхъ, особенно Васильковскаго; были разставлены караулы и послана погоня по всѣмъ дорогамъ въ Кіевъ. Захватили Васильковскаго въ м. Рублевкѣ Ахтырскаго полка и повезли въ Харьковъ. По пути, около Валокъ, гдѣ было его мѣсто жительства, Васильковскому удалось бѣжать, а караульные продолжали везти дальше слугу его и имущество; но до Харькова не довезли, ибо Васильковскій за Люботиномъ сдѣлалъ на нихъ нападеніе съ переодѣтыми въ сѣряки людьми, отбилъ своего слугу и скрылся.

Былъ-ли Васильковскій снова пойманъ и наказанъ—неизвѣстно, но, впослѣдствіи, онъ подавалъ прошеніе, въ которомъ приносилъ жалобу на рѣшеніе Бринка [1]), несправедливо на него налагавшее взысканіе; неизвѣстно также, что изъ этого вышло. Является снова Васильковскій—канцеляристомъ при экспедиціи формированія слободскихъ гусарскихъ полковъ [2]); въ это званіе онъ былъ опредѣленъ изъ подпрапорныхъ, изъ чего можно заключить, что приговоръ надъ нимъ былъ исполненъ, ибо его смѣстили съ атаманства и опредѣлили на службу подпрапорнымъ; нужно думать, что его также

[1]) И. Теличенко. Прот. слоб. стар., Кіев. стар., т. XX, 1888 г., стр. 244—270.

[2]) Хар. ист. арх., отд. VI, № 5.

высѣкли,—такъ, какъ въ резолюціи Щербинина на поданное Васильковскимъ прошеніе объ отставкѣ говорится, что за представленіе въ канцелярію писемъ полковника Краснокутскаго его признали виновнымъ, „а онъ, Васильковскій, показавъ въ томъ усердіе, отъ несогласныхъ претерпѣвалъ между тѣмъ бѣдственное разореніе“ [1]). Васильковскій просился въ отставку послѣ того сейчасъ-же, но ему было приказано состоять при экспедиціи канцеляристомъ до окончанія формированія полковъ, а послѣ предоставлялось право или выйти въ отставку, или продолжать службу въ гусарскомъ полку. По окончаніи формированія, Васильковскій подалъ прошеніе, гдѣ просилъ уволить его отъ службы, мотивируя тѣмъ, что онъ боленъ и неспособенъ къ должности канцеляриста. Щербининъ, видимо довольный поведеніемъ Васильковскаго, просьбу его исполнилъ и положилъ уволить его вахмистромъ, давъ ему на этотъ чинъ „абшидъ“ (указъ объ отставкѣ), но Васильковскій подалъ просьбу, гдѣ говорилъ, что, такъ какъ онъ, собственно въ строевой службѣ не былъ, ибо въ Харьковскомъ полку подпрапорнымъ только числился, то не желаетъ быть увольненнымъ въ отставку вахмистромъ, а проситъ отставить его отъ службы статскимъ чиномъ. И эта просьба его Щербининымъ была уважена: его исключили изъ службы въ чинѣ губернскаго регистратора, давъ ему на это абшидъ [2]).

Кромѣ этихъ протестовъ, исходившихъ отъ старшинъ, были еще таковые и среди остальнаго населенія. Указъ, вводившій подушную подать, былъ причиною волненій и негодованій слобожанъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Украйны вспыхивали бунты, жители отказывались выбирать раскладчиковъ новыхъ сборовъ; но эти безпорядки легко подавлялись съ помощью тѣхъ-же слободскихъ гусаръ, которымъ приходилось усмирять, арестовывать и сѣчь своихъ отцовъ и братьевъ, хотя они это и дѣлали, конечно, будучи къ тому принуждаемы. Но все это послужило причиною возникновенія вражды между населеніемъ и полками, въ ряды которыхъ оно должно было поставлять своихъ членовъ и, къ тому-же, содержать ихъ [3]).

---

[1]) Хар. ист. арх., отд. VI, № 5.
[2]) Ibidem.
[3]) Н. Теличенко. Протестъ слоб. стар. Кіев. стар., т. XX, 1888 г., стр. 244—270.

Такимъ образомъ, слободское козачество, сыгравъ назначенную ему историческую роль, прекратило свое существованіе, и вскорѣ даже память о немъ умерла въ народѣ; городъ-же Харьковъ, обратившись изъ полковаго въ губернскій, пошелъ быстрыми шагами по пути развитія и сдѣлался умственнымъ центромъ юга Россіи и важнымъ торговымъ рынкомъ, забывъ совершенно, кому онъ обязанъ своимъ возникновеніемъ. Даже самый Харьковскій полкъ, безпрестанно обновляясь въ своемъ составѣ, утратилъ представленіе о томъ, почему онъ именно называется нынѣ Харьковскимъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ГРАМОТА

жителямъ города Салтова 7176 (1668 г.) года, 19 февраля.

„Божіею милостію Мы отъ Великаго Государя и Великаго Князя всея великія и малыя, и бѣлыя Россіи самодержца, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ отчича и дѣдича, и наслѣдника, и государя, и обладателя, Нашего Царскаго Величества города Салтова всѣмъ тутошнимъ жителямъ всякого чина и возраста отъ насъ, Великаго Государя, милостивое слово.

Вѣдомо Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, нынѣ учинилося по отпискамъ изъ нашихъ, Великаго Государя, Украинскихъ и малороссійскихъ городовъ воеводъ и приказныхъ людей, что Ивашко Бруховецкой съ единомышленники своими, съ полковники и сотники, забывъ Господа Бога и свое обѣщаніе предъ св. Евангеліемъ, Намъ, Великому Государю, Нашему Цар. Вел., измѣнили и разослали отъ себя во всѣ малороссійскіе города и жителямъ всякаго чина воровскіе прелестные листы, а въ нихъ писали, что Мы, Великій Государь, Наше Цар. Вел., съ братомъ нашимъ, наіяснѣйшимъ Великимъ Государемъ съ Яномъ Казиміромъ, съ Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ, учинили перемиріе на урочные годы, а на посольствѣ будто наши Великаго Государя великіе и полномочные послы съ польскими и литовскими комисары прошлаго году постановили и присягали на томъ, чтобы жителей украинскихъ мужска полу и женска и малыхъ дѣтей выгубить и Украйну на дикое

поле обратить, а иныхъ жителей и дѣтей сослать въ Сибирь; и призвавъ онъ, измѣнникъ Ивашко Бруховецкой изъ-за днѣпровскихъ городовъ и изъ-за пороговъ измѣнниковъ-же черкасъ, чтобы малороссійскіе города сей стороны Днѣпра и въ нихъ всякаго чину жителей взбунтовать и кровь христіанскую проливать неповинно; и тѣ измѣнники заднѣпровскіе и запорожскіе, прешедъ на здѣшнюю сторону Днѣпра, въ городѣхъ жителей всякаго чина людей взбунтовали и на всякое злое дѣло ихъ привели. А онъ, измѣнникъ Ивашко Бруховецкой, въ Гадячѣ воеводу Евсегнея Огарева и нашихъ государевыхъ ратныхъ людей, которые посланы были, велѣлъ побить и христіанской крови разлитіе учинить безвинно, а въ городѣхъ малороссійскихъ въ Глуховѣ, въ Батуринѣ и въ Полтавѣ по его-жъ измѣнничью воровскому умыслу и письму измѣнники-жъ заднѣпровскіе и запорожскіе черкасы воеводъ и начальныхъ, и разныхъ людей изъ малыхъ городковъ взяли за вѣрою, обманомъ, а иныхъ приступомъ, и отдали за приставы, а ратныхъ людей побили многихъ безвинно, а по Нашему, Великаго Государя, указу тѣ воеводы и ратные люди въ малороссійскіе города посланы были для обереганія отъ непріятельскаго прихода, а не для разоренія.

А мы, Великій Государь, Наше Цар. Вел., Государь Христіанскій, свидѣтельствуемся Господомъ Богомъ, что у насъ и у мысли того не было, какъ измѣнникъ Ивашко Бруховецкой и его сотники, измѣнники-жъ, въ прелестныхъ своихъ измѣнничихъ письмахъ въ малороссійскіе города ко всякимъ жителямъ писали на смуту. И желали мы, Великій Государь, и нынѣ желаемъ малороссійскихъ городовъ жителямъ всякаго чину и возраста покоя и тишины, и благоденствія, а не разлитія христіанской крови.

А на польскихъ съѣздахъ наши, Великаго Государя, великіе и полномочные послы брата Нашего его Королевскаго Величества съ комисары и послы перемиріе учинили на урочные годы на тринадцать лѣтъ и на шесть мѣсяцевъ и записами въ томъ укрѣпились и съ тѣхъ записей къ измѣннику, къ Ивашкѣ Бруховецкому, посланъ списокъ. И изволили Мы, Великій Государь, Наше Цар. Вел., послать Нашей, Великаго

Государя, денежной казны къ брату Нашему, къ Королевскому Величеству, двѣсти тысячъ за (тѣ), которыя шляхта имѣла маетности свои въ малороссійскихъ городѣхъ и по договору, и по укрѣпленію нашихъ, Царскаго Величества, великихъ и полномочныхъ пословъ и Королевскаго Величества комисаровъ и отъ шляхты за тѣ деньги въ малороссійскіе города въ маетности свои не въѣзжать и разореній имъ не чинить.

И вамъ-бы, города Салтова старшинамъ и всѣмъ жителямъ старѣйшимъ и юнѣйшимъ всякаго чину и возраста, памятуя Господа Бога и свое обѣщаніе предъ св. Евангеліемъ, на нашу Государеву милость быть надежнымъ и сей Нашей, Великаго Государя, милостивой грамотѣ вѣрить, отъ измѣнниковъ и отъ всякихъ шатостей отстать и быть у Насъ, Великаго Государя, Нашего Цар. Вел., подъ Нашею, Великаго Государя, самодержавною высокою рукою въ вѣчномъ подданствѣ по прежнему своему обѣщанію, а измѣнника Ивашка Бруховецкаго и его совѣтниковъ не слушать и на прелестныя ихъ письма не прельщаться; а мы, Великій Государь, наше Цар. Вел., по своему Государскому милосердію васъ держать въ нашемъ, Великаго Государя, милостивомъ жалованіи и въ призрѣніи и свыше прежняго; и вамъ-бы оной конечно сей нашей, Великаго Государя, милостивой грамотѣ вѣрить.

Писанъ въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта отъ созданія міра 7176, девятнадцатаго февраля дня" [1]).

„Въ подлинной грамотѣ на оборотѣ написано тако:

Божіею милостію Великій Государь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержецъ".

Съ подлинной списалъ Канцеляристъ (фамилія неразборчива).

---

[1]) Копія этой грамоты найдена въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ. Отд. I, № дѣла 300.

КАРТА
СЛОБОДСКИХЪ
ПОЛКОВЪ
ХАРЬКОВСКАГО, СУМСКОГО,
АХТЫРСКАГО, ИЗЮМСКАГО
и
ОСТРОГОЖСКАГО.
0 1 2 3 4 5 10 20 25
МАШТАБЪ РОССІЙСКИХЪ ВЕРСТЪ 10.
1762 ГОДА
БѢЛГОРОДСКАЯ ГУБЕРНІЯ
БѢЛГОРОДСКАЯ ГУБ.
СЛОБОДСКОЙ СУМСКОЙ ПОЛКЪ
СЛОБОДСКОЙ АХТЫРСКІЙ ПОЛКЪ
СЛОБОДСКОЙ ХАРЬКОВСКІЙ ПОЛКЪ
ЧУГУЕВСКІЙ УѢЗДЪ
СЛОБОДСКОЙ ИЗЮМСКІЙ ПОЛКЪ
СЛОБОДСКОЙ ОСТРОГОЖСКІЙ ПОЛКЪ
ВОРОНЕЖСКАЯ ГУБ.
ВОРОНЕЖСКАЯ ГУБ.
ПОЛТАВСКІЙ ПОЛКЪ
ГАДЯЧСКІЙ ПОЛКЪ
ЛУБЕНСКІЙ ПОЛКЪ
СЛАВЯНО-СЕРБІЯ
ХАРЬКОВЪ
СУМЫ
АХТЫРКА
ИЗЮМЪ
ВОЛЧАНСКЪ
ЧУГУЕВЪ
ОСТРОГОЖСКЪ
СУДЖА
БѢЛОПОЛЬЕ
МИРОПОЛЬ
ВАЛУЙКИ
ЗМІЕВЪ
ВАЛКИ
КАЛИТВА
ТОЛЫ

